

АЛЕКСАНДР ТЕУЩАКОВ

Путь «Черной МОЛНИИ»

КНИГА 2

Александр Теущаков

Путь «Черной молнии». Книга 2

«Издательские решения»

Теущаков А.

Путь «Черной молнии». Книга 2 / А. Теущаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967127-1

Разные люди объединились в группу для наказания насильников и убийц детей. Друзья столкнулись с невероятными трудностями: преследованием бандой Аркана, подпольные цеховики при поддержке уголовников разыскивали ограбившую их группу. К тому же, КГБ, внедряя в сообщество «воров в законе» спецагентов, вышел на след таинственной группы, не подозревая, что это организация «Черная молния». Из сложной ситуации есть один выход — завладеть важными сведениями и направить преследователей по ложному пути.

ISBN 978-5-44-967127-1

© Теущаков А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. КРАХ БАНДЫ АРКАНА	6
Глава 1 Подозрительная записка	6
Глава 2 Коварство Аркана	13
Глава 3 Вступление в тайную организацию	20
Глава 4 Побег	37
Глава 5 Под крышей лесника	50
Глава 6 Сбить со следа	59
Глава 7 Поединок	66
Глава 8 Смерть за смерть	77
Глава 9 Побег рецидивиста	86
Глава 10 Двое под крылом смерти	98
Глава 11 По следу банды	108
Глава 12 Факты – упрямая вещь	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Путь «Черной молнии»

Книга 2

Александр Теущаков

© Александр Теущаков, 2019

ISBN 978-5-4496-7127-1 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-7128-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы невольники судеб, но не лакеи немислимых законов.

Часть 1. КРАХ БАНДЫ АРКАНА

Глава 1 Подозрительная записка

Сергей Крутов созвонился еще с одним «прикормленным» сотрудником СИЗО¹ сержантом Звягинцевым. На следующий день, проезжая в своей машине мимо магазина «Чемпион», Крутов буквально на минуту встретился с сержантом. Сергей отдал ему записку и на словах объяснил, в чьи руки она должна попасть. К тому же, он донес до недалекого ума Звягинцева, насколько важно это мероприятие в целях безопасности, окажись записка в руках какого-нибудь тюремного оперативника, крупных неприятностей не избежать. Но, за оказание такой услуги сержант попросил у Крутова приличную сумму.

В день очередного дежурства Звягинцев поднялся на второй этаж в старшинскую комнату и, сняв с себя китель, повесил на спинку стула. Тем временем зашла служащая изолятора Светлана Пыжьянова, дежурившая в одну смену со Звягинцевым. Увидев девушку, сержант засуетился и, сославшись на занятость, направился к выходу, но при этом умудрился хлопнуть Светлану по пухленькой попке. Посчитав его выходку возмутительной, девушка дернулась, чтобы влить ему пощечину, но передумала. Пыжьянова с надменным видом села за стол писать рапорт на провинившегося заключенного, осужденного на пятнадцать лет строгого режима. В прошлую смену он предложил Светлане десять рублей, за то, чтобы пощупать ее упругую грудь. Можно было конечно вызвать наряд местных «футболистов²» и проучить наглеца, но Пыжьянова устроилась работать в СИЗО недавно и потому решила наказать заключенного официальным путем.

...Невольно вспомнилось недавнее ночное развлечение. Она даже не ожидала от себя такой резвости. Еще бы, выпить на двоих почти литровую бутылку вина...

По истечении недели ее работы в тюрьме, в день очередного дежурства, поздно ночью, когда в камерах затих гомон заключенных, Звягинцев пригласил Светлану в старшинскую комнату. Достав из портфеля большую бутылку вина и закуску, предложил выпить за знакомство. После того, как они «приговорили» бутылку крепленого вина, Светлана расслабилась и, флиртуя с нагловатым симпатичным парнем, не заметила, как попала в ловко, расставленные сети. Она не знала на тот момент, что сержант сыскал себе славу бабника среди женского персонала СИЗО. Воспользовавшись благоприятным моментом и захмелевшим состоянием девушки, сержант беззастенчиво предложил ей заняться с ним любовью. При этом она отчетливо помнила, как он шептал ей на ухо красивые слова, ласкал губами шею, грудь и обещал любить до конца жизни. Она плыла от блаженства и не в силах была противостоять соблазну, и к тому же, безусловно, Звягинцев ей понравился.

После любовной сцены, сержант лег подремать на стулья, составив их в ряд, а Светлана отправилась делать ночной, плановый обход. Вдруг она вспомнила, что в 306 камере в прошлое дежурство один заключенный по фамилии Пушкин, попросил ее задержаться у открытой дверцы и, назвав по имени, стал флиртовать. Девушка могла бы проигнорировать его приставания, но Пушкин произнес имя ее родного брата, с которым он якобы хорошо знаком. Дело в том, что брат Пыжьяновой на данный момент находился в этом же СИЗО и после приговора суда ждал отправки в лагерь. В процессе недолгого разговора Пушкин без обиняков предложил деньги, чтобы она купила и принесла чай. Конечно, Светлана нуждалась в деньгах, но из страха,

¹ СИЗО – следственный изолятор

² Футболисты – спецконтингент из числа сотрудников СИЗО, усмиряющих смутьянов и мятежников.

потерять работу за связь с заключенным, категорически отказалась и еще строго предупредила, что в следующий раз напишет на него рапорт.

После принятия спиртного, она уже не ощущала того страха и проигнорировала предупреждение коллег о недозволительной связи с арестантами. Возникло непреодолимое желание легко подзаработать, и она смело подошла к дверце камеры.

Эки, народ смысленный и наблюдательный, заслышав шум открываемой кормушки и увидев присевшую на корточках дежурную, сразу же позвали того самого парня. Светлана – девушка неопытная и, забыв о предостережениях, приблизилась к дверце. Она, конечно, не могла знать об одной громкой истории, после которой администрация тюрьмы распорядилась сузить параметры дверцы. До того самого случая заключенный мог просунуть голову наружу. Однажды, вот такая же неопытная надзирательница оказалась жертвой сексуально озабоченных заключенных. Они схватили ее за волосы и, втянув голову в камеру, один за другим насиловали орально. Всех, кто принимал участие в изнасиловании, судили, но после этого к дверям камер приварили широкую пластину, и теперь в узкую «кормушку» проходила только чашка с супом или алюминиевая кружка с чаем.

Пыжьянова не предполагала, что заключенный учует запах от выпитого вина и глубоко ошиблась. Парень, увидев нетрезвую надзирательницу, сразу позабыл, что хотел предложить ей деньги на покупку чая. В его голове мгновенно сформировалось совершенно другое желание. Сжав что-то в кулаке, он протянул руку.

– Что это, чего ты хочешь? – Тихо спросила Пыжьянова, отодвигаясь от «кормушки».

– Мы же с тобой договорились, возьми червонец, – Пушкин перешел на шепот.

– За чай? Но у меня нет сейчас чая, принесу только в следующую смену.

– Старшенькая, подожди о чае... Тебе не говорили, что ты просто очаровашка. Возьми деньги... – заключенный разжал кулак.

– Что ты от меня хочешь?

– У тебя такие прекрасные формы...

– Ты осёл! Убери руку, – крикнула надзирательница и попыталась закрыть кормушку.

– погоди... Дай хоть за грудь поддержку, – продолжая наглеть, предложил Пушкин.

Светлана захлопнула перед носом осужденного дверцу, чуть не прищемив ему пальцы. За дверью послышался дружный смех и громкое восклицание:

– Вот сучка, сорвалась, даже не дала за титьку подержаться.

«Ну, тварь, я покажу ему, как издеваться. Сейчас он у меня получит». Светлана быстро направилась в старшинскую комнату и стала тормозить дремавшего сержанта. Он подскочил и, выпучив глаза, поинтересовался, в чем дело. Она объяснила возникшую ситуацию.

– Ты лучше поспи и успокойся, не дай бог придет ДПНСИ³ или дежурный офицер из оперчасти, можешь вылететь с работы с треском. Придешь на следующее дежурство и на трезвую голову накатаешь на этого придурка рапорт.

Утром, после того, как Пыжьянова переспала со Звягинцевым, он легко перечеркнул едва завязавшиеся отношения, нагло заявив, что близость между ними была мимолетным увлечением. Она не считала себя мстительной женщиной, но забыть о хамском поступке беспринципного ловеласа, не могла.

Пыжьянову вдруг охватило любопытство, какими тайнами может владеть сержант. Подогревая себя мелочным интересом, она захотела осмотреть карманы, хотя по ее уразумению, на других работников это неприятное занятие не распространялось. Поддавшись любознательности, она посмотрела, что лежит во внутренних карманах его кителя. «Ничего такого, чтобы могло возбудить мой интерес. Хотя вот – записка. Может чье-то любовное послание?» Она пробежалась глазами по тексту и, сложив листок вчетверо, положила обратно в карман. Пораз-

³ ДПНСИ – Дежурный помощник начальника следственного изолятора.

мыслив о чем-то несколько секунд, хитро прищурилась и подошла к столу. Набрав номер телефона внутренней сети СИЗО, попросила:

– Здравствуйте! Пригласите, пожалуйста, к телефону капитана Брагина. Хорошо, жду.

От нечего делать, она сосчитала до пятнадцати, и на другом конце в трубки послышался мужской голос:

– Алло, Брагин слушает. Кто его спрашивает?

– Сергей Михайлович, это вас беспокоит Светлана Пыжьянова.

– А-а, Светлана, добрый день. Вы сегодня на дежурстве? Просто так звоните, или вам нужна помощь?

«Вот мужчина, – подумала Светлана, – этот сразу помощь предлагает, не то, что некоторые...»

– Да Сергей Михайлович, дежурю. Я по какому поводу звоню-то, здесь одна странная записка обнаружилась, я ее «случайно» выудила из кармана сержанта Звягинцева. Не хотите взглянуть, по-моему, есть интрига.

– От заключенного?

– Берите выше, со свободы.

– Любопытно. Сейчас приду.

– Может мне самой до вас дойти?

– Светлана, ни в коем случае, вдруг записка представляет оперативный интерес. Я сам к вам поднимусь.

Через десять минут капитан Брагин шел по второму этажу, правого корпуса, к старшинской комнате. Пыжьянова, запустив капитана в служебное помещение, выглянула за дверь и, убедившись, что поблизости никого нет, вытащила записку из кителя сержанта и протянула Брагину. Прочитав, он поблагодарил девушку:

– Да, Светлана, большое спасибо. Думаю, эта бумажка для меня интересна, но будет лучше, если мы положим ее на место, – он улыбнулся, – в целях оперативной обстановки не хотелось бы спугнуть даже обыкновенную «мелюзгу». Если над этой информацией поработать, да как следует, то можно поймать рыбу покрупнее.

– Всегда, пожалуйста, Сергей Михайлович, тем более мне эта скотина Звягинцев совсем не по нутру, я только буду рада, если вы его прищучите.

– За что вы его невзлюбили?

– Слухи нехорошие о нем ходят.

– Судить о человеке по слухам, как-то не принято. Может он обидел вас чем-то? Я знаю этого хлюста, он может и оскорбить женщину, у него не заржавеет.

– Сергей Михайлович, можно я не буду отвечать на этот вопрос?

– Ради бога, я не настаиваю. А что касается рыбы, дайте срок Светлана, и мы эту «гупешку» отправим в уху, – пошутил Брагин, и еще раз поблагодарив девушку, направился в свой кабинет.

С Пыжьяновой ему довелось познакомиться недавно, когда она пришла подписывать обходной лист при приеме на работу. Ознакомившись с ее инициалами, Брагин о чем-то задумался и без обиняков заявил:

– Светлана, к сожалению, я не могу подписать эту бумагу, вам нельзя работать в нашем СИЗО.

– Ну, почему же, товарищ капитан? – расстроилась девушка, – я учусь в институте, и мне постоянно не хватает денег. Я ведь и режим работы выбрала именно ночной, чтобы днем заниматься.

– У вас есть родной брат?

Светлана еще больше расстроилась. Понуро опустив голову, она кивнула.

– Если честно, Сергей Михайлович, он сейчас сидит в этой тюрьме и после суда ждет этапирования в колонию.

– Я заметил, что у вас фамилии одинаковые. Извините уважаемая, но свою работу я выполняю со знаком плюс.

– В СИЗО столько заключенных, как вы только запоминаете их фамилии?

– Не все Светлана, не все, а только фамилии заключенных, взятых мною на заметку. Мда... Что же мне с вами делать? А где вы учитесь и на кого?

– В юридическом, пока на адвоката, а дальше будет видно.

– О! Надо же. Мы с вами оказывается коллеги. Я тоже в юридическом учусь, только на заочном отделении.

– Вот это да! – Воскликнула Пыжьянова, – как здорово. Сергей Михайлович, миленький, подпишите, пожалуйста, я вас не подведу. Ни за что не буду связываться со своим братом, мне карьера дороже.

– Ладно, Светлана, оформляйтесь, но работать будете в другом корпусе, чтобы у вас с братом не было случайных соприкосновений.

Подходя к своему кабинету, Сергей подумал о Пыжьяновой: «Долг платежом красен. Мда, а теперь о записке... Вот тебе раз, кому это Александр Воробьев встал поперек дороги? Записка без обратного адреса, но получил ее Звягинцев за стенами изолятора. Значит, интерес к Воробьеву у кого-то вызывает желание, за что-то с него спросить, и довольно в жесткой форме. Может быть, по причине бунта в колонии? Кровный враг? Не знаю, я Воробьева, пропустил бы эту записку. Сколько за день проходит их через мои руки. Воробьев... По сути, парень он не плохой. По поведению и поступкам видно, что принципиальный. Категорически относится к несправедливости. Из его уголовного дела даже мне, постороннему человеку и то понятно, что угодил он в колонию по чистой подставе. Как это судья пропустила такой факт? Да, тяжело ему придется отбывать свой срок. А если вызвать Воробьева и спросить напрямую? Нет, что толку, он все равно ничего не скажет. Сержанта не прижмешь, фактов недостаточно, да и Пыжьянову не хочется „засвечивать“, она мне еще пригодится. Предъявить Звягинцеву обвинение за связь с уголовниками – отопрется, скажет, изъяс мол, при обыске, в какой-то камере, и ничего не докажешь. Ладно, отпущу ситуацию, может быть позже мне будет полезна эта информация».

На всякий случай Сергей позвонил некоторым старшим дежурным по этажам и попросил о небольшом одолжении: если к ним обратится с просьбой сержант Звягинцев, разыскивая какого-нибудь заключенного, пусть срочно сообщат капитану Брагину.

Сергей при должности старшего инспектора в СИЗО имел репутацию весьма хорошего человека. Начальство считало его прагматичным, отзывчивым к просьбам и успешным специалистом в своем деле. Сослуживцы знали, что он заочно учится в юридическом институте и кроме этого, занимаясь самообразованием и, постигая науку общения с людьми, пристрастился к изучению психологии. Многие относились к нему с уважением. Сергей не был конфликтным и если у него были недоброжелатели на службе, то в отношениях с ними он старался искать компромиссное решение. Прежняя работа в уголовном розыске научила его лавировать среди упрямых и твердолобых руководителей, а с простыми людьми он был всегда приветлив и относился к ним внимательно. Потому многие дежурные по корпусу и этажам частенько выручали Брагина. Да и он никогда не отказывал, помогал, чем только мог. Бывали случаи, когда осведомители сдавали ему тюремных надзирателей за связь с заключенными, и Сергей ограничивался беседой и предостережением, но попадись тот на серьезном преступлении, например, передаче наркотиков – не щадил. Брагин выборочно вербовал таких людей и делал своими агентами, а более наглых и строптивых направлял к руководству СИЗО для дальнейшего разбора.

В пятницу вечером он пошел встречать «гостей» из КГБ и, проводив офицеров в сауну, разместил их комнате отдыха. В компании пятерых комитетчиков Брагин особо выделил капитана Брылова. Раньше он никогда его не встречал. Капитан был среднего роста, имел плотное телосложение и крупные черты лица. Его лоб сильно выступал вперед и поэтому капитан имел сходство с доисторическим питекантропом.

Сегодня Брагину пришлось составить им компанию, об этом попросили сами офицеры. Он посидел с ними в комнате отдыха, ради поддержки компании пригубил стопочку, затем вышел из сауны и вскоре вернулся, приведя с собой пять девушек. Передав их в руки комитетчиков, Сергей предупредил:

– Если я вам понадобится, ищите меня через дежурного в блоке «В».

– А что это за блок? – спросил капитан Брылов.

– А твой начальник знает, – ответил Брагин и тут же взглянул на Шаронова, как бы молча спрашивая у него разрешение, для дачи объяснений. Майор кивнул и по-приятельски подмигнул.

– В блоке содержатся опасные преступники, приговоренные к высшей мере наказания. Сегодня я провожу там оперативно-профилактические мероприятия, – проинформировал Сергей.

– Ух ты, как интересно! – воскликнул возбужденный Брылов, – вот бы взглянуть на этих уродов.

– Нам всем было бы интересно заглянуть в этот блок, – наперебой зашумели захмелевшими голосами остальные офицеры, а особенно усердствовал старший лейтенант Лацис.

Из всей компании комитетчиков Сергей знал только майора Шаронова, он иногда посещал подследственных в СИЗО, которые имели статус «политзаключенных». Но этот факт был засекречен, ведь официально в СССР «политзэков» не существовало, а были свихнувшиеся на этой почве люди или, проще говоря – хулиганы, которых, кстати, и судили по идентичной уголовной статье. Но Сергей, благодаря своей работе знал многое. К примеру: пока группа комитетчиков распаривала свои косточки в сауне, один из них – старший лейтенант Лацис, для отвода глаз проводил оперативно-следственные мероприятия с политзэками. И так проходило каждое посещение сауны. Начальство твердо было уверено, что группа офицеров, отправляясь в СИЗО, занимается своей непосредственной работой. Своего рода, это мероприятие было прикрытием визита в сауну.

– Если начальник СИЗО после совещания в управлении освободится раньше, он сам проводит вас, а если поручит мне, почту за честь послужить сегодня «гидом» по нашим труднодоступным местам, – весело отозвался Брагин.

– Хорошо Сергей, по рукам, – сказал Шаронов и, переключившись на заключенных девушек, поторопил их, – девочки, а ну быстро в парную.

Брагин, выходя из сауны, услышал веселый девичий визг. Он презрительно усмехнулся и направился в служебный коридор, где размещались кабинеты. Сегодня он заступил на суточное дежурство. Одной из главных обязанностей дежурного по СИЗО, является оперативное реагирование на экстренные звонки с внутренних телефонов, особенно если это касается секретных объектов. Если вдруг на пульт поступал сигнал из блока «В», где содержатся приговоренные к смерти, это означало, что дверь в камеру открылась. ДПНСИ обязан выяснить причину экстренного сигнала и срочно доложить начальнику изолятора. Когда полковник Шилов вызывал к себе Брагина, он оставлял за место себя помощника – дежурного офицера. Находясь в блоке «В», Брагин звонил ему и предупреждал, что проводит с таким-то приговоренным к смерти профилактические беседы или производит оперативные действия.

Спустившись в подвал, он подошел к входной двери и нажал кнопку звонка. Младший офицер, увидев в глазок капитана, запустил его в блок «В». Через пять минут в допросную комнату, больше похожую на камеру, привели Ирощенко, державшего за своей спиной обе

руки, закованные в наручники. Когда надзиратель закрыл дверь комнаты с другой стороны, Ирощенко поприветствовал Брагина:

– Здравствуй Сергей Михайлович.

– Приветствую тебя. Ну, что надумал? – спросил Сергей и, подойдя к Ирощенко, освободил запястья его рук от наручников.

– По поводу интересующих тебя лиц? – ответил заключенный вопросом на вопрос. По мрачному выражению на его лице, Брагин догадался, что у Ирощенко нет особого желания выдавать своих подельников.

– Сергей, ты зря «держишь стойку», никому из твоих соучастников я плохого не сделаю, а если посчитаю нужным, то найду их и переговорю с каждым без свидетелей. Естественно, раскрывать главную тему я не стану. Так что не смущайся и говори без обиняков.

– Хорошо, один из них был Сибиряков Алексей, кличут «Сибирским». За бунт в колонии ему присудили пятнадцать лет особого режима. Другой мой подельник еще молодой, просто он тогда не знал, на что идет и предполагал, что мы Равелинского только опустим за стукачество. Так бы все и прошло, не переиграй Дронов в последний момент. Он распорядился, чтобы мы убрали тихушника. Равелинский выложил оперу Ефремову слишком много информации и под угрозой разоблачения оказались все связи со свободой, а так же внутри зоны. Когда я перекрыл Равилю кислород, моему третьему подельнику ничего не оставалось, как только помалкивать. Он ненавидел Равиля, но смерти его не хотел, и стал в ту ночь невольным соучастником убийства.

– И кто же был этот третий?

– Саня Воробьев.

– Воробьев?! – невольно вырвалось у Брагина, но про себя подумал: «Однако, что за дела творятся вокруг этого парня, то его разыскивает какой-то таинственный кровник, то он всплывает, как соучастник убийства». Но вслух продолжил, – я знаю Воробьева, он во время бунта за моего родного брата перед главарями словечко замолвил.

– А кто у тебя брат?

– Лейтенант Брагин из режимной части, помнишь такого?

– Конечно, помню! – удивился Ирощенко. – Я всегда считал его нормальным человеком, и мне казалось, что ему не место на той службе.

– Почему ты так думал?

– А мы с ним как-то разговорились, и я немного о себе рассказал, он еще удивился, что я служил в армии офицером и угодил в тот лагерь.

– Я знаю Сергей, для бывших служащих внутренней системы и армии имеются специальные учреждения, например, в Потье.

– Тогда во время бунта мы отнесли твоего брата на КПП, накрыв окровавленной простыней, как будто он был уже мертв. А потом передали начальникам за ворота. Кстати на сходке блаткомитета нам с Сашкой и еще кое-кому, удалось отстоять лейтенанта. Но особенное спасибо надо было сказать Дронову... Царство ему небесное. Алексей, вопреки общему мнению, доходчиво объяснил блатным, что твоего тяжело раненного брата необходимо отдать начальству.

– Я в курсе. На судебном заседании я это слышал.

Ирощенко смутился после своего объяснения. Брагин, уловив его замешательство, миролюбиво сказал:

– Мы с братом больше не в претензии к бунтовщикам, так что давай эту историю не будем вспоминать, а приступим к обсуждению моего плана.

Брагин хорошо обозначил свою позицию в деле наказания насильника и убийцы, и на всякий случай, перестраховываясь, еще раз обратился к Ирощенко.

– Сергей, если ты не доверяешь мне, то поверь, нет смысла продолжать. Я понимаю твое опасение, ведь ты практически подставляешь своих подельников, и еще неизвестно, как они воспримут твоё откровенное признание, которым ты поделился с инспектором оперчасти. Хотя в отношении Сибирского я тебе прямо скажу – этот вариант патовый. Воробьев – возможно. По-моему есть смысл, чтобы ввести его в курс дела. Когда я проведу с ним беседу и по-настоящему уверю, что вы нам с братом подходите... – Брагин резко смолк.

– Я так понимаю, вы постоянно хотите привлекать нас к делу. Увы, может быть Воробьев и пригодится вам в будущем, но мое проживание на этой земле, вероятно, скоро закончится, – мрачно заметил Ирошенко.

– Как сказать Сергей, как сказать... – Брагину нравилось интриговать, давая хотя бы маленькую надежду своему собеседнику. Тем более у Сергея зрел в голове рискованный план по освобождению Ирошенко из-под стражи. Брагин долго и подробно вводил Ирошенко в курс дела и напоследок они условились, что бывший лейтенант, благодаря своему опыту, полученному во время службы в секретном подразделении, должен «обточить» кое-какие детали. С точки зрения бывшего армейского разведчика он подкорректирует самые ответственные моменты в устранении насильника-убийцы.

На Брагина теперь была возложена задача, как умело и корректно поговорить с Воробьевым и к следующей встрече с Ирошенко обязательно сообщить ему о результате разговора. Только после этого заключенного увели в камеру.

Вернувшись в свой кабинет, Сергей вспомнил комитетчика Брылова. Зрительная память у Брагина была идеальная и, он сразу же уловил кое-какие сходства Брылова с Сергеем Ирошенко. Оказывается, вот кого напоминал Брагину капитан госбезопасности... Оба одинаково плотно сложены. Такие же крупные лица. У обоих сильно выступающий лоб. Мускулистые шеи. И, пожалуй, оба ходят вразвалочку. Что-то еще не хватало Ирошенко до полного сходства с капитаном. Брагин улыбнулся, догадавшись, чем можно дополнить лицо Ирошенко, чтобы оно сильно походило на физиономию комитетчика Брылова.

Глава 2 Коварство Аркана

В тот же вечер, когда приятный отдых в сауне шел в полном разгаре, приехал из управления полковник Шилов. Заглянув на минутку к «гостям», он тут же попал под настойчивые уговоры офицеров и, в конце концов, согласился провести экскурсию по блоку «В».

Шилов вызвал к себе исполнявшего обязанности ДПНСИ Брагина и попросил увести девушек в камеру. Затем в полном составе комитетчики отправились в коридор смертников. Дежурный контролер, глянув в смотровой глазок, встроенный в центральную дверь, увидел целую делегацию. Прапорщик, рванул было доложить по телефону, но заметив вовремя среди незнакомых офицеров Шилова и Брагина, открыл дверь. Контролер подумал, что производится проверка и вытянувшись по струнке, отдал честь и отрапортовал, что в блоке все спокойно и осужденные ждут команды для отдыха.

– Отставить отбой! – Громко сказал Шилов, – прапорщик, открывай нам третью, шестую и десятую камеры. Наши гости из Комитета Государственной Безопасности лично желают взглянуть на особо опасных преступников, – он специально расшифровал аббревиатуру КГБ, чтобы дежурный понял, какие важные люди посетили блок.

Первой открыли камеру под номером три, где сидел осужденный Ирошенко. В целях безопасности решетчатую дверь оставили закрытой.

– Осужденный Ирошенко, статья 206 часть вторая, статья 77 часть два, 102 часть первая, приговорен к высшей мере наказания, ожидаю решения Верховного суда, – скороговоркой доложил заключенный.

– Однако, букет у тебя из статей, да такой яркий, и кровью пахнет, – высказал свое мнение майор Шаронов.

– Это Ирошенко, один из зачинщиков бунта во второй колонии, – подсказал полковник Шилов.

– А-а, это зона, где эти б... бунт разожгли, – злобно проговорил Брылов, решив подыграть майору.

– Что, мразь, не вышло, по-вашему? Никогда вам бандюгам не будет от нас покоя. Не ждите «скашухи» от государства, все равно мы вас начисто изведем, – с презрением высказался старший лейтенант Лацис.

Брагин стоял позади всех и слушал, как выпившие офицеры бранят Ирошенко. Ему были неприятны их нападки. Если рассуждать справедливо, Ирошенко и так получил, что отмерило ему по закону советское государство. К чему же навешивать на него лишние ярлыки. Кажется, в тот момент Брагин тоже чувствовал боль от оскорблений адресованных бывшему офицеру СА.

Сергей Ирошенко стоял, широко расставив ноги, и держал руки за спиной, как обязывал внутренний распорядок тюрьмы. Он вынужден был молчать и слушать словесные оскорбления. Хотя внутри у него все кипело при виде наглых и пьяных физиономий офицеров. Бесполезно им сейчас объяснять, что отборным, словесным «поносом» они только позорят лицо офицера госбезопасности. Ведь настоящий офицер, дороживший своей честью, никогда не опустится до уровня уличного быдла и не станет «пачкать» свой мундир, показывая степень своего интеллекта, хотя бы даже, находясь в пьяном виде.

Следуя дальше по коридору, офицеры по порядку осматривали открытые камеры. Капитан Брылов после принятия спиртного, был немного не в себе. Ему показалось, что Ирошенко прямо и дерзко смотрел ему в глаза, а это сильно не понравилось высокомерному капитану. Когда выходили из блока, Брылов обратился к полковнику Шилову:

– Алексей Дмитриевич, вот бы мне с глазу на глаз побеседовать с этим извергом, я бы растолковал ему, кто есть кто. А, товарищ полковник, как вы на это смотрите?

– Вполне решаемый вопрос, – улыбаясь, ответил Шилов, – как-нибудь напомни мне об этом, организуем встречу.

«Слава богу, – подумал Брагин, когда дверца „УАЗа“ захлопнулась за охмелевшей командой, – сегодня они, как никогда перебрали».

Проводив до стоянки начальника СИЗО и усадив его в служебную «Волгу», Брагин направился на первый этаж в левое крыло корпуса, где располагались транзитные камеры. Сегодня днем ему пришлось оказать должное внимание Аллочке из Спецчасти. Попросив ее разыскать карточку осужденного Воробьева Александра, Брагин был удивлен, когда служащая сообщила, что на данный момент его содержат в транзитном коридоре, а не как положено – в камере для осужденных. По секрету девушка еще добавила, что инициатором перевода был капитан Ермолов, инспектор оперчасти; якобы осужденный Воробьев находится у него в оперативной разработке. Сергей поблагодарил Аллочку за информацию, одарив ее шоколадкой «Рот-Фронт».

Когда дежурный по этажу ввел в кабинет Александра Воробьева, он сильно удивился, увидев старого знакомого.

– Здравствуй Воробьев, садись напротив, разговор у нас будет долгим и очень интересным, – произнес Брагин интригуяюще.

– Здравствуйте, гражданин капитан, чем я тебя заинтересовал? По-моему, я ничего такого не натворил.

– Александр, начнем с того момента, когда тебя поместили в транзитную камеру. Это тебя несколько не удивляет?

– Конечно, удивило, я ведь в осужденке должен сидеть, и тем более приговор мне еще не утвердили. За каким рожном меня в транзитку посадили?

– Видимо, кому-то стало нужно, чтобы ты оказался в камере, где контингент заключенных быстро меняется, – опять интриговал Брагин, – день прошел, глядишь, а твоего знакомого на этап отправили...

– Кому-кому? Вам это нужно. Вы же нас рассаживаете по хатам.

– Не обобщай. Конкретно этим занимается спецчасть, так что прошу учесть этот момент. Александр, давай перейдем к делу: ко мне поступила информация, что тебя в скором времени ожидают крупные неприятности.

– Не понял, капитан, а мой новый срок – это манна с неба. Мне, что по этому поводу, радоваться нужно? По-моему это самая большая неприятность за последнее время. А в остальном у меня все было неплохо.

– Ты в курсе, что такое кровная месть?

– Если рассуждать по-простому, то один человек насыпал соль на рану другому, который обязан кровно отомстить.

– Вот именно, обязан. А по людским соображениям это средневековое возмездие, когда людей резали, как баранов, и уничтожали под корень, заметь, все семейство, а не только одного, объявленного «кровником», – добавил Брагин.

– У итальянцев это называется вендеттой, – поправил Александр.

– Совершенно верно. Вот, я и напоминаю тебе, что бывает с человеком, у которого появляется кровный враг.

– Слушай начальник, не ходи вокруг да около, скажи, наконец, о ком и чем идет речь.

Брагин достал из кармана сложенный вчетверо лист, вырванный из школьной тетрадки, и протянул Воробьеву.

– Прочти – это копия. Кому она адресована, я пока не знаю, но самое интересное в том, что здесь указана твоя фамилия.

Александр прочел записку и, разведя руки в стороны, удивленно заметил:

– Да, это моя фамилия, но мало ли Воробьевых сидит в тюрьме.

– На данный момент в этом СИЗО под фамилией Воробьев, числишься только ты. Имей эта записка срок давности, то совершенно бы не заинтересовала меня.

– Командир, но я, правда, не пойму о чем идет речь.

– А на свободе у тебя были враги?

– Таких, чтобы охотились за мной и убили, не было. Если только по моему первому уголовному делу...

– А что, по-твоему, в нем примечательного?

– Меня спровоцировали на драку с кемеровскими парнями. Короче, объегорили и подставили. Одного кемеровчанина я сильно побил. Конечно, можно было на суде переквалифицировать статью на обоюдную драку, но у потерпевшего парня папаша оказался очень влиятельный и купил судью с потрохами. Об этом мне адвокат намекнула.

– Да-да, я просматривал твое дело.

– А тебе-то это зачем, начальник?

– Интерес у меня к тебе имеется... А еще к твоему хорошему знакомому – Сергею Ирощенко.

– Какой еще интерес?

– О случае, почти двухлетней давности. Вот слушай: жил да был в одной зоне блатной. Нормально жил, всего ему хватало, да решил он с судьбой в орлянку сыграть. Попал он на крючок к начальнику оперчасти, да так сильно, что сорваться не мог, и стал работать на «кума». Авторитеты раскусили его, и однажды этот блатной был найден мертвым в уличном туалете.

Брагин заметил, как Воробьев изменился в лице и слегка заволновался. Затем, взяв себя в руки, проговорил:

– Ну, было такое, знаю я о том случае. Так, какой у тебя интерес к нам с Ирощенко?

– Если я не ошибаюсь, в том деле было трое исполнителей воли одного авторитета... – Брагин не стал называть имен, решив проверить реакцию Воробьева.

– Капитан, к чему этот ребус? Я все равно не понимаю, на что ты намекаешь.

– Да ладно, Александр, мне все известно, но хочу успокоить тебя, я не дознаватель и не следователь, и вашу с Ирощенко тайну я не собираюсь кому-то раскрывать. Это ваши минувшие дела, и меня они не касаются. Сейчас меня волнует другое обстоятельство.

Воробьев почувствовал душевный дискомфорт от подобной раскладки фактов со стороны оперативника, но решил узнать до конца, чем закончится эта «ломка». Но Брагин и не собирался давить на него, ему было необходимо вывести Воробьева на откровенный разговор.

– Александр, я понимаю, что с моей стороны все слова звучат неубедительно. Но... Чтобы ты доверился мне, я предлагаю встретиться с одним, близким тебе человеком.

– Подожди, подожди, командир. В чем я должен тебе довериться и кто тот – близкий мне человек?

– Потерпи три дня, я заступлю в следующую смену на круглосуточное дежурство, и ты обо всем узнаешь.

– Нет-нет, ты хочешь, чтобы у меня от любопытства «крыша съехала».

– Я еще раз прошу тебя, потерпи. На данный момент, единственное, что мне необходимо знать, это... – Брагин прищурился, интригуя поглядывая на Воробьева, – вспомни какой-нибудь случай в своей жизни, из которого будет ясно, кто все-таки хочет за что-то тебе отомстить?

– Капитан, я, правда, не могу припомнить.

– Кстати, если речь зашла о кровной мести, может так статься, твоим родным тоже не поздоровится.

– Ты говоришь о моей маме?

– Вполне возможно, я не исключаю такого исхода дела. Ты извини, что так много на тебя нагрузил. Сейчас тебя отведут обратно в камеру, а ты вспомни хорошенько, кто все-таки может быть твоим кровным врагом. И еще, Александр, прошу тебя, пока ни с кем не делиться о чем мы с тобой говорили.

Перед тем, как Воробьева водворить обратно в камеру, его посадили в бокс, поэтому нашлось несколько минут для обдумывания загадочной ситуации. «Кто мог написать такую маляву? Кому захотелось свести со мной счеты? Есть только один человек – это Аркан, но как он мог узнать, что я и есть тот паренек, встретившийся ему в тайге. Ладно, допустим, это он, что из этого следует...? А странная какая-то стычка у нас с азиатами случилась. Волчонок – понятное дело. Азиат не простил ему проигрыша. Дождался ночи и бросился на него с заточкой. Тут я его вырубил. Затем второй азиат кинулся на меня и хотел проткнуть... Что-то здесь не так. Из-за проигранной партии сразу двоих на ножи ставить... Тем более парней-азиатов на тюремный режим гнали по этапу, зачем им такие заморочки? Что-то не вяжется в этой истории. Может, мне „измена“ катит? Наслушался историй про „мокрушников“, которых подсаживают в камеры, а теперь мерещится, что потасовка с азиатами – это не случайность. Надо все-таки с Волчком посоветоваться».

В шумной, многолюдной камере ни кому не было дела, зачем вызывали Александра и только один Волков, как-то особенно посмотрел на Воробьева. Вечером, когда людской гомон затих, и большинство мужиков улеглось спать, Волков решил поговорить с Александром и подсел к нему на шконку.

– Санек, я вот что думаю, может не случайно боженька свел нас в этой хате, не будь тебя, меня бы сейчас с номерком на ноге на том свете черти встречали.

– Причем здесь боженька?

– Взял он и нашептал кому-то из ментов, чтобы тебя именно в эту камеру бросили.

– Шутишь? А мне сдается, что это спецчасть перепутала, – предположил Воробьев.

– Да нет, я думаю, здесь совсем другое, такой перетасовкой может заняться другая служба, к примеру – кумчасть.

– Волоха, ты на что намекаешь?! – возмутился Александр.

– Так, Воробей, смени тон. Я хочу конкретно с тобой пошептаться... Ты меня от смерти спас, а я не привык оставаться в долгу и хочу хоть как-то тебя отблагодарить.

Волков достал из кармана куртки записку и протянул ее Воробьеву. Если бы среди ясного неба внезапно засверкала молния, и грянул гром, это явление не так бы поразило Александра, как прочитанная записка. Слово в слово текст походил на тот, с каким он ознакомился в кабине капитана Брагина.

– Откуда она у тебя?

– Маляву мне с воли подогнали и, как видишь, базар идет конкретно о тебе. Санек, я сижу в лагерях полжизни и научился выкупать⁴ людей по одному только разговору, я уже молчу о поступках. Нутром чую – ты нормальный парняга, потому мне интересно, как, черт возьми, ты успел пересечься с одним авторитетным человеком. Думаю, по маляве ты уже догадался, что этот авторитет – мой кореш.

– Волоха, для начала давай все-таки выясним, о ком идет речь, а потом постараюсь вспомнить, кому же я пересек дорогу.

– Я могу тебе доверять?

– Можешь. Обещаю, все останется между нами.

– Когда, и за что, ты насыпал перца на рану моему корешку Аркану, что он просит, как следует тебя прощупать?

⁴ Выкупить – определить.

Вот теперь Александр понял, что все это время речь шла о воре.

– Надо же, он обо мне до сих пор не забыл... Если разговор пойдет о нем, то это дело давнее. Ты хочешь, чтобы я рассказал, как мы с ним пересеклись?

– Ты еще спрашиваешь, я просто сгораю от любопытства. И как вам удалось пересечься в этой жизни, ведь он практически из лагерей не выходил?

Александр подробно рассказал Волкову, как им с дедом пришлось встретиться с Арканом и его подручными в сибирской тайге, и как они их бросили на болотах, спасая свои жизни.

– Так вот в чем дело! – воскликнул Владимир и, покачав головой, мудрено продолжил, – да, жизнь штука сложная, не знаешь, за каким углом тебя очередной раз долбанет по голове. Санек, а теперь дай мне слово, что нигде и никому не упомянешь имя Аркана.

– Я – могила, – твердо заверил Воробьев.

– Давай подумаем, как нам выкрутиться из этой ситуации. Аркан слов на ветер не бросает, если он наточил на тебя нож, как пить дать, он и в тюрьме достанет. Пока мы вместе, ни одна собака тебя не укусит, но если нас развезут по разным зонам – это будет кирдык. Науськает на тебя братву, и не успеешь дать им оборотку, как окажешься «холодненьким» в бункере с опилками.

– Волоха, пусть малолетки боятся его пурги, я вышел из того возраста, чтобы перед такими Арканами трястись и ждать, когда мне голову расшибут. Я готов с ним встретиться хоть сейчас. Если он справедливый, какими должны быть воры, то мы уладим этот вопрос.

– Санек, как ты не понимаешь... По сути, тебе брошена предьява, ты покусился на жизнь авторитетного вора. Но кое-что в этой истории играет тебе на руку, это то, что вы с дедом не сдали Аркана ментам.

Александр предпочел не говорить Волкову об этом факте, ведь они с дедом показали начальникам и солдатам место на болоте, где остались беглые. Но, тогда ему было пятнадцать лет, и о каких-то понятиях и правилах в тюремной среде, он не мог знать. Потому отвечать перед вором за свое прошлое, не собирался. И к тому же родного деда Михаила, Александр никогда не предавал и не предаст.

– Я хорошо знаю Аркана, у него натура гнилая, – продолжил Волков, – и потому предупреждаю, твоей смерти ему будет мало, он захочет и деду Михаилу отомстить.

– Вот сука, какой кровожадный, – с ехидой произнес Александр.

– Да, он мстительный.

– Мы с дедом на себе уже прочувствовали. – Воробьев, решив сменить тему разговора, спросил, – Волоха, а почему ты решил, что меня оперчасть перевела в эту хату?

Волков оглянулся по сторонам и, убедившись, что их никто не подслушивает, тихо ответил:

– А ты до сих пор не понял... Если бы ты пришел в эту хату с утвержденным приговором...

– Я знаю эту постановку.

– Тем более, объяснять тебе не надо. Такая кутерьма очень редко происходит. Но есть еще одно объяснение, в транзитной хате легче с кем-нибудь свести счеты.

– А разве есть разница, где бы меня убили, в обычной камере или транзитной?

– Санек, если эту беду затеял Аркан, то для него найти мокрятника⁵, что два пальца обмочить. Ты еще не искушен в делах такого рода, за бабки можно кого хочешь купить или приказать мокрушнику убить в счет погашения долга.

– А тебе не пришло в голову, что азиаты...? – интригуяюще спросил Александр.

– Ты тоже об этом подумал?! Я не раз в уме проворачивал эту ситуацию, по-моему, неплохой способ вызвать такого как ты на конфликт. А тем более ты сам им «занозил, когда одному

⁵ Мокрятник – убийца

из них супинатор к глотке приставил. И если один из азиатов оказался в транзитке по твою душу...

– То не смог довести дело до конца, – продолжил мысль Воробьев.

– А это значит...

– Надо ждать еще кого-то. Выходит, это Аркан меня в транзитную камеру с помощью оперчасти определил.

– Это все наши с тобой догадки. Судя по тому, как Аркан мне доверяет, он должен ввести меня в курс дела. Подождем еще.

– Скажи, если Аркан твой кореш, тогда зачем ты мне помогаешь?

– Санек, жизнь не топчется на месте, меняется все и люди в том числе. Иногда обстоятельства оказываются сильнее нас. Жизнь так начинает мотать, что спустя годы мы уже друг друга не узнаем, а еще хуже – не доверяем. Потому что люди в клетке – те же звери. А неволя меняет человека до неузнаваемости. Я ставлю в пример своих корешей и знакомых, они все изменились не в лучшую сторону. А с Арканом мы еще с малолетства дружили, даже братались кровно, – Волков показал на запястье левой руки белый шрам от давно зажившего пореза, – но жизнь раскидала нас по разным тюрьмам и лагерям. Много лет прошло. У него теперь своя жизнь, у меня своя. Он не забыл меня до сих пор и это дает мне право, называть его своим корешем. Я не знаю, как он в натуре ко мне относится. Вор и мужик – это два разных сословия. По сути, я завязал все дела с блатными и взял в руки кайло, а иначе говоря, сел работать за швейную машинку. На особом режиме это не считается западло, там многие работают. А ты, как думаешь, почему суд перевел меня на строгач⁶?

– Понятия не имею.

– Только после того, как я снял все постановления за нарушение режима и стал работать на производстве.

– Волоха, лично я, считаю это нормальным. Крепкие и умные мужики ни в чем не уступят блатным. На «Двойке» я хорошо знал Леху Дрона, мы с ним кое о чем разговаривали, и я ему благодарен за те немногие жизненные уроки, которые он успел мне преподать. Мне кажется Дрон и Аркан, совершенно разные люди, я сужу по их поступкам. Дрон был справедливым, ждать подвоха с его стороны не приходилось, он всегда говорил открыто и не боялся ни ментов, ни беспредельщиков.

– Что касается покойного Лехи Дрона, то он не был воров-законником. Он был авторитетом среди братвы. Положенцем, то есть без пяти минут воров. Он отходил пятилетний срок и был готов к коронованию. Воры приняли бы его в свою семью, но Леха не успел – сыграл в кленовый ящик. Аркан и Дрон, может и схожи по понятиям, но характеры у них разные. Человечности у Аркашки мало. А среди нашего брата, сама жизнь обязывает вора быть справедливым, он решает самые сложные вопросы и разводит конфликтные ситуации между спорящими. С его мнением обязаны считаться все. Если вор начнет перегибать палку, его обязательно одернут, но только свои, приближенные по статусу законники. У воров на сходке всегда одинаковое право голоса, и каждый смело выскажется, о чем думает. Вот этим и отличается воровской закон от закона, по которому живут люди на воле. У комсюков существует строгая субординация, как в армии, низы не могут критиковать верха. Почему? Потому что их быстро скинут со своих насиженных мест...

– Что-то тебя на политику потянуло, – перебил Александр.

– А у нас, о чем бы ни говорили, все политикой заканчивается.

Короче Санек, продолжаю тему: у воров все прозрачно, откусил кусок от «общака», получи по-полной. Кто-то из авторитетов накосячил, выставят на круг и спросят. Так что, это общее сходство в воровских взглядах, а люди с их натурами и всякими делами, могут быть раз-

⁶ Строгач – зона строгого режима

ными. Дрон был моложе Аркана и намного мягче, но если судить о бунте, Леха человек решительный. Аркан суровую школу прошел: строгаши, БУРы, крытки. Его менты ломали, разные прокладки ставили, чтобы опорафинить, но все бесполезняк. Он и общаки держал в разных местах. Одним словом, сравнивать между собой Дрона и Аркана, трудно.

– Ну, ты меня совсем успокоил, – с сарказмом произнес Воробьев, – значит, мне осталось только ждать, когда какая-нибудь «торпеда» по сонникам кислород перекроет. Ты знаешь Волоха, мне этот Аркан, как «зайцу стоп сигнал». Я не такой, как он – не привык исподтишка. А вообще я думаю, он поступил по б...и. Не надо было Аркану с его корешами, меня и деда за быдло держать. Дед у меня на фронте снайпером был, да еще в разведке поднаторел «языков» брать. Он быстро их скрутил. Правда, потом нас обманули, рассказав байку про родственников, и мы им поверили. Развязали, напоили, накормили по-людски и объяснили, как к дороге выйти. А они...? Связали нас и заставили вести через болото к трассе. А потом что? Прикопали бы в тайге, и ищи свищи нас. Волоха, благородные воры так не поступают. Вот ты, будь на месте авторитета, как бы нас рассудил?

– Напросились волки к пастуху овец стеречь... Это я об Аркане и его корешах. В целом, я считаю, вы с дедом поступили правильно. Не нужно было вас провоцировать и все получилось бы «тип-топ». И законы гостеприимства в тайге нарушили не вы, а Аркан и его архаровцы. Когда люди в побег уходят – это уже не люди, а волки, а таким, как известно, закон не писан. Кого встретят на своем пути, того и валят. Трупов-то они немало после себя оставили. Полюбому хотели выжить. Поймали бы, всем «вышак» присудили.

– Волоха, вот ты говоришь, Аркан из тюрем не вылезал, а почему он до сих пор не попал на «полосатый» режим? Ведь судьи должны были давно признать его ООР.

– Здесь, в натуре ты правильно заметил и я сам удивляюсь, почему Аркану не вклеили статью за рецидив.

– Что посоветуешь, как мне дальше быть?

– Я наведу справки, так сказать – «прозондирую почву». Аркана я давно не видел. Попробую связаться с ним, через братву маляву отошлю. Быстрее бы в зону отправили, там этот вопрос я бы одним махом решил. Нам бы с тобой Санек в одну зону попасть, я тебя не дам в обиду. А пока нас держат в этой хате, будем вполглаза спать. Узнать бы еще, какая сука «помогла» тебе в эту камеру попасть. По крайней мере, прояснилось бы, откуда ветер дует.

– И все-таки, вдруг окажется, что к этому делу приложил руку авторитетный вор...

– Ты хотел уточнить, по понятиям ли с тобой поступили? Скажу прямо – нет! Но ты не докажешь, что это сделал Аркан. Если бы конкретно узнать, тогда... – Волков презрительно прищурился.

– Я постараюсь узнать.

– У тебя среди ментов подвязки⁷ имеются?!

– Есть один канал, но придется какое-то время подождать, – улыбнувшись, ответил Воробьев.

⁷ Подвязки – Связи

Глава 3 Вступление в тайную организацию

Через три дня после ужина, Воробьева без вещей вызвали в коридор. Такое общепринятое действие доказывало только одно, что скоро его вернут в камеру. Надзиратель, открывая массу дверей, повел арестанта неизвестно куда. Поднимаясь и опускаясь по лестничным пролетам и, меняя этажи, сержант наконец-то доставил Воробьева в комнату для допросов, где его поджидал капитан Брагин.

– Приветствую тебя Александр, – обратился он миролюбиво, – помнишь наш разговор в прошлую встречу?

Воробьев поздоровался и ответил:

– Ты обещал мне приготовить какой-то сюрприз...

– Скоро сюда доставят одного человека. Ты пообщаешься с ним, но недолго. Он кое-что тебе объяснит.

Воробьев в недоумении раскрыл рот и хотел что-то спросить...

– Если возникли вопросы, потом задашь. Посиди тут немного, поскучай в одиночестве. Брагин вышел в коридор и, захлопнув за собой дверь, повернул ключ в замке.

В томительном ожидании Воробьев провел десять минут, показавшиеся ему вечностью. Он не мог сообразить, о ком говорил капитан, однако единственная мысль не давала ему покоя, что к нему на свидание, может быть, приведут маму.

Замок тихо щелкнул, и дверь приоткрылась. Александр резко обернулся, так как сидел на табурете спиной к двери и резко вскочил, увидев вошедшего мужчину крепкого телосложения. От удивления на какой-то миг, он лишился дара речи. Перед ним стоял Сергей Ирощенко. Не сговариваясь, друзья бросились друг к другу в объятия.

– Бог ты мой, Серега! Ты откуда?

– Оттуда, Санек, – Сергей указал пальцем в пол и потрепал друга по плечу, – садись, у нас времени в обрез, а мне нужно многое тебе сказать. Пожалуй, начну с главного...

– Это капитан привел тебя сюда? – перебил его Александр.

– Да – это он. Разговор сейчас пойдет о нас с тобой и о нем. Слушай внимательно: мне предложили вступить в одну тайную организацию. Ничего общего с оперативной частью она не имеет. С ментами на свободе тоже не связана, и вообще – ни в каких кругах о ней ничего не знают. Она начала действовать совсем недавно.

Александр заинтересованно спросил:

– И чем же она занимается?

– Пока у нее одна задача, устранять насильников и убийц малолетних детей.

– Не совсем понял, поясни, как это устранять?

– Если коротко, суть такова: по разным причинам суд не приговорил такое животное к высшей мере. Именно эта организация проводит дополнительное расследование, ищет доказательства и берет на себя ответственность довести дело до конца. После этого она выносит справедливый приговор убийце.

– Убийце! Они сами-то кто, после этого?

– Санек, не гони лошадей. Ты вникнул в суть?

– Я-то вникнул. А ты-то понимаешь, куда лезешь? Тебе, зачем все это? Ведь ты помиловку ждешь, может, «стрельнет» метла, верховный суд отменит смертный приговор.

– Саш, ты сейчас не о том говоришь. Какой суд, какая скасуха?! Отбрось в сторону свои наивные представления о гуманности этой системы. Ты вспомни о тех парнях, что погибли во время бунта. Судьбе видно было угодно, чтобы они не прошли через все муки, которые я испытал здесь, пока сидел под «вышаком». А сейчас у меня неожиданно появилась другая возможность заработать помилование.

– Если я тебя правильно понимаю, ты должен какого-то гада убить и тогда эта организация в чем-то тебе поможет.

– Мне устроят побег.

– Побег?! Капитан Брагин?

– Да, и его родной брат Анатолий. Кстати, ты его по зоне хорошо знаешь.

– Не на столько, чтобы идти с ними на мокрое дело, – скептически заметил Воробьев, – ну-ка, расскажи вкратце, что за история, кого они хотят убить?

Ирощенко рассказал Воробьеву о Пушкове, изнасиловавшего и утопившего в пруду десятилетнюю девочку Дашу. Александр, дослушав рассказ до конца, в сердцах выругался:

– Мразь конченная! Такой гадине действительно не положено жить. Как только суд ему жизнь сохранил. Жаль девочку, могу себе представить, как родители убиваются. Сереж, а ты хорошо знаешь этого капитана, чтобы доверить ему свою жизнь? То, что он предлагает тебе, может оказаться обыкновенной подставой, опера ни чем не гнушаются, когда им нужно кого-то раскрутить на дело, а особенно на «мокруху».

– Исключено! У меня есть все основания довериться братьям. Прежде чем мы встретились с тобой, Брагин несколько раз приходил в блок смертников, у нас было время о многом поговорить.

Слушая Сергея, Воробьев вспомнил лейтенанта Брагина и, пожалуй, эти воспоминания оказались приятными: «Мне не в чем упрекнуть Анатолия и его брата Сергея, они сделали много хорошего для меня, пока я сидел под следствием в тюрьме. А может, неспроста братья обратили на нас с Сережкой внимание. Что-то же они в нас нашли. Брагин – старший, мозговитый мужик, я хорошо его запомнил, да и младший тоже ничего... Но почему они выбрали Ирощенко? И почему именно меня они „впрягают“ в это дело?»

Сергей задал вопрос, выводя Александра из раздумий:

– Теперь ты понимаешь, для чего нас с тобой свели?

– Ты хочешь, чтобы я участвовал в «мокрухе», как тогда, при казни Равиля?

– А ты жалеешь о том?

– Ничуть.

– Саш, а ты не забыл, как вы с пацанами в школе защищали учительницу Наталью Петровну и в «усмерть» упластали точно таких же скотов.

– Да, ты прав, такое не забудешь. Серега, не крути, говори прямо, чего ты хочешь?

– Мне нужно, чтобы ты подстраховал меня.

– В убийстве этого выродка?

– Кроме Брагиных ты единственный человек, кто в состоянии мне помочь. В тебе я уверен на все сто, потому что знаю, как ты относишься к скотам-насильникам. Ты пойми, я ведь не ради спортивного интереса сверну голову этому гаду, мне важно, чтобы он больше не коптил небо. Я много об этом думал. На другое преступление не соглашусь, но хоть как-то помочь родителям погибшей девочки я готов.

– Я тебя еще раз спрашиваю, ты хочешь, чтобы я помог тебе убить эту сволочь?

– Саш, давай посмотрим на это дело немного иначе: чтобы избежать расстрела, мне нужна твоя помощь или, иначе говоря – поддержка. После того, как я разделаюсь с этой тварью, братья организуют мне побег. Я хочу, чтобы ты знал об одном неприятном случае, у Анатолия Брагина точно такой же подонек, как Пушков, изнасиловал девятилетнюю дочь, она чудом осталась жива.

– Да ты что! Выходит, они потому и начали мстить. Эх, Серега, да разве я против, чтобы таких мразей-насильников жестко наказывали. Конечно, если так обстоит дело и мое участие поможет тебе, я готов впрячься без всяких разговоров. Но ведь мы, станем убийцами... Может, объяснишь доходчивее, как мне смириться с таким положением? Это не по морде съездить, а жизнь забрать, пусть даже этот гад будет только пародией на человека.

– Саш, а ты много над этим размышлял, когда защищал во время бунта жизнь пацанов и свою тоже?

– Сравнил... Там мы знали, если не мы, то нас... Здесь совсем другая ситуация, если бы вопрос стоял в защите девочки, я бы с радостью свернул голову насильнику.

– А если вопрос стоит о справедливой мести?

– Чьей мести, родителей?

– Саш, помнишь, я тебе рассказывал, за что попал в тюрьму.

– Конечно, помню, майор из твоей части медсестру охмурил, а потом перед всеми опорафинил, распустив слухи, будто она повела себя, как шлюха. Ты заступился за девушку и «отметил» этого майора.

– Так вот, на того майора управу не найдешь, его всегда прикроют и он перед всеми останется чистеньким. Потом он еще сотворит что-нибудь гадкое и страшное, и его снова отмажут. А насильнику и убийце маленькой девочки, тоже помогли. Может деньгами, может связями, родственники отмазали его от расстрельной статьи. Суд принял за основу фиктивную экспертизу, будто девочка сама утопилась в пруду. Правда, не удалось скрыть от суда следы спермы, и судили этого гада только за изнасилование, а не за убийство. Заметь, Брагины нарыли-таки доказательства, что это он убил девочку, и ее родители обжаловали приговор в вышестоящем суде. Но приговор оставили без изменения – пятнадцать лет строгого режима. Ты хоть понимаешь, в чем дело?

– Кажется, да. Брагины сделали все, чтобы убийцу на законном основании лишили жизни, но какая-то сволочь получила на лапу и дело развалилось. Меня, кстати, таким же образом судья упекла за решетку, ей дали взятку.

– Вот, то-то и оно! Саш, а теперь подумай, если я, ты, Брагины или сотни других нормальных людей, зная правду, обойдут справедливым наказанием насильника-убийцу... Что будет дальше? Гад на гаде будет сидеть и гадом погонять. Они и так покрывают друг друга и в концовке на самом верху соберется такой рассадник негодяев и теневых воругов, что простым людям останется только мечтать о справедливости. И хочу заметить, в союзе уже идет такая «катавасия». И дай мне бог очутиться на свободе, я буду давить их, не смотря на их привилегированный статус. Я не верю этим кровососам, что они способны решать дела по справедливости. И я не вижу ничего плохого в том, что два офицера решили создать организацию, чтобы от случая к случаю проводить чистку среди людей, освобождая их от подонков и ублюдков, насилующих и убивающих маленьких девочек. Как бывший офицер я примкну к ним. Саня, главное, мы понимаем друг друга. Ты думаешь, Брагин – старший первого встречного подпустит к себе близко, ан нет, не такой он человек.

– А если ты «засыпишься» на первом деле и вся ваша команда накроется медным тазом...?

– Я никогда и никого не сдам, пусть мне хоть все кости переломают. Страшнее расстрела уже ничего не будет. Так что мне терять нечего.

– Сереж, я совсем о другом говорю. Допустим, я пойду с тобой, и мы придушим этого Пушкова, а нас на этом деле тюремные менты накроют, чисто случайно. Сразу возникнет вопрос – кто допустил нас к убийце? Соображаешь...

– Все сложные вопросы и разработки Брагины берут на себя. Сейчас многое упирается в твое решение, согласишься ты или нет. Не скрою, задуманное дело очень рискованное, но после его выполнения мы сформируем мощную команду. Я вспомнил слова Лехи Дрона, когда во время бунта он сказал пацанам и мужикам: «Пусть каждый из вас сейчас сделает свой выбор. То, что я решил стоять до конца – это мое решение, и если надо, я закончу свою жизнь на этих баррикадах».

Да, Александр помнил эти слова, когда основная масса заключенных разделилась на две части: одни пошли на баррикады продолжать сопротивляться властям, а другие попрятались в бараках.

В принципе, Александр был согласен на предложение Сергея вступить в тайную организацию. Относительно дружбы, Воробьев был порядочным человеком, а Сергей был в числе его лучших друзей. Он знал на деле, что Ирошенко никогда не подведет и если понадобится, то за друга отдаст свою жизнь.

– Что конкретно обещал тебе капитан, после того, как будет убит насильник? – спросил Александр.

– В самое ближайшее время меня уже не будет в этой тюрьме.

– Сереж, у меня в голове не укладывается, как ему вообще удастся вытаскивать тебя из блока смертников? А о побеге, я просто молчу.

– Братья дружат с головой и если они взялись за такие серьезные дела, как устранение насильников, значит, и к любому делу готовятся тщательно.

– Мне они тоже помогли, когда кум-Ермолов начал щемить меня по всякому поводу. Еще неизвестно, чем бы закончились для меня тюремка⁸ и «прессхаты», если бы не капитан Брагин, наверно лежал бы я сейчас в больничке и гнилые легкие выплевывал.

– Капитан отблагодарил тебя за спасение своего брата.

– Спору нет, я тоже благодарен им за помощь.

– А теперь Саш, я покажу тебе одну вещь.

Ирошенко достал из кармана кусочек белой ткани и положил на стол перед Воробьевым. При виде знакомой метки, изготовленной когда-то своими же руками, Александр изумился:

– Где ты ее взял? Неужели ты забрал ее из кармана Равиля?

Ирошенко, замотал головой и при этом иронично улыбнулся.

– А ты хитер. Взял, да положил ему в карман, а мне ничего не сказал. Это капитан Брагин дал мне ее, а ему – брат Анатолий. Ты знал, что это за знак?

– Конечно, знал, но это не только моя тайна, она касается деда Миши. Я заранее приготавил метку и когда мы уходили, подбросил ее убитому Равилю, все равно никто бы не обратил внимания на «фигню» оказавшуюся в его кармане.

– Вот здесь Санек, ты маху дал, братья Брагины уцепились за эту улику и с ее помощью вышли на меня. Эта метка их очень заинтересовала. У Сергея по этому поводу возникло сильное желание пообщаться с тобой. Ты не против?

– Раз надо, поговорим.

– Ну, что Санек, беремся убрать эту мразь?

– Серега, наверно, я соглашусь... – Александр замолчал и насупил брови.

– Тебя что-то волнует?

– Моя мать. Я о ней часто думаю. Вдруг со мной что-то случится, она ведь этого не переживет.

– Я понимаю тебя, – Ирошенко тяжело вздохнул, – у меня нет родителей, выходит, мне проще принимать такие решения.

– Сереж, братья точно помогут тебе бежать? А то получится так: сработаем, а они какую-нибудь подлянку устроят. Мы ж подневольные с тобой. У меня и так положение незавидное, чувствую себя, как уж на раскаленных камнях.

– За братьев не переживай, я за них ручаюсь, не подведут. Что у тебя случилось? Давай быстрее выкладывай, а то меня скоро уведут.

Александр вкратце рассказал Ирошенко о тайной записке и что вор-Аркан, по его сообщению, начал на него охоту.

⁸ Тюремка – старое название карцера

– Санек, нам с тобой на свободу нужно. Окажемся на воле, я этого вора из-под земли достану и башку ему сверну, как куренку. Будем надеяться на братьев и на удачу, если все произойдет гладко, ты раньше своего звонка окажешься на воле.

– Не загадывай наперед, сплюнь через левое плечо и постучи по деревяшке.

Ирощенко символически сплюнул три раза и, улыбнувшись, постучал костяшками пальцев по своей голове.

– Значит, Санек, по рукам, будем готовиться.

Буквально через минуту Ирощенко увели. В допросную комнату вошел капитан Брагин.

– Александр, к сожалению, я не располагаю временем для долгой беседы, так что давай поговорим о главном. Надеюсь, Сергей объяснил тебе ситуацию и ты понимаешь, что от тебя требуется. От себя хочу добавить, согласившись на устранение насильника, ты «автоматом» вступил в нашу организацию. Можешь называть меня просто Сергеем.

– Хорошо Сергей. Ответь, почему именно я, а не кто-то другой или Ирощенко имеет в этом деле большое значение?

– Да. В основном мы полагались на Сергея, он поручился за тебя. Нам с братом подходит твоя жизненная позиция и харизматическое лидерство. Кстати, мы какое-то время к тебе присматривались, и собрали кое-какую информацию. Особенно меня интересует один момент, – Брагин положил перед Воробьевым знак «Черной молнии», – что означает сие изображение, и какое отношение ты к нему имеешь?

– Знак – не только моя тайна, а тянется она еще с давних времен.

– Ты можешь поделиться со мной? Обещаю, что дальше меня и моего брата твоя тайна не уйдет.

– Я могу сказать только то, что мне известно: в 1937 году в Томской области действовала тайная организация и называлась она «Черная молния». Мне довелось услышать о ней интересную историю, а этот знак когда-то принадлежал той организации, я скопировал его по памяти.

Все что угодно ожидал услышать Брагин, но от подобного признания Воробьева, он оказался в крайнем изумлении. Ему вдруг вспомнилось детство, город Томск, когда они с братом Толей пришли к отцу на службу и, находясь в его кабинете, ради любопытства открыли несколько картонных папок.

– Ты говоришь о группе офицеров, оказавших вооруженное сопротивление и выступивших против советской власти.

– Ты тоже об этом слышал?! – удивился Александр.

– Я даже листал уголовное дело и рассматривал фотографии. Кстати я видел точь-в-точь такой же знак. У меня отец работал в комиссии по реабилитации незаконно репрессированных людей в Западно-Сибирском крае.

– Вот это да! Ничего себе совпадение. Сергей, а ты случайно не выдумал эту историю.

– А с какой стати?

– Ну, к примеру, чтобы я согласился на предложение прикончить этого гада, убившего девочку. Я думаю, может, не стоило тебе приплетать сюда смерть Равиля, ведь этот знак был найден в его кармане.

– Я смотрю, ты не такой уж простой, – улыбнулся Брагин, – смерть Равелинского не имеет отношения к нашему делу, а история о «Черной молнии» правдива, только нам с братом мало, что известно о ней. Может, ты еще что-то слышал?

Александр, мотнув головой, дал понять, что больше ничего не знает и спросил:

– Сергей, скажи, как вам с братом удалось вычислить меня по этому знаку?

– Это тебе Ирощенко сказал?

Воробьев кивнул.

– В колонии, где ты отбывал срок, при тщательном обыске на производстве, в бытовке была найдена нателная рубаша. Прапорщик отдал ее моему брату. На рубашке был аккуратно вырезан кусок ткани...

– Блин! Какой же я дурак, совсем забыл о той рубашке. Но ведь она могла быть, чьей угодно, только не моей.

– Александр, ты не совсем профи, чтобы заострять внимание на уликах. Тебе не нужно было маркировать свои вещи аббревиатурой «ВАН», которой, кстати, ты метил и другую одежду. К тому же ты умудрился оставить каплю черной краски на рубаше.

– Да, действительно, скрывать улики, я не научился.

– Научишься, какие твои годы, – улыбнулся Брагин, – ну ладно, давай пока оставим в покое таинственную организацию. Теперь, что касается записки, которую я тебе дал прочесть. В принципе я узнал, кому было выгодно перевести тебя в транзитную камеру. Сейчас я над этим плотно работаю. А ты не вспомнил, кто мог угрожать тебе?

– Вспомнил, но хочу предупредить, это не только моя тайна. Я слово дал, что не стану упоминать фамилию того человека.

– Александр, а ты не боишься, что тот человек, может достать тебя в тюрьме или в зоне?

– Сдается мне, что он уже попытался убрать меня.

– Как это, убрать? – изумился Сергей.

– На днях в транзитке, где я сижу, произошла драка с этапниками из Азии. Мне и моему другу пришлось отбиваться от двоих «чемергесов», они хотели перерезать нам горло самодельными заточками. Все обошлось. За драку их перевели в другую камеру и потом отправили на этап.

– Может, это была чистая случайность.

– Мы тоже так думали, пока не проанализировали ситуацию.

– А почему ты не сказал мне об этом во время нашей первой встречи?

– Я и сейчас не уверен на все сто, что «Азиаты» напали на нас по указанию...

Задумавшись, Сергей сосредоточил внимание на полученной из спецчасти информации о том, что Ермолов мог специально перевести Воробьева в транзитную камеру.

– Ладно, Александр, я буду держать под контролем данную ситуацию и постараюсь очень скоро во всем разобраться. А ты пока готовься к акции, – Брагин протянул ему бумажный конверт, – сейчас я уйду, а ты внимательно прочтешь все, что там написано. Потом я сам отведу тебя в камеру. Конверт вернешь мне.

Воробьев, молча, кивнул в знак согласия. Дождавшись, когда Брагин выйдет из кабинета и запрет за собой дверь, Александр приступил к изучению информации. Внутри находились листки с инструкцией и описанием важных моментов, которые необходимо было запомнить. Через полчаса пришел Брагин, в руках он держал мешок внушительных размеров.

– Внимательно прочитал?

– Да, конечно.

– Все понял?

– Мне нужно как следует кое-что обдумать.

– К сожалению, времени на обсуждение не осталось. Возьми это, – и Сергей указал на мешок, прислоненный к стене, – там кое-что из еды, нижнее белье, костюм и сапоги. Толя положил тебе сигареты и папиросы. Я знаю, ты не куришь, но все равно поделишься с мужиками в камере. Ну, Александр, пора. До следующей встречи.

Они первый раз крепко пожали друг другу руки.

Прошло две недели. Ирошенко и Воробьев получили по отдельности самые точные инструкции и последовательный план по устранению насильника. Они досконально изучили замысел братьев и нашли его вполне сносным и выполнимым. Капитан повторно ухитрился

собрать друзей в допросной комнате для обсуждения дальнейших действий. Сергей тут же давал дополнительные инструкции:

– Прежде, чем попасть в триста шестую камеру, где сидит этот ублюдок, вы будете находиться в одной из комнат на втором этаже, куда я заранее вас доставлю. Я организую так, чтобы он остался в камере один, а остальные заключенные в это время будут находиться на прогулке.

– Каким образом он останется один, это только больным разрешено, – заметил Ирощенко.

– За день до начала акции, я устрою ему короткую встречу в отдельном боксе со своим агентом и подмешаю в чай великолепное «снадобье». На следующий день у него обязательно поднимется температура. От недомогания он свалится в постель. Не беспокойтесь, «снадобье» проверено и действует безотказно, оно поможет вызвать у него небольшую асфиксию, но вы доведете это дело до конца. После всего, даже при тщательно проведенной экспертизе не должно выявиться посторонних признаков насильственного удушения. Это для нас очень важно. Вы уже в курсе, что на проведение акции у вас будет десять минут, и не секунды меньше. Перед тем, как окажетесь в его камере, наденьте повязки на свои лица.

– А где мы переоденемся.

– В этой комнате. Запомните, если мы будем действовать строго по плану, то исключим нежелательные нюансы в деле. Ничто не должно помешать нам, убрать этого подонка.

– А если нас все-таки заметят?

– Перед тем, как выйти из его камеры, снимите с лиц повязки. Надените на головы форменные эковские фуражки и на груди прикрепите бирки. Сделаете вид, что вы из хозобслуги. Я обязательно буду рядом и если что, подстрахую.

– Рисковый ты человек, капитан, – степенно заметил Ирощенко, – сам-то не боишься, если нас увидит дежурный по этажу и остановит для проверки.

– На тот момент дежурная будет сидеть в кабинете, и переписывать мой институтский реферат.

– Не понял...? – изумился Воробьев.

– Я с ней уже договорился.

– А если кто-то другой нас увидит, – продолжал сомневаться Ирощенко.

– Неужели вы меня сдадите? – Несмотря на серьезный вопрос, с улыбкой ответил Брагин.

– А здесь и без закладывания все ясно. Если нас поймают, то возникнет естественный вопрос, каким образом я очутился здесь? Ведь не старик Хоттабыч перенес меня из блока смертников на второй этаж другого корпуса, – резонно заметил Ирощенко.

– По поводу твоего получасового отсутствия в блоке «В», я подготовил алиби, если что, ты в это время находился в санчасти в медкабинете и тебе делали бронхоскопию. Так что в этом отношении можешь быть спокоен. Ладно, парни, если бы, да кабы... Все должно пройти хорошо, по крайней мере, вы к этому подготовлены. Я верю в благополучный конец, а в дальнейшем на меня ляжет еще одна забота, как Сергею в самый кратчайший срок очутиться за стенами этого мрачного заведения. Главное «усыпите» этого подонка «изящно» и никому в голову не придет, что кто-то силой перекрыл ему кислород. Да, вот еще что, – Брагин показал им плотную резиновую грушу, которую помещают в рот особо-опасному преступнику во время перевода его в другое помещение, – этой штукой заткните ему плотно рот.

– Это еще зачем? – спросил Ирощенко, – я буду действовать рукой в кожаной перчатке, он у меня не пикнет.

– Парни, для чего нужна груша? Если он начнет сопротивляться, то хотя бы не сможет повредить себе зубами язык и внутреннюю полость рта. Не забывайте об экспертизе. Почему дело об убийстве Равелинского было направлено на следствие?

– Убийстве?! – удивился Воробьев, – а, кстати, почему?

– Да, да, именно убийстве, а не скорострельной смерти. Потому что, когда Сергей придал ему рот рукой, он кусал себе всю внутреннюю полость рта.

– Однако, – опять удивился Александр, – я многого еще не знаю.

– А теперь, последнее, – таинственно произнес Брагин, – завтра в камере, где сидит убийца, в моем присутствии будет производиться обыск. Незаметно под его подушкой я оставляю вот эту метку, – Брагин показал друзьям треугольный желтый знак с надписью: «Осторожно! Высокое напряжение!»

– Так, ты ее переделал?! – удивился Александр, – ведь моя была белая... Хотя тоже неплохой вариант. Мужики, ну, вы даете, ей богу, как в детективном романе.

– У нас все вполне реально, – строго заявил Брагин, – друзья, перед тем, как совсем его придушить, обязательно напомните о метке, и за какое преступление этот подонок приговаривается к смерти.

– Когда намечается?

– Задуманное проведем ровно через неделю.

На следующий день, после встречи участников акции, убийца Пушкив, вернувшись с прогулки, решил немного вздремнуть. Поправляя подушку, он заметил желтый треугольник.

– Эй, братва, не знаете, кто под мою подушку эту фигню положил?

– Мусора шмон в хате делали. Кто ж кроме них ее бросит. Среди нас электриков нет, – шуткой ответил сокамерник.

– А, ладно, оставляю как закладку для книжки.

Пушков положил бирочку назад под подушку и больше не стал заморачиваться по поводу ее появления.

Прошло пять дней. После обеда Пушкива предупредила дежурная по этажу, чтобы готовился к выходу. Через пять минут дверь открылась, и сержант зычным голосом объявил:

– Пушкив, на выход. Пойдешь в спецчасть, там тебе какая-то бумага пришла.

После мытарств по этажам и «гуляний» по подземному переходу, надзиратель привел Пушкива в административный корпус. Два часа он просидел в боксе, изнемогая от нетерпения. Но никто из администрации так его и не вызвал. Вдруг открылась дверь и в бокс ввели заключенного.

– Эй, командир, про меня забыли что ли? Шевельни там начальство, – взмолился Пушкив.

– Ты же не один, вас целая тюрьма, сиди, жди, скоро вызовут.

И дверь захлопнулась перед незадачливым арестантом. Сосед по лавке достал из мешка сигареты и, закурив, предложил Пушкиву:

– Будешь курить?

– Давай, посмолю, а то свои в хате забыл.

– Может, чифирь будешь, правда он холодный, остыл уже. Я у адвоката часа три сидел, мне с воли в тихушечку дачку⁹ передали и в банку чифирь готовый налили.

– Ё-моё, еще спрашивает, давай, конечно. Хрен с ним, что холодный, я уже забыл когда чифирь глушил.

Приложившись к горловине, Пушкив сделал несколько больших глотков и протянул стеклянную банку соседу.

– Брр. Он у меня вот здесь стоит, – арестант прикоснулся ребром ладони к нижней губе, – допивай. Банку только отдай, я ее загашу подальше в мешок, а то менты отымут.

Закурили по новой, поговорили и только через полчаса дверь открыл сержант, но уже не тот, который привел Пушкива.

– Не готов еще твой документ, заминочка вышла. Вставай, пошли назад в камеру.

⁹ Дачка – посылка, передача.

Пушков тихо ругнулся, но облегченно вдохнул, ему наскучило сидеть в боксе. Попрощавшись с соседом, заложил руки назад, и двинулся по коридору до лестничного пролета.

Наутро следующего дня Пушков почувствовал головокружение и тошноту. Поднялся с постели, сделал несколько шагов. Тело поплыло в сторону. Его едва успели подхватить под руки и усадить на кровать. Сокамерник машинально приложил ладонь к его лбу.

– Да у тебя температура, падай скорее на шконку и отлежись. Где тебя так просифонило?

– Наверно в подземном переходе просквозило, пока в спецчасть водили, – пожимая плечами, ответил невпопад Пушков и плюхнулся на постель. Голова раскалывалась, во рту ощущалась сухость, дышать стало трудно. Такого с ним, никогда не случалось.

Перед обедом заключенным полагалась уличная прогулка и все стали собираться, надевая куртки и, натягивая на ноги сапоги и ботинки. Когда арестантов вывели из камеры, Пушков попросил дежурного надзирателя, чтобы его оставили, по причине сильного недомогания.

– Может врача вызвать, а то я накажу сейчас дежурной?

– Не-е, командир, немного полежу, скоро отпустит.

Прошло десять минут. Внезапно в замке провернулся ключ, и дверь тихонько отворилась. Пушков дремал и не услышал, как к нему подкрались двое мужчин. Их лица закрывали повязки из темной ткани.

Пушков почувствовал, как кто-то крепко зажал ему рот рукой, одетой в кожаную перчатку. Он хотел подскочить, но другой человек, придавив его грудь коленкой, перехватил обе руки. Крупный на вид мужчина сдавил рукой между челюстями так сильно, что Пушкову пришлось широко открыть рот. Ему моментально всунули в рот что-то большое, похожее на резиновый мячик. Недоумевая, Пушков вытаращил глаза и замычал.

– Ты получил желтый треугольник? – спросил его здоровяк.

Пушков несколько секунд раздумывал, не мог понять, о чем его спрашивают. Вспомнив о желтом треугольнике, найденном под подушкой, он часто закивал.

– Скотина, ты изнасиловал маленькую девочку, а затем зверски с ней расправился, утопив в пруду. Мы приговариваем тебя к смерти. Умри же, пес!

Пушков еще больше вытаращил глаза и, ужасно что-то мыча, пытался высвободить руки.

Ирощенко, что есть силы, одновременно придавил ладонью рот и нос Пушкову. Александр уселся верхом на ноги насильнику и крепко держал его за руки. Оказавшись стиснутым в «железных» объятиях и чувствуя, что не хватает воздуха, Пушков задергался всем телом. Еще несколько секунд он сопротивлялся, но когда туман стал обволакивать сознание, Пушков расслабился. Тело несколько раз дернулось в предсмертных конвульсиях и, наконец, успокоилось.

Ирощенко держал руку до тех пор, пока Пушков не перестал подавать признаков жизни. Все было кончено. Воробьев вытащил изо рта Пушкова грушу. Его перевернули и уткнули лицом в подушку.

– Фу, гадина, обоссался, – поморщился Ирощенко, – Сань, накинь на него одеяло.

Надели фуражки, сняли с лиц повязки и тихо вышли из камеры. Брагин стоял рядом и, молча кивнув друзьям, предложил пройти в кабинет.

Прогулка закончилась через час, и заключенные вернулись в камеру. Увидев лежавшего на животе спящим под одеялом больного сокамерника, занялись своими делами: кто сел играть в домино, кто увлекся чтением книги, а кто прохаживался от двери до стола, как будто ему не хватило прогулки на свежем воздухе.

Ближе к вечеру заключенные стали водить носами и один даже выругался:

– Опять из толчка саньем воняет...

Но им было невдомек, что этот запах исходил от мертвого сокамерника. «Больной» проспал до самого ужина и когда баландер открыл кормушку, Пушкова толкнули в бок, чтобы поднялся поест.

Он не шелохнулся. Сосед по койке протянул руку, чтобы пощупать лоб у больного и, прикоснувшись, с улыбкой сказал:

– О, кажись, оклемался, лоб совсем холодный. Слышь, Пушок, вставай пожрать, а то баланда остынет.

Но ответа не последовало, кроме того, Пушков совершенно не двигался. Перевернув его на спину, арестант увидел обескровленное лицо. Остекленевшие глаза Пушкова были открыты. Зрачки были направлены в одну точку и совершенно не реагировали на свет.

– Блин, зови скорей дубачку, кажется Пушок дуба дал, – крикнул заключенный, а сам стал тормозить больного. Но все его старания оказались напрасны, Пушков не подавал признаков жизни.

Через несколько минут вошли мужчины-надзиратели и дежурный врач. Светлана Пыжьянова, дежурная по этажу, осталась стоять за приоткрытой дверью. Осмотрев остывающий труп Пушкова, врач послал сержанта в санчасть за санитарями и заодно попросил дежурную вызвать ДПНСИ.

Пыжьянова, сквозь приоткрытую дверь увидела лежавшего на спине бездыханного арестанта и с ужасом прикрыла рот ладонью. Конечно же, она узнала его, это был тот самый заключенный, который предлагал деньги, чтобы пощупать ее за интимные места. В голове невольно пронеслась шальная мысль: «Это его Боженька наказал... Да ну, – усомнилась она, – чушь какая-то, наверно наркотик „паленый“ попался, вот и загнулся он».

Вскоре пришел ДПНСИ Брагин с санитарями. Взглянув на покойника, Сергей спросил врача:

– Что скажешь, от чего он умер?

– Причин предостаточно. Однозначно не могу сказать, вскрытие покажет. Но на первый взгляд, судя по цвету кожи на лице, у меня такое впечатление, что он удавился.

От удивления, у Брагина приподнялась правая бровь.

– Удавился?

– Не бери в голову, Сергей Михайлович, это я так, с первого фонаря снял констатацию смерти, – врач повернулся к заключенным, ожидавшим его указаний, – санитары, ложите труп на носилки и несите в санчасть. Сергей Михайлович, ты не уходи далеко, подпишешь бумагу.

– А куда мне идти, я же на сутки заступил. Немного погодя подойду к тебе в кабинет, вот только опрошу сокамерников покойного, может они что-нибудь расскажут.

Вызывая попеременно каждого заключенного, Брагин уяснил самое главное: у Пушкова накануне смерти поднялась высокая температура и появилась отдышка. Никто из сокамерников не дал ни малейшей зацепки на какие-либо обстоятельства его внезапной смерти.

На следующий день после происшествия, в камеру привели и посадили только что осужденного арестанта. Перезнакомившись с сокамерниками, он услышал о вчерашнем происшествии и поинтересовался о его фамилии.

– Пушков.

– А он случаем не на Толю Пушка отзывался?

– Точно. А ты что, знал его?

– Мужики, если это тот самый тип, у которого стремные статьи за изнасилование и убийство девочки-малолетки...

– Не-е, мужик, ты перепутал, Пушок – мировой парняга, – перебили его заключенные.

– Я знал другого Пушка, вот его-то сразу надо на «шишку» посадить. Да, кстати у него партак на левой руке – церковь с куполами.

– Ну, была у него такая татуировка. А чем ты докажешь, что это был тот самый Пушок?

– Завтра на прогулке запросим одну хату, он сидел в ней, да братва его выломала. Я удивляюсь, конечно, но если это тот Пушок, как вы его сразу не раскололи.

На следующий день, выйдя на прогулку, по запросу через другие прогулочные боксы, арестанты получили записку и, тут же стало известно, что за тип сидел с ними в камере. Один заключенный сплюнул с досады и в сердцах выругался:

«Вот, сука, сдохла падла! Сорвался с «плешака». Туда ему и дорога. А прикиньте мужики, если бы мы узнали... Короче, Бог – не Яшка, видит, кому тяжело, отвел от нас мокруху.

– Да, уж – поддержал его другой арестант, – как говорится: «умер Максим, да и хрен с ним».

Осмотрев поверхностно тело Пушкова, врач не выявил никаких признаков насилия и в отчете написал: *«Причину смерти осужденного выявить не удалось. Нужна более тщательная экспертиза. Предположительно, больной мог умереть от асфиксии. Высокая температура поспособствовала кислородному голоданию, вследствие чего, заключенный потерял сознание и, уткнувшись лицом в подушку, задохнулся».*

После того, как труп Пушкова отвезли на судебно-медицинскую экспертизу, начальнику СИЗО пришло официальное уведомление: *«Вследствие внезапной простуды у гражданина Пушкова поднялась высокая температура. После сильного кашля возникло раздражение окончаний нижнего гортанного нерва и трахеальных нервов, а также нервов, иннервирующих бронхи, что привело к возникновению спазма голосовой щели с последующим развитием острой гипоксии. В конечном результате с больным приключился обморок и во время потери сознания он внезапно скончался».*

По причине скоропостижной смерти осужденного, Сергею Брагину, дежурившему в тот день, тоже пришлось дать объяснения представителю прокуратуры. Поначалу прокурор настаивал на наказании некоторых лиц среди администрации СИЗО, не предоставивших своевременную медицинскую помощь заболевшему заключенному. Но вовремя разговора с Брагиным, прокурор Кондратьев, отстаивая свою принципиальную позицию, все же был вынужден смягчиться, когда узнал, что умерший Пушков оказался не таким уж безобидным типом.

– Сергей Михайлович, закон есть закон, и мы все ему служим. За халатность ты и дежурный врач, должны понести наказание. Пусть Пушков был трижды подонок, но дисциплинарные взыскания никто не отменял.

– Илья Николаевич, тебе от этого станет легче?

– Неправильный ты вопрос задал. Для меня – это значимый поступок.

– Мы с тобой без пяти минут коллеги, возможно, скоро я стану адвокатом и когда-нибудь, конечно, не дай бог, мне поручат защищать вот такого подонка. Я, как человек, не смотря на свою профессию, постараюсь сделать самоотвод и жестко объясню свою позицию...

– Сергей Михайлович, что ты объяснишь и кому? Скажут, будешь делать, откажешься, выход вон там. Я не пойму, что ты пытаешься мне доказать? Как ты их ненавидишь...

– У тебя есть дети?

– Есть, но не девочка. У меня сын растет.

– А какая разница, если речь идет об извращенце, который, сидя в зоне, имел себе подобного.

– В смысле, кого имел?

– Ты что, с луны свалился, не знаешь, что гомосексуалисты бывают как пассивные, так и активные. Этот «петух» выйдет на свободу и заманит маленького мальчика, а потом, чтобы он не проговорился взрослым, удавит его.

– Что ты предлагаешь? Убивать их. Так суд и так их не милует.

– А Пушкова, почему не приговорили к высшей мере?

– Суду было виднее, доказательств, что он убил девочку, оказалось недостаточно...

– Ты себе-то хоть не ври. Этот подонок дважды шел по тяжелой статье и в последний раз доказательства были...

– А тебе, откуда это известно? – Кондратьев подозрительно взглянул на инспектора.

– Да, так, слушок кто-то пустил.

– Ну, вот, опять же слухи. Так чего же ты от меня хочешь?

– Прежде чем наказывать людей, посмотри, кого ты защищаешь.

– Я вижу. А ты, видимо взыскания боишься, раз крепко надавил мне на чувства преступлением этого негодяя. Ладно, Сергей, не стоит продолжать, я тоже не бессердечный и мне не безразличны судьбы наших детей. Никого я не буду наказывать и разбирательство прекращаю. Есть медэкспертиза, и на этом основании закрываю дело. На вот, почитай, это объяснение сокамерника Пушкиова.

Прокурор пододвинул к Брагину лист с машинописным текстом:

«Пушков в последнее время сильно переживал. Мрачный ходил, как туча. Однажды он мне сказал, что жить не хочет. Смерть для меня, говорит, как избавление от душевных мук. А каких мук, так и не сказал. У него впереди срок – пятнадцать лет. Скорее всего, Пушков сильно подгонял¹⁰, и видно на нервной почве у него произошел срыв. Так бывает, когда человек сильно в чем-то виноват. А когда мы узнали, что он маленькую девочку... Тогда я понял, почему Пушкиову не хотелось жить».

После смерти Пушкиова, организация сразу же пополнилась двумя членами. Но Ирощенко и Воробьев пока были заключенными и отбывали срок наказания и, пожалуй, это обстоятельство не давало четверке приступить к совместным операциям.

Братья Брагины часто встречались на квартире Сергея. После закрытия прокуратурой дела, они немного успокоились и, конечно же, радовались благополучному исходу. Легко сказать, провести такую опасную акцию и не посадить себе на хвост следователей... Анатолий до сих пор считал, что Сергей поступил, как бесшабашный авантюрист, ведь можно было, как-то иначе убрать насильника. Но дело было сделано, и Сергей пообещал брату, что такого экстрима, он больше не допустит, тем более, провались операция, отвечать бы пришлось всем.

Обязательным правилом для Брагиных считалось: после всех совершенных ими возмездий, любыми способами сообщать родственникам погибших детей, что убийца их ребенка по каким-либо причинам, скорпостижно скончался. Вот и на этот раз родители, начиная новый виток по доследованию преступления Пушкиова, были вызваны в прокуратуру, где им сообщили сногсшибательную новость, что насильник умер. Мать Даши, не скрывая ликования, вскричала:

– Мерзавец этакий, нашел все-таки свое! Есть Бог на свете! По крайней мере, мы с отцом теперь будем спокойны – этот подонок будет гореть в аду.

Сергей Брагин навел кое-какие справки и подстраховался в отношении Воробьева. Инспектор договорился с врачом и пока Александра не отправили на этап, его на время перевели из транзитной камеры в больничку. Сам же Сергей решил тщательно подготовиться к другой операции – побегу Ирощенко из тюрьмы. Вся ответственность ложилась только на него, и в случае провала старшему инспектору оперчасти СИЗО придется ответить годами, проведенными в неволе. В связи с предстоящим побегом, Сергей пришел к брату Анатолию для серьезного разговора.

– Толя, помнишь капитана Ермолова?

– Еще бы, разве забудешь эту гниду. А почему ты о нем заговорил, что-то случилось?

¹⁰ Подгонял – думал

– Это Ермолов перевел Сашку Воробьева в транзитную камеру, хотя по режимным соображениям не должен был этого делать. Я стал докапываться до истины, и вот результат, Ермолова подкупили уголовники и возможно этот след выведет нас на авторитетных воров.

– Интересно, как ты об этом узнал?

– Мне Аллочка из Спецчасти на ушко шепнула, что Ермолов в оперативных целях затребовал дело Воробьева, и добился его перевода в транзитную камеру.

– Ты еще одну глупышку соблазнил? – шутя, спросил Анатолий.

– Еще чего не хватало, – осклабился Сергей, – она замужем, и к тому же, не в моем вкусе. Тут другое важно, я намерен пробежаться по своим надежным источникам и добыл кое-какую информацию, касающуюся одного знаменитого в воровских кругах человека. И сдается мне, что в городе объявился Садовников, по кличке Аркан.

– Аркан?! Который в болоте утонул?

– Дерьмо не тонет, не забывай об этом, – пошутил Сергей, – скорее всего его гибель – это фикция. Аркан по всей вероятности, начал преследовать Воробьева.

– Каким образом?

– Я проверяю одну версию, по-моему, этот вор подослал к Сашке убийцу.

– Сашка в опасности?!

– Видимо на этот раз пронесло, все обошлось коллективной дракой в камере, но на всякий случай я перевел его в санчасть в отдельную камеру, будто у медиков есть подозрение, что у него туберкулез легких. При встрече я обязательно узнаю у Воробьева об Аркане, и если он подтвердит мои догадки, мы должны помочь ему.

– Конечно, все, что в наших силах, мы сделаем. А как быть Ермоловым, неужели этот продажный выродок так и останется безнаказанным?

– Ты же не будешь жалеть, если его арестуют и привлекут к ответственности за преступление, – шутя, ответил Сергей.

– Его жалеть! – воскликнул Анатолий, – я по такому случаю пойду в церковь и поставлю свечку.

– Толя, если серьезно, я хочу его подставить.

– За связь с уголовниками?

– Это обстоятельство тоже будет иметь силу в предстоящем уголовном деле, – загадочно произнес Сергей, – мне он нужен в более важном мероприятии. На Ермолова я «натравлю» следователей и поведу их по ложному следу. Таким образом, я окажусь вне подозрения, и все это случится, когда Ирощенко окажется на свободе.

– И как ты это сделаешь?!

– Я постараюсь вывести Сергея из тюрьмы посредством Ермолова, а потом предоставлю розыскникам информацию, что инспектор связан с уголовниками, а побег Ирощенко – это хорошо спланированная акция авторитетного вора...

– Аркана?! – догадался Анатолий.

– Совершенно верно.

– Ты хочешь привязать Ирощенко к компании Аркана?

– Я же сказал тебе, что это ложный след.

– Ты думаешь, Ермолов дурак, он ни за что не возьмет на себя такое преступление. Хоть он не блещет умом, но обязательно отопрется, – засомневался Анатолий.

– Факты – упрямая вещь, а я постараюсь подбросить их следствию в избытке.

– Ты знаешь, Сереж, сколько гадости этот негодяй совершил за свою жизнь, по-моему, это будет справедливая кара за его поступки. План хороший и я полностью его поддерживаю. Но очень прошу тебя, будь осторожен, игра со следственными органами может плохо кончиться для нас обоих. Если побег удастся, на розыск Сергея бросят лучших розыскников. Прежде

чем пойти на это, давай еще раз все обдумаем. Конечно, я на тебя полагаюсь, как на спеца, но повторяю, к розыску подключат не дилетантов, а профессионалов.

– Не волнуйся, у нас все получится.

– Сереж, а вдруг...

– За себя и семью не переживай, если что, я один буду отвечать.

– Как ты можешь так рассуждать, чтобы я бросил тебя в трудную минуту.

– Толя! У тебя семья, а у меня никого нет. Ладно, не будем о грустном. Давай лучше подумаем, где укроем Ирощенко, и сколько времени понадобится ему на адаптацию?

– Может снять частный дом или однокомнатную квартиру, – предложил Анатолий.

– Исключено. Новосибирск перевернут верх дном. Сергею придется долгое время отсиживаться. Нужно искать место на периферии. В городе он закистет от безделья.

– Хорошо, я постараюсь подыскать несколько вариантов, потом обдумаем, в каком месте лучше его пристроить.

На следующий день у Сергея Брагина состоялась встреча с Александром Воробьевым в допросном кабинете, и он с радостью сообщил ему новость:

– Твои документы в порядке и в самое ближайшее время готовься к этапированию в колонию.

Воробьев затревожился:

– В область повезут или в городе оставят?

– Все обошлось, через знакомого в управлении я постарался, чтобы тебя оставили в городской черте. В связи с тем, что у тебя больная мама и ей тяжело будет ездить на свидания в отдаленную колонию, тебя направят в зону строгого режима, расположенную в Ленинском районе.

– У меня больная мама?! Ой... – Воробьев осекся, – Сергей, извини, я ляпнул, не подумавши... Совсем забыл, что у тебя кругом знакомства.

– Из транзитной камеры, где ты сидел, двоих отправят в эту же колонию. Это Владимир Волков и Александр Сапрыкин.

– Волчонок и Музыкант?! – радостно воскликнул Воробьев, – вот здорово. Я с ними уже успел скорешиться.

Сергей сдержанно улыбнулся. Александр взглянул ему в лицо и заметил обеспокоенный взгляд.

– Сереж, у тебя вид какой-то озабоченный...

– Понимаешь, Саш, Сергея я постараюсь отсюда вытащить, но ему какое-то время необходимо где-то отсидеться.

– Поделишься своим планом?

Брагин, конечно, рассказал, каким образом Ирощенко окажется на свободе, но особые моменты побега пока озвучивать не стал. После того, как Александр дослушал, в голову ему закралась мысль.

– А что если Сергея вы сразу же отправите в тайгу? Представляешь, кругом глухомань, никто его искать там не будет.

– В тайгу? Где он там жить будет, в шалаше, что ли? – грустно спросил Брагин.

Конечно, спрашивая, он был далек от мысли, что в тайге не просто можно было скрыться, а вполне пристойно жить.

– Мой дед – лесник. У него в тех краях есть дальняя заимка и дорогу через тайгу знает только он. Сереж, а ведь это хорошая идея. Может и вправду, отправить деду письмо, пусть Серегу приютит, хотя бы на время, а там будет видно.

– Вот, говорят же, язык до Киева доведет! Конечно же, это выход. Надежнее места и не придумаешь. Саш, а как твой дед отнесется к появлению Сергея? Я так полагаю, его-то не стоит посвящать в наши дела.

– Конечно, нет. Я напишу деду, что у Сергея, моего друга по армии, приключилась крупная неприятность с командиром. В общем, я найду, что написать, к примеру, что мой друг теперь вынужден скрываться от правосудия. Я не хочу расстраивать деда, ведь мама обманула его и написала, что я до сих пор служу в армии... – Александр внезапно умолк и после паузы, с ненавистью в словах продолжил, – мне бы еще разобраться, что за тварь подкупила судью. Представь, она присудила мне пять лет за драку. Будь все иначе, я бы сейчас не сидел.

– Александр, дай срок, и в твоём деле разберемся, ни одна сволочь не уйдет от ответственности.

– Сергей, помнишь, перед тем, как я согласился вступить в вашу организацию, мы договорились, что ни один человек понапрасну не погибнет. На каждого нужно искать веское доказательство в тяжелом преступлении.

– Я об этом всегда помню – пока не доказана вина человека, мы никогда его не тронем. Бандитские методы нам не к лицу. Запомни на будущее: воровать, грабить, убивать без разбора – это удел разбойных банд, наша организация имеет совершенно другое направление. Мы разыскиваем тех негодяев, которые за свои злодеяния заслужили смерть, но каким-то невыносимым образом, выкрутились из ситуации. В первую очередь это касается насильников и убийц маленьких детей. И давай к этому вопросу больше не будем возвращаться.

– А с теми, кто берет взятки, чтобы выгородить убийц, что делать?

– Не переживай. Тому, кто берет взятки и, занимаясь преступным попустительством, прикрывает серьезные уголовные дела, мы поможем сесть на скамью подсудимых. А начинать придется с себя... – Брагин нахмурился, – ты думаешь, мне приятно каждый месяц вручать своему начальнику конверт с левой зарплатой. Мне самому омерзительны эти «коммерческие» сделки в тюрьме. Но я терплю... Осознаю, что нужно переждать этот период и все закончится. Когда-нибудь, а возможно очень скоро, мы соберемся все вместе и будем обсуждать серьезные, и даже очень опасные планы.

– Сергей, перед отправкой на зону, мне положено общее свидание с мамой. Но для того, чтобы передать ей письмо к деду, нужна личная свиданка. Ты сможешь это устроить?

– Александр, ни в коем случае! Ни о какой передаче письма не может быть речи. Напишешь и отдашь мне, я сам найду способ, как передать письмо твоей маме. Привыкай к конспиративным методам, в нашем деле важна каждая мелочь. Особенно это касается наших потенциальных преследователей, которых мы просто обязаны опережать, как теоретически, так и в любом действии.

– Извини, я не подумал. Продолжаю жить по старинке, мне все еще кажется, что можно крутить дела через знакомых.

– Кстати, твоей матери можно доверять?

– Так же, как и мне.

– Ты так хорошо знаешь свою маму?

– Уж поверь, никогда не сомневался в ее надежности. Прошлое моего деда и мамы, дают мне стопроцентную уверенность в их порядочности.

– И что примечательного в их прошлом? – удивился Сергей.

– Потом расскажу – это очень долгая история.

– Хорошо. Александр, я тебя прошу быть осторожным и внимательным. Не увлекайся новыми знакомствами. Ближе, чем на шаг, никого к себе не подпускай. И помни всегда, ты и организация – это одно целое. Так же думают и остальные. Можно потерять руку, ногу и смирившись с этим, адаптироваться в жизни. Но оказаться вне организации, мы уже не имеем права. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Если не дай бог, кто-то из нас попадется, то лучше умереть, чем проговориться. Я правильно понял?

– Да, правильно, даже под страшными пытками мы можем сдать своих друзей. А чтобы этого не случилось, всегда слушай внимательно, что говорят твои друзья. Прибудешь в колонию, без нашего ведома ничего не предпринимай. Хотя мы будем по разные стороны забора, но ты почувствуешь, что мы рядом с тобой. В первую очередь, не забывай об Аркане. То, что он конченный человек, я не сомневаюсь. Ты правильно сделал, что рассказал о нем. Я неплохо изучил среду, в которой «варится» Садовников-Аркан и знаю, чем они живут, как «зарабатывают» средства на жизнь. По этому поводу я имел беседы с Ирошенко, и у нас возникла неплохая идея... Не святым же духом питаются воровские и уголовные авторитеты, у них наверняка отлажены пути-дорожки, которые приведут нас к материальным ценностям. Когда я уйду с этой работы, то обязательно займусь вопросами обеспечения нашей организации. У меня налажена своя агентурная сеть, и она требует периодических материальных вливаний. Информация в наше время – это те же средства для безбедного существования, но за это необходимо платить и немалые деньги.

– Сергей, не нужно только общак трогать.

– Александр, я не зря тебе сказал, что прошупал эту среду. В общих чертах мне известно, чем «питается» Аркан. Нам не нужен воровской общак Садовникова, а интересны только его левые доходы. Понимаешь, о чем я говорю?

Воробьев улыбнулся и молча, кивнул в ответ.

– В колонии присмотрись хорошенько к Волкову. В его личном деле я не заметил ничего такого, чтобы скомпрометировало его, как человека, имеющего нормальные, моральные принципы. Крепкий, умный, прямой мужчина. Правда есть одна зацепочка, но по этому поводу к Волкову, скорее всего, возникнет интерес в Политчасти колонии.

– А что в нем не так?

– Он иногда не лестно высказывается о Советской власти. Хотя его недовольства можно отнести к разряду ущемленных.

– Я не понял.

– У него в родне, кто-то был репрессирован при Сталине. Ладно, если заинтересуешься, потом разберешься. В надежности Волкова ты уже убедился, когда вы сидели в одной камере и сцепились с «Азиатами». В колонии, во всяком случае, вы друг за друга уже можете постоять. Напоминаю еще раз, помни об Аркане. И еще, хочу предупредить, когда прибудешь в колонию, к тебе обязательно подойдут два человека – это отец Алексея Сибирякова и отец погибшего во время бунта, Василия Симутина.

– Васи Симуты?! – у Александра невольно вырвалось радостное восклицание, – как, и у него, отец на «пятерке» сидит?

– Да, они оба там. Недавно Симутина перевели из ИТК-8, и в колонии среди заключенных они имеют хорошую репутацию, так что тебя встретят, можно сказать с почестями. Для себя знай, на данный момент Сибиряков и Симутин пребывают в ссоре. Что-то они не поделили. Еще раз, не забывай, о чем я тебя просил, не доверяйся посторонним людям и даже Волкову. Запомни, что не известно оперчасти, может стать достоянием другого госучреждения.

– О чем это ты?

– До меня дошла очень важная и конфиденциальная информация. После последнего съезда, в партийных кулуарах, и на высоком уровне, в ход пошла директива: среди заключенных повернуть вспять «воровское движение», и душить в зародыше создаваемые в лагерях криминальные сообщества. Исходя из оперативных соображений, в колонии разных режимов, будут внедряться тайные агенты КГБ – сексоты. Так что они не оставят без внимания сходки и прочие уголовные мероприятия осужденных. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Конечно, понимаю, надо ложиться спать и рот завязывать, чтобы чего лишнего не выскочило.

– А лучше всего, следить за собой, быть сдержанным и не забывать, что твой срок в любой момент может быть сокращен или отменен, – Брагин хитро прищурился и приставил указательный палец к губам.

– Понял, не дурак, – шуткой ответил Александр.

– А теперь об Аркане. По всему видать, зверь он матерый и так просто к нему не податься, потому нужно время, чтобы внедрить к нему своего человека. По-любому, у него есть связи в колонии и если он что-то задумает, то постарается через кого-то осуществить свои замыслы. Будь внимателен, при малейших нападках на тебя со стороны, обязательно дай нам знать. Не пытайся сам решить проблему, сообщи через моего приятеля, он работает в колонии в пожарной охране. Звать его Михаил Мурашов. Запомни, подходи к нему за помощью, только в экстренном случае и то, соблюдая жесточайшие правила конспирации. В колонии много агентов оперчасти и не только. Все кругом за кем-то следят, кого-то боятся, всегда перестраховываются, одним словом – осиный рой. Ээки, народ непредсказуемый, им всегда мерещится «подстава», потому жалят они своего ближнего, особо не задумываясь.

– Знаю Сереж, уже встречал таких гадов.

– Да, чуть не забыл, заместителем начальника по РиОР в колонии теперь Кузнецов, это вместо того, чтобы его судить за потерю бдительности в ИТК-2, его повысили в звании и перевели в другой лагерь.

– Помню эту хитропопую бестию, о нем Дронов много чего рассказывал.

– Кузнецов знает тебя в лицо?

– Нет, мне не приходилось с ним сталкиваться, даже во время бунта.

– За ним имеется грешок, всех бунтовщиков, которых направили этапом в ИТК-5, он подвергает репрессиям. Если Кузнецов попытается и тебя приструнить, на рожон не лезь, у меня тоже кое-что на него есть. Придавлю ему хвост так, что мало не покажется. Но только действуй в том случае, если он от тебя не отстанет.

– Сергей, тебя еще что-то тревожит?

– Конечно... Через неделю, а быть может раньше, ты покинешь тюрьму. Сергей Ирощенко – вот моя самая большая забота. Мне не ведомо, насколько чисто пройдет побег. Хорошо хоть появилась возможность быстро «эвакуировать» его из города.

– Сергей, я вообще не представляю, каким образом ты выведешь его из тюрьмы.

Брагин ответил с ухмылкой:

– Для следователей это будет одна из самых тяжелых загадок. Разгадают, значит, встретятся через год в местах не столь отдаленных.

– Не надо так шутить...

– А если все пройдет отлично – значит, мы все вместе стоим чего-то большего в жизни. – Брагин сделал видимость, что воспрял духом, но на самом деле в душе его творилось невообразимое. Подавив в себе признаки грусти, он продолжил, – со свиданием я помогу тебе, возможно ни сегодня, так завтра увидишься с мамой. И запомни, если до тебя дойдут плохие слухи в отношении меня или Ирощенко, без подтверждения ни кому не верь. Анатолий будет помогать тебе и дальше. Но будем надеяться на благополучный исход дела. Когда-нибудь люди рассудят нас по нашим поступкам, бандиты мы или искатели правды, хотя в большинстве случаев, ответ будет однозначен – система назовет нас убийцами. А во благо совершены преступления или по какой другой причине, судить Богу, а не государству, где приходится выискивать правду, а не получать ее, как реальную вещь.

Друзья поднялись и крепко пожали друг другу руки. Сергей покинул допросную комнату, а Александр остался дожидаться конвоира.

Глава 4 Побег

В четверг, ровно за неделю до спланированного побега Сергея Ирощенко, когда до конца рабочего дня осталось несколько минут, в двери районной библиотеки имени «А.П.Чехова» кто-то постучал.

Библиотекарь Екатерина Воробьева на миг отвлеклась от работы и громко сказала:

– Товарищи на сегодня все, библиотека закрыта, приходите, пожалуйста, завтра.

Но дверь открылась, и в помещение вошел молодой мужчина, одетый в военную форму. На вид ему было около тридцати пяти лет. Осмотревшись, он убедился, что в просторной комнате никого больше нет, и обратился к библиотекарше:

– Простите, пожалуйста, за несвоевременное вторжение, мне необходимо увидеть Екатерину Михайловну Воробьеву.

– Это я. Чем могу вам помочь?

– Екатерина Михайловна, вы одна здесь? – загадочно спросил посетитель.

– Конечно. А что вас интересует?

– Дело в том, что мы с вашим сыном хорошо знакомы.

– Сашей! – непроизвольно вырвалось у Воробьевой, – ой, простите. Я так волнуюсь. От него давно не было писем. Вы что-то хотели узнать о моем сыне?

– Меня зовут Сергей, можно просто, без отчества. Я работаю в государственном учреждении, так что моя форма соответствует профессии. Екатерина Михайловна, я принес вам письмо от Александра.

– Письмо! От Саши?!

– Екатерина Михайловна, прежде чем я отдам вам письмо, хотел бы предупредить, что оно очень доверительное, и не должно попасть в чужие руки. Вы меня понимаете?

Екатерина, молча, кивнула, после этого Брагин протянул ей конверт. Прочитав послание, Воробьева заглянула внутрь, там лежало еще одно письмо, адресованное Коростылеву Михаилу, ее отцу.

– Как все таинственно, – тихо произнесла Екатерина, – сын пишет, что я могу вам доверять. Сергей, вам нужно, чтобы я отправила другое письмо моему отцу?

– Не совсем так, его необходимо передать из рук в руки. Екатерина...

Женщина перебила Брагина:

– Можно тоже без отчества.

– Екатерина – это очень важно и не терпит отлагательства. Друг, о котором пишет Саша, попал в скверную историю, и чтобы ему помочь, нужно срочно переправить его в тайгу к вашему отцу.

– Я прочла это в письме. Что натворил ваш друг, почему он скрывается от милиции?

– Он хороший человек, но так сложились обстоятельства, что на данный момент его разыскивают за самовольное оставление воинской части. Ему грозит арест, судебное разбирательство, и непременно тюремный срок.

– Может, все-таки скажете, что он натворил?

– Поступок конечно неординарный, но начальство от него не в восторге. Не знаю, в праве ли я подробно рассказывать...

– Сергей, вы пришли ко мне за помощью, а значит, в какой-то мере доверяете, потому отбросьте сомнения и просто скажите правду. Не нужно придумывать, я не люблю, когда меня обманывают. Саша мог что-то скрыть от меня, но я его пойму, потому что в письме всего не напишешь. Мы с вами совершенно не знаем друг друга и, тем не менее, я хочу остаться с вами искренней и жду от вас того же, так что постарайтесь не разочаровать меня.

– Хорошо, я расскажу, но пообещайте, что этот разговор останется между нами.

– Понимаю вас, – Екатерина согласно кивнула.

– Нашему знакомому офицеру очень понравилась одна девушка, она по договору служила сестрой в медчасти. Майор, командир части, кстати, женатый, охмурил молодую работницу и когда среди солдат и офицеров поползли слухи... О его похождениях на стороне узнала жена. Майор решил вывернуться и обвинил девушку в том, что она пыталась его соблазнить. Наш друг-офицер, узнав всю правду от девушки, потребовал извинений от командира, но получил в ответ оскорбления и угрозы, что вылетит со службы. Инцидент перешел в стадию выяснения отношений, закончившихся для командира увечьем. Вот такие дела.

– По моему мнению, в армии должен существовать порядок. Но, как видно, бывают исключения.

– Исключения... – Брагин саркастически улыбнулся, – это случается сплошь, но начальство, не желая выметать сор из избы, замалчивает такие дела и не дает им ход. Да что там какая-то воинская часть, в которой служил наш знакомый, если высший генералитет армии совершает необдуманные ошибки.

– Например? – удивленно спросила Екатерина.

– Советские войска, произвольно направленные на выполнение, якобы, интернационального долга.

– Сергей, я уже сказала вам, что мы мало знакомы, и вы не обязаны говорить мне такие вещи.

– Александр описал вас совершенно другим человеком, которому можно доверять.

– Допускаю, что у вас с моим сыном какие-то общие интересы, но не стоит при первой встрече говорить о своих внутренних взглядах. Давайте отложим этот разговор на неопределенное время и перейдем к главному. Вы надолго хотите отправить своего друга в тайгу?

– Как сложатся обстоятельства, но, думаю ненадолго.

– Знаете Сергей, пожалуй, повторюсь, я всегда верила своему сыну, он никогда мне не лгал, я не стану больше спрашивать, что за человек, ваш друг. Я возьмусь помочь, но, есть одна трудность.

– Давайте попробуем решить ее вместе.

– Я не могу просто так оставить работу, ведь заменить меня некем. Чтобы добраться до Михеевки, необходимо потратить день, а затем ждать возвращения теплохода из Томска. Это займет еще одни сутки. Начальство не отпустит меня на два дня.

– Есть какой-нибудь выход из этой ситуации?

– Во время летней навигации только по воде удобнее добираться до Михеевки. По суше в ту сторону нужно ехать на автобусе в окружную. Ах, да, вспомнила, случилось, когда нужно было срочно вернуться в Новосибирск и нас переправляли в лодке на другой берег. Наш дальний родственник Кузмич, работая бакенщиком, иногда подавал сигналы капитану судна, проходящему мимо. Он просил его причалить к берегу. Конечно, это стоило денег, но капитан, какого-нибудь судна, непременно помогал старому бакенщику.

– Вы не знаете, когда отплывает очередной теплоход в Томск?

– Узнать не сложно, я позвоню сейчас в справочную речного вокзала и спрошу.

– Было бы замечательно.

Екатерина отыскала в справочнике необходимый номер и позвонила.

– Здравствуйте, я могу узнать, когда состоится ближайший рейс на теплоходе в город Томск. Сегодня, в двадцать один сорок пять! Спасибо вам большое. Вы мне очень помогли.

– Екатерина, вы могли бы прямо сегодня отплыть?

– Если начальство отпустит меня на один день, то можно и сегодня.

Брагин достал из кармана деньги и, отчитав сотню рублей, протянул Воробьевой.

– Этого хватит?

– Ой, да что вы, здесь очень много.

– Екатерина, берите-берите, оставшуюся сумму, потратьте на себя.
– Хорошо, попробую отпроситься, начальник у нас хороший, отзывчивый, должен отпустить.

Воробьева как-то особенно взглянула на Брагина и спросила:

– Сергей, я правильно догадалась, вы часто видите моего сына?
– Не так часто, но вижу, – улыбнулся Брагин.
– Ответьте, только не обманывайте меня, Саша угодил еще в какую-нибудь неприятность?

– Екатерина, с чего вы взяли? Мы действительно хотим помочь своему другу.
– Разве офицер, Сашин друг или они просто знакомы?
– Не ловите меня на словах. Да, они хорошо знают друг друга, потому Александр взялся ему помочь. От себя скажу откровенно, Александр – замечательный парень и не сочтите мои слова пафосными, но вы можете им гордиться.

– Спасибо. Мне не раз приходилось слышать слова благодарности в адрес сына, но если честно, то не могу связать его прежнюю жизнь с настоящей. Ведь его втянули в страшный бунт. Сам он не мог пойти на это. Он всегда был такой доверчивый. Раз вы Сашин знакомый, то наверняка слышали о том страшном бунте в лагере.

– Да, Екатерина, я не понаслышке знаю о тех событиях. Понимаете, какая история приключилась, ваш сын спас моего родного брата от смерти.

– А кто ваш брат? – удивилась Екатерина.

– Он работал в колонии, где находился Александр, и определенные заключенные во время бунта держали моего брата в заложниках...

– Какой ужас! Кажется, я припоминаю, на суде как раз об этом говорили. Ну, да, конечно! Я вспомнила, Саша оказывал помощь какому-то офицеру...

– Этот офицер и был моим родным братом.

– Сергей, если бы вы только знали, как мне приятно слышать от вас хорошие слова о Саше. Я ведь действительно помню того офицера, он выступал в суде, как потерпевший. Адвокат пояснила мне, что показания вашего брата повлияли на решение судьи в вынесении смягчающего приговора моему сыну.

Сергею на миг показалось, что глаза Екатерины заблестели, наверное, от переполнивших ее душу чувств.

– Да, Екатерина, я это помню. Я ведь тоже был на заседании суда, правда, только один день, когда мой брат давал показания. И там я видел вас.

Сергей был искренен, он действительно вспомнил эту женщину, особенно ее глаза, наполненные слезами. В тот день его поразила красота этой женщины, она сидела рядом с мужчиной и время от времени склоняла свою голову ему на плечо. Конечно, тогда он не знал, кто была эта женщина. А теперь, когда Сергей взглянул в ее лучистые глаза, наполненные светом и радостью, то удивился редкому совпадению – вот как оказалось, что Екатерина была мамой Александра.

– А я, к сожалению, не могу вас вспомнить, в зале было много людей и тем более, я была в таком состоянии... – Екатерина внезапно смолкла и тяжело вздохнула, дав понять Сергею, как нелегко вспоминать ей о тревожных событиях полугодовой давности.

Сергей участливо кивнул и слегка прикоснулся к ее руке.

– Екатерина, прошу вас еще раз, это письмо ни в коем случае не должно попасть в чужие руки. И не говорите никому о своей командировке. Если кто-то поинтересуется, солгите для пользы дела, скажите, что поехали провести больного отца. Хорошо?

– Неужели все настолько опасно, что приходится соблюдать строгую конспирацию?

– Доля риска есть и немалая.

– Хорошо, Сергей, можете на меня рассчитывать, я не подведу вас и сделаю все, как просите. Хотя мне неудобно, потому что приходится говорить неправду. Я уже один раз солгала своему папе, что Саша служит в армии. Я не хочу его расстраивать, он будет очень переживать, если узнает настоящую правду о внуке. А когда вы хотите отправить своего друга в Михеевку?

– Вернетесь, мы непременно обсудим этот момент. И еще, Екатерина, я постараюсь перед отправкой Саши в колонию устроить вам личное свидание, минут на тридцать, так что у вас появится возможность обнять сына.

– Правда! – радостно воскликнула Екатерина, и вдруг, моментально погрузилась, – боже мой, десять лет... Мне так трудно с этим смириться.

На глазах у нее выступили слезы. Сергея изумил подобный контраст: только что она улыбалась и вдруг, такая печаль.

– Екатерина, вы сильно не переживайте. Я хочу вас немного обрадовать. В ближайшее время я оказываю учебу в институте и получу хорошую специальность – адвоката. Через год мы вместе с вами подадим апелляцию в вышестоящий суд и будем бороться за Александра, пока ему не снизят срок, а может быть и помилуют.

– Сергей, не нужно меня успокаивать. Сашин адвокат мне откровенно сказала, из-за тяжелой статьи, у него нет шансов на досрочное освобождение.

– Неправда, адвокат – юрист, и она не может знать некоторых нюансов, как в нашей системе нередко решаются те или иные вопросы.

– Так, где же вы все-таки работаете? В государственной исправительной системе или правоохранительных органах?

– Вы скоро об этом узнаете. До свидания Екатерина, мне пора идти. Очень рад был с вами познакомиться.

– И я тоже, Сергей.

Брагин надел на голову форменную фуражку и, поправив ее, сказал на прощание:

– А знаете Катя, когда Саша рассказывал о вас... Я представил вас именно такой...

– Какой? – удивилась Екатерина.

– Умной и красивой, а главное, я не ошибся, вы очень любите своего сына.

Сказал Брагин эти слова искренне и без всяких оттенков лести. Открыв дверь, он вышел из библиотеки.

Около шести вечера, встретив с работы Александра Петровича, Екатерина предупредила, что уезжает на один день проведать отца, а так как ее новый муж не может отпроситься с работы в обычный день, она поедет одна. Екатерина не стала выдумывать про болезнь своего отца.

После суда над сыном, она перешла жить на квартиру к Александру – бывшему тренеру Саши. Этот мужчина был ей очень дорог и к тому же он самозабвенно любил ее. Потому не спеша, но уверенно, открывала ему свое сердце. Екатерина подала на развод и Николая почти не видела, правда одно время ходила проведывать, когда он болел.

Александр Петрович из деликатности старался не задавать лишних вопросов, ему было достаточно, что любимая женщина посвящает его в свои дела. Он даже вызвался проводить ее до пристани. Екатерина, убедившись лишним раз в тактичности Александра, благодарно взглянула ему в глаза и, ласково прильнув к плечу, тихо произнесла:

– Я так рада, что мы вместе. Мне очень спокойно с тобой, ты даже не представляешь, какой ты хороший.

– Я догадываюсь, любовь моя. Твои глаза говорят о многом. Загляну в них, и мне все становится ясно.

– И что ты сейчас видишь? – спросила она лукаво.

– Боюсь ошибиться, но мне кажется, ты поглядываешь на ту спальню, – он скосил глаза на приоткрытую дверь и, бережно подхватив Екатерину на сильные руки, понес в комнату.

Теплым вечером, когда уже начало смеркаться, они пешком прошли от Главного вокзала до Чернышевской пристани. Екатерина была одета в легкое, ситцевое платье, голубого цвета, и наброшенной на плечи тонкой кофточке. Александр нес в руке сумку, плотно набитую гостинцами для отца Екатерины и ее двоюродной сестры Натальи. Они вступили на дощатый настил, под которым плескалась вода, подгоняя к берегу желтоватого цвета пену вперемешку с мусором. Купили в кассе билет до Томска, и подошли к пришвартованному, пассажирскому двухпалубному теплоходу.

Александр поцеловал на прощание свою любимую и заверил, что завтра не заснет, пока не дожидается ее приезда. Екатерина не могла указать точное время своего возвращения, так как не знала, на чем будет добираться до города. Теплоход пронзительно посигналил несколько раз и, отчалив, пошел вниз по течению, оставляя на причале одинокую фигурку мужчины, ждущего, когда судно скроется в надвигающейся мгле.

Екатерина заняла место в носовом отсеке трюма. За иллюминаторами мелькала вода, поблескивая в свете еще непогасшего неба. Место ей досталось на отполированной скамье рядом с мальчиком-подростком, прижимавшим к своей груди маленького, спящего щенка.

– Далеко путь держите, молодой человек?

– В Кожевниково, к бабушке отправили погостить.

– И щенка оставить не на кого.

– Я сам его с собой взял. Месяц назад купил у соседа. Видите – это чистокровная овчарка, – похвастался мальчик.

Екатерина улыбнулась в ответ и, устроившись поудобнее, закрыла глаза и не заметила, как провалилась в сон. Пробудилась она от поскуливания. Мальчик спал, а щенок пытался вырваться из его объятий. Подросток проснулся и, насупившись, подхватил щенка на руки и направился вверх по лестнице на палубу. Екатерина догадалась, что щенку приспичило и ей вдруг стало любопытно, как мальчик выйдет из положения. Она поднялась со скамьи и последовала за мальчиком на палубу. Так и есть, щенок, задрав высоко хвост, пристроился у бортовых перил. На несчастье хозяина, щенок овчарки жидко «сходил по большому». Мальчик несколько секунд размышлял, что делать и, достав из кармана пиджака расческу, стал соскребать за борт щенячье «произведение». При этом его два раза стошнило. Екатерина заулыбалась и, вернувшись в трюм, достала из сумки старый платок. Разорвав его на две половинки, пошла наверх. Навстречу ей шел мальчик, неся щенка на руках.

– На вот, возьми тряпку, вытри за щенком, а то заругают.

Увидев на лице женщины улыбку, подросток благодарно кивнул и вернулся к месту выгуливания щенка.

Всю ночь Екатерина продремала и только под утро крепко заснула. В девять часов она пробудилась от громкого объявления в мегафон, вахтенный дежурный предупреждал, что теплоход подходит к деревне Михеевка.

В безоблачном небе уже светило яркое солнце, предвещая, что день будет ясным и погожим. Махнув на прощание своему попутчику рукой, Екатерина сошла по трапу на берег.

Поздоровавшись с жителями деревни, поднимающимися на борт теплохода, она перекинулась с ними несколькими приветливыми фразами. Затем поднялась по небольшому уклону и, пройдя до конца улицы, остановилась рядом с отчим домом. На данный момент дом пустовал, но время от времени в нем проживала двоюродная сестра Наталья. Не заходя во двор, Екатерина увидела палку, подпиравшую входную дверь. Все поняла, дом был на «замке», значит, Наташа куда-то ушла. Ну что ж, нужно идти через бор к отцу на заимку. Только отошла от забора, как из соседского двора послышался старческий голос:

– Катюша, солнышко, это ты?

– Я баб Нюр, здравствуйте.

– Здравствуй дорогая. Отца приехала навестить?

– Да, вырвалась буквально на денек. Баб Ньюра, а вы Наташу не видели?

– Так она в Топильники с утра собиралась, наверно еще не приехала. Катюш, ты к отцу-то поспеши, больно он прихворнул.

– Что с ним? – затревожилась Екатерина.

– Я не знаю, это мне Наталка сказала.

«Ну вот, как будто мы с Сергеем в воду смотрели, и выдумывать не придется. Что же с папой случилось?» Екатерина прибавила ходу, чтобы скорее добраться до отцовской заимки.

На окраине деревни приостановилась у большой протоки и вспомнила, как в детстве перебиралась по самодельной переправе – по спаренным бревнам, скрепленным друг с другом и протянувшимся от берега до берега. Тогда она ползла на коленках по склизким бревнам, боясь упасть в воду.

Поднявшись на косогор, глянула на поле заросшее травой и вспомнила, как в детстве гоняли скотину по утрам на пастбище. Вот тогда они с сестренкой Наташей решили прокатиться на лесине, привязанной веревкой к коровьей шее. Екатерина заулыбалась, вспомнив, как потом долго отстирывала платице, замаранное коровьими отходами. Многие из детства и юности проскочило в памяти, пока она шла по таежной тропе, ведущей к лесной сторожке. Мысли о болезни отца, постоянно крутились в голове.

Около часа она добиралась до места и, как только среди могучих елей замелькал дом, послышался собачий лай. Корт, еще издали учуяв знакомый запах, с веселым, звонким лаем неся ей навстречу. Подбежав, с безудержной радостью скакал на задних лапах, все стараясь лизнуть ее в лицо.

Встречать Екатерину, во двор никто не вышел. В тревоге она поднялась на крылечко и приостановилась. Из открытой двери раздался родной голос:

– Кто там пришел? Заходите, заходите, не стойте на крыльце.

Екатерина рванулась в дом и увидела сидевшего на кровати отца, а рядом стояли два костыля, прислоненных к стене.

Она бросилась к отцу со словами:

– Папа, папа, здравствуй мой родной! Что с тобой случилось, с ногами что-нибудь?!

Михаил попытался встать, но дочь, остановив его движением руки, крепко обняла.

– Катюша, доченька, ты как здесь очутилась? Когда ты приехала? – и, слегка отстранив ее, поздоровался:

– Здравствуй моя родная.

– Папа, ты не ответил, что у тебя с ногами?

– Наверно остудил шибко, поясницу вот прихватило, правая нога отнялась.

Екатерина нахмурилась и с тревогой в голосе тихо спросила:

– Парализовало?

– Да, нет, что ты дочка, бог с тобой. Я же шевелю ею, какой тут паралич. Наташка вот костыли принесла, а зачем они мне? Я ведь не калека, потихоньку отпустит.

– Напугал ты меня... А где Наташа? Ее в доме не было.

– Скоро подойдет. Ты надолго? Одна, без мужа?

– Пап, меня всего на день отпустили, одна проводить тебя приехала, да письмо от Саши привезла.

– От внучка? – обрадовался Михаил, – давно я от него не получал писем. Ну как вы там живете?

– Хорошо пап. Живем вместе с Александром Петровичем на его квартире. Мы скоро с ним распишемся.

– Вот и молодец! Решилась все-таки уйти от Николая?

Дочь, молча кивнула. На данный момент ее больше волновало другое обстоятельство: письмо Саши к деду она не читала, а вдруг внук написал, что сейчас отбывает срок. «Нет,

не должен, он ведь на свидании говорил, что написал деду, чтобы не расстраивать, будто служит в армии».

Екатерина достала из бокового кармашка сумки письмо и протянула отцу. Михаил, не одевая очков, прочел про себя письмо.

– Саша тут пишет, что друг у него попал в беду. А тебе он не говорил, что за несчастье приключилась с другом?

– Коротенько обсказал, будто командир части хочет посадить его в тюрьму. Необходимо, чтобы какое-то время прошло, иначе человеку срок грозит.

– Срок, говоришь, грозит, – мрачно повторил Михаил, – а родители у друга есть?

– Папа, да не знаю я. Мне Саша ничего о его личной жизни не рассказывал, просто просил ему помочь.

– Дочка, а ты сама-то, что думаешь?

– Я верю сыну, потому и прошу тебя: человеку нужно помочь, пусть он немного поживет у тебя.

– Катюша, да нешто мне жалко, пусть поживет. Вот только сдается мне, что дело там куда серьезнее, чем об этом говорит Саша. Ну, да ладно, не зная, что об этом судить. Я внуку всегда рад, и друзьям его, выходит, тоже. Саша тут еще добавляет, чтобы я его втайне от людей на заимку привел. Глядишь к тому времени я сам его встречу, а если не поправлюсь, Наталку попрошу, чтобы проводила. Чудак наш Санька, разве чужака в нашей деревне укроешь от кого-нибудь...

– Так ты его на заимке спрячь.

– А как его днем проведешь? Ладно, скажу Наталке, пусть слушок пустит, что скоро мой племянник в гости приедет.

Екатерина благодарно кивнула. По просьбе отца, натерла ему спину какой-то пахучей мазью, и заботливо укрыв его собачьей шкурой, принялась хлопотать по дому. Приготовила на обед суп, помыла полы и только присела, как во дворе раздался звонкий лай Корта.

– Наталка идет, – догадался Михаил, – не спутаешь, он только своих так ласково встречает.

В дом вошла молодая женщина приятной полноты. Увидев сестру, поставила на пол сумки и бросилась к ней на шею.

– Сестренка ты моя любимая. Бог ты мой, неожиданно-негаданно. Утренним теплоходом приплыла?

Екатерина приветливо поздоровалась и, трижды расцеловав сестру в обе щеки, пригласила присесть.

– Я в Топильники с дядей Ефимом на лошади ездила. Представляешь, мне на почте работу предложили. Я так обрадовалась. На следующей неделе приступаю. Вернулась в Михеевку, а мне баба Нюра говорит, Катюша к отцу приехала, только что ушла. Я даже в дом не стала заходить, и сразу же сюда. Дед-то наш, смотри, как расхворался. Тут с лесничества уже приезжали, понадобился он им шибко.

– Скоро поднимусь. Подождут, человеку отлежаться нужно, а то привыкли, что я без выходных да отпусков обхожусь. Вот возьму, брошу все и уйду на пенсию...

– Дядь Миш, ты же и так на пенсии. Куда ты без своей тайги и зверят денешься, ведь от скуки помрешь.

– Верно, говоришь Наталка, сидя дома, до ста лет не дотяну. Давайте-ка девоньки на стол накрывать, и я к вам потихоньку на костылях присоединюсь.

За душевным разговором, за приятными воспоминаниями, быстро прошло время. Екатерина глянула на настенные ходики и заволновалась, пора собираться в обратный путь. Попрощавшись с отцом, обняла и поцеловала его. Посоветовала беречь себя и пообещала, что скоро

с Сашей приедут в гости. Сама украдкой вздохнула и подумала грустно: «Скоро – это десять лет».

Когда Екатерина поравнялась с порогом, Михаил окликнул:

– Катюша, твой-то новый, тебя не обижает?

– Да что ты, пап, у нас все хорошо, – успокоила она отца.

– Ну и ладно, доченька, идите, – на прощанье он махнул сестрам рукой.

Наталья проводила сестру до избы Ефима, на их счастье, родственник оказался дома. Поздоровавшись, Екатерина попросила помощи, чтобы дядя Ефим переправил ее в лодке на другой берег. Сестры, прощаясь, нежно обнялись, а Наталья даже немного всплакнула.

Ефим, пройдя на моторке по протоке, обогнул остров и подвез Екатерину к самому дому бакенщика. Увидев родственников, Кузмич приветливо помахал рукой и, приняв лодку, вытянул ее на песчаный берег. Два часа они ждали, когда какое-нибудь судно пойдет вверх по течению в сторону Новосибирска. Наконец, за излучиной реки, показался порожний буксир, обычно толкающий впереди себя баржу. Заметив, что бакенщик подает сигналы, капитан буксира сбавил ход и на малых оборотах подошел ближе к берегу. Кузмич усадил Екатерину в лодку, и они подплыли к борту буксира. После коротких «переговоров», капитан принял женщину на борт и счастливая Екатерина, махнув рукой на прощание Кузмичу, направилась за матросом в каюту.

Не спалось. Вспомнила разговор с отцом и настроение испортилось. Екатерина не любила лгать и сына своего всегда поучала, чтобы говорил правду. Она прекрасно понимала, если один раз солгать, то все покатится, как снежный ком, обрастая новой ложью. Но как она могла признаться отцу, что Саше присудили десять лет? Ладно, первый срок, сын бы мог раньше выйти, а сейчас... Отец учил ее всегда говорить правду, даже мама в детстве ее уговаривала, что-то утаить, но Екатерина не могла поступиться совестью, потому росла смелой, решительной и гордилась этим. Но Сашина история заставила ее сказать неправду отцу, и она была благодарна Богу, что он не стал допытываться о внуке. Вряд ли она смогла бы обманывать его дальше.

Только к утру вернулась Екатерина на квартиру к Александру. Тот встретил ее на пороге заспанный и, приветливо улыбаясь, поцеловал в губы. Он ожидал ее приезда ночью, борясь изо всех сил со сном. Что только он не делал: и ополаскивал холодной водой лицо, и пил крепкий чай, и ходил по комнате, но после полуночи, сон все-таки его сморил.

В назначенную пятницу снова планировалась коллективная «помойка» в сауне, так Брагин за глаза называл сбор оперативников из КГБ. Девушки в камере уже обвыклись друг к дружке и, освоившись со своим ролями, в какой-то мере наслаждались новым положением. Сергей не менял сплоченную общими интересами группу жриц любви. Во избежание утечки информации, осужденные девушки, держали языки за зубами. Практически всех устраивала такая форма отбывания наказания. Это не толчея, когда приходится соблюдать лагерный режим, где положено ходить только строем из барака на работу и наоборот. Главное, девушки уже привыкли к пятничным прогулкам в сауну.

Не менялся и состав комитетчиков: пять человек, бессменная команда оперативников из управления. Самым мерзким и нахальным из компании, по мнению Брагина, оказался капитан Брылов. С виду он представлял собой накаченного мышцами бугая, его маленькие с прищуром глаза, глубоко посаженные в глазницах, так и рыскали вокруг, как бы пытаясь изучить ситуацию. Тоненькие усики на верхней губе придавали ему схожесть с персонажем, таким штабс-капитаном из фильма о белогвардейской контрразведке.

Сегодня смена Брагина. Как обычно, он заступил на дежурство и до обеда сидел за пультом, отвечая на все звонки. Так совпало, что в эту пятницу помощником у него оказался капитан Ермолов. В семь часов вечера к воротам СИЗО приблизилась черная «Волга» с номером 00—05 и водитель два раза просигналил. Вышел вахтенный дежурный и, проверив удостоверения

пятерых мужчин в военной форме, зашел на КПП. Он доложил по телефону Брагину, и после того, как Сергей получил разрешение у начальника изолятора, «Волгу» запустили во внутренний двор, за рулем которой сидел капитан Брылов. Встречать и сопровождать команду оперативников до определенного места, Брагин поручил Ермолову. Он завел их в просторный кабинет и попросил подождать. Все дальнейшие действия проводил капитан Брагин. Он провел офицеров в сауну, затем привел девушек в комнату отдыха и направился к полковнику Шилову, с нетерпением ожидавшего капитана в служебном кабинете. Ведь сегодня пятница – день зарплаты.

– А-а, Сергей, проходи, садись. Ну, как парни с управления, в боевом настроении? – улыбаясь, спросил полковник.

– А что им грустить, стол накрыт, девочки поданы, все по высшему разряду. Алексей Дмитриевич, там капитан Брылов из команды оперов, просил напомнить вам о своей просьбе, к нему родственники в девять ноль-ноль приезжают, ему необходимо встретить их на вокзале.

– Да-да, помню. Передай Ермолову, пусть ко мне зайдет, я поручу ему, чтобы выпустил Брылова, ты только все проконтролируй. А сейчас иди на дежурство и занимайся своими делами.

В этот момент раздался звонок внутреннего телефона. Шилов поднял трубку, звонили из сауны.

– Дмитрич, – послышался голос Михаила Брылова, – помнишь, что ты мне обещал в прошлый раз?

Шилов зажал трубку рукой и, кивнув Брагину, чтобы задержался, недовольно выразился вслух:

– Помяни черта... – и снова переключился на Брылова, – проводить тебя вечером до машины, так я помню.

– Не-е-ет! Ты мне другое обещал.

– Хм, – задумчиво произнес полковник, – напомни, а то я совсем закрутился с этой работой.

– Ты обещал мне встречу с глазу на глаз с одним из твоих «подопечных». Ну, как, вспомнил?

– Ах, да, конечно, с Ирошенко. Миша, постарайся провести с ним беседу аккуратно, не испорти ему физиономию. Хорошо? Да что я тебя учу, сам знаешь, как проводить подобные беседы.

– Дмитрич, все будет окей.

– Ага, давай. Чуть позже Ирошенко приведут в комнату для допросов. Тебя проводят, не беспокойся.

Сергей насторожился. Он знал, что сегодня капитан Брылов планировал «побеседовать» с Сергеем Ирошенко. Что это будет за разговор, Брагин догадывался. Гебисту показалось, что заключенный слишком вызывающе вел себя в прошлую встречу. Капитан возненавидел Ирошенко и хотел укротить его за строптивость. Хвастался при офицерах, что снимет стружку с этого наглого бунтовщика.

– Сергей, накажи Ермолову, пусть выведет в восемь вечера из блока «В» осужденного Ирошенко и отведет в «нолевую» комнату для допросов. После этого Ермолов проводит Брылова до машины, ему нужно родственников встретить на вокзале. И чтобы Ирошенко вели под усиленным конвоем, мне неприятностей не нужно.

– Хорошо Алексей Дмитриевич, все исполню.

Сергей посмотрел на Шилова. Тот сощурил глаза и, забавно вытянул губы трубочкой, по всей вероятности, ожидая от Брагина еще чего-то.

– Ах, да, чуть не забыл, – Сергей достал из своей папки заветный конвертик, который тут же перекинул из его руки на дно ящика письменного стола Шилова. Брагин с ухмылочкой козырнул и пошел к месту дежурства.

В двадцать ноль-ноль на пульте управления загорелась контрольная лампочка, и прозвучал телефонный звонок.

– Сергей, я уже проводил капитана в «комнату смеха», – докладывал Ермолов, – он тут «датенький», и еще с бутылкой водки приперся. Ну что, выводить Ирощенко?

– Да, вывод. Возьми с собой двух контролеров и без наручников его не сопровождай. Смотри Ермолов, если что, головой ответишь перед Шиловым.

– Да что ты, Серега, впервой что ли, все будет нормалек, – успокоил он Брагина.

Ирощенко вывели из блока смертников и доставили в комнату для допросов, обитую изнутри поролоном и дерматином. Двери закрыли, и с другой стороны пост принял один из контролеров. Комната была настолько глухая, даже сквозь обитую дверь голоса не прослушивались. Прошло ровно полчаса. Контролер услышал сигнал звонка и увидел свет вспыхнувшей над дверью лампочки – капитан Брылов предупредил, что посещение закончено.

Капитан Ермолов в присутствии двух контролеров открыл дверь кабинета, и его взору открылась следующая картина: за столом сидел чекист-Брылов, натянув фуражку глубоко на лоб. Перед ним на столе, на боку лежала пустая бутылка из-под водки. Осужденный Ирощенко лежал на полу, скорчившись от боли, похоже он потерял сознание. Руки заключенного были скованы за спиной наручниками. На полу и стенах виднелись пятна крови. Лицо бывшего мятежника было разбито до неузнаваемости. Капитан Брылов встал и, пошатываясь, хриплым голосом произнес:

– Капитан, я тут немного перебрал, – чекист указал на пустую бутылку, – и не рассчитал своих сил – эту мразь воспитывал. Миль -пардон, за причиненные неудобства. Дмитрич тебя предупредил, чтоб ты меня до машины проводил? – Ермолов в ответ, молча, кивнул. Опьяневший капитан возмущенно произнес, – встречу родственников на вокзале и назад приеду. Будь они неладны, как не вовремя приехали.

Ермолов ничего не сказал, а выйдя из комнаты, позвонил ДПНСИ Брагину и объяснил ситуацию. Сергей выслушал капитана и отдал распоряжение:

– Так, быстро вывод и пусть он уматывает за своими родственниками. Контролерам накажи, чтобы перенесли Ирощенко в блок и поместили в медкабинете. Я через полчаса спущусь в подвал и проверю.

Получив указания, Ермолов подвел к «Волге» изрядно подвыпившего Брылова и спросил:

– Товарищ капитан, как вы в таком виде сядете за руль?

Брылов, обтерев усы в обе стороны тыльной стороной ладони, слегка заплетающимся языком, ответил:

– Мне до полного прояснения нужно принять на грудь еще литр, вот тогда я могу преподать высочайший класс вождения, – и громко захохотав, повернул ключ зажигания.

Охрана выпустила машину из главных ворот. Водитель медленно и уверенно направил ее вдоль административного здания к главной дороге.

Прошло ровно тридцать минут, после того, как пьяного Брылова выпустили из ворот тюрьмы. Только Брагин собрался посетить блок «В», как зазвонил телефон. Сергей поднял трубку: докладывал дежурный контролер из блока:

– Товарищ капитан, осужденный Ирощенко буйствует, бьет ногами по решетке, материт всех. Кажется, он пьян.

– Пьян?! Чувь какая-то. А куда вы его поместили?

– В третью камеру, где ему надлежит быть.

– Я же просил Ермолова, чтобы Ирощенко в медкабинете положили на кушетку. Мать вашу за ногу, – выругался Брагин, – ничего толком сделать не можете. Что там осужденный еще вытворяет?

– Кричит, не умолкая. Как-то нелепо высказывается... То возомнил себя капитаном КГБ, то обещает всем головы оторвать, то рычит как зверь. Требуется срочно позвать к нему начальника СИЗО.

– Ладно- ладно, сейчас доложу Шилову, и мы решим, что с ним делать, если будет дальше буянить и хамить, поместите его в карцер, там быстро успокоится.

Сергей не стал звонить полковнику Шилову, а сам направился к нему в кабинет.

– Ну, все нормально? – спросил начальник изолятора, – Миша уже уехал?

– Да, Ермолов его проводил, а Ирощенко мы отправили назад в камеру. Правда... – Сергей умолк и состроил потешную гримасу.

– Что еще?

– Брылов избил его и довольно сильно. Пришлось в комнате для допросов мыть полы и стены, все кровью забрызгано.

– Вот дуралей, я же просил его, по лицу не бить.

– Похоже, капитан напоил его, перед тем как избить, контролеры говорят, что от Ирощенко разит спиртным за версту, и еще: из блока доложили, что Ирощенко буянит и ругается сильно. Будто возомнил он себя капитаном КГБ и обещал всем головы открутить.

– Ну, Миша, ну артист, накачал же его, – засмеялся Шилов.

Внезапно зазвонил телефон, из блока «В» срочно докладывали:

– Товарищ полковник, вам необходимо срочно прийти в блок, здесь такое творится...

– Что стряслось?

– Товарищ полковник, мне кажется это не заключенный Ирощенко, а кто-то другой...

– Что?! Прапорщик, ты в своем уме? Что ты мелешь, ты случаем не напился?

– Товарищ полковник, приходите скорее, иначе он выломает двери карцера.

– Вы что, его в карцер посадили? – обратился Шилов к Брагину.

– Алексей Дмитриевич, я им сказал, если заключенный будет сильно буянить, чтобы закрыли его в карцер.

– Ладно, пошли разбираться, ничего вам нельзя доверить, постоянно приходится проверять за вами.

– Товарищ полковник, я действовал строго по инструкции и вашему указанию, никаких излишеств в своих действиях я не допускал.

– Я не тебя виню, а разгильдяйство некоторых, не могут все нормально сделать. Обязательно было его избивать?

Дежурный контролер открыл дверь блока «В» и запустил начальство. В глубине коридора, где находился карцер, раздавались крики и сильные удары по внутренней решетке. Дверь открыли, решетку пока не трогали. Все присутствовавшие ужаснулись от увиденной картины: к дверной решетке подскочил разъяренный человек, все лицо и тюремная роба были перепачканы кровью. Под левым глазом «красовался» большой кровоподтек, правый глаз совершенно заплаыл, нос был свернут на бок.

– Дмитрич, вы, что здесь совсем охренели?! – заругался заключенный, – какую проверку вы решили мне тут устроить? Да вы у меня все полетите к черту с насиженных мест. Я на вас в управу рапорт накатаю! Что смотрите? Это я – капитан КГБ Брылов Михаил Юрьевич. Что, не узнали? Гады ползучие...

У Шилова с лица сошла кровь. Он стоял онемевший, не в состоянии вымолвить слово. Постепенно его сознание возвращалось в нормальное состояние.

– Миша?! – удивился Шилов.

– Конечно я! Алексей Дмитриевич, прикажи своим открыть эту чертову решетку, да поживей!

Еще несколько секунд полковник что-то переваривал в своей голове, но потом дико закричал:

– Где Ирощенко? Где капитан Ермолов? Быстро их мне сюда, обоих.

Брагин стоял в стороне и ожидал, когда шквал обвинений обрушится на его голову, но полковник, взглянув на него, с мольбой в голосе, произнес:

– Сережа, милый, быстро разберись мне тут во всем, я ничего не соображаю. – Затем взвизгнул от нетерпения и выпалил со злостью – Давай-давай быстрее, не стой как истукан, делай же что-нибудь! Через пятнадцать минут, чтобы со всей командой были у меня в кабинете с полным отчетом.

Начальник изолятора направился срочно в сауну. Ничего не объясняя, девушек быстро увели в камеру. Шилов рассказал четверым, слегка охмелевшим офицерам о чрезвычайном происшествии. Не поверив, думая, что полковник их разыгрывает, они рассмеялись. Но выслушав до конца перепуганного насмерть Шилова, майор Шаронов поднялся и быстро заходил по комнате.

– Где сейчас Миша?

– Отвели в медчасть и приводят лицо в порядок.

– Дмитрич, звони, пусть срочно ведут его в твой кабинет, без Брылова мы не разберемся.

Через несколько минут все собрались в кабинете у начальника СИЗО, куда и привели капитана Брылова. Лицо его было перебинтовано, а ссадины заклеены лейкопластырем.

– Так, Михаил, рассказывай все по порядку, и подробно, не упуская никаких деталей, – потребовал майор Шаронов.

– Завели ко мне в комнату этого заключенного.

– Я сказал с самого начала, – строго приказал Шаронов, – кто тебя привел в кабинет, что случилось, и кто уводил преступника Ирощенко?

– Меня привел капитан, фамилию его забыл. Да вот же он, – Брылов указал на Ермолова. – Я отпустил контролеров, и начал с Ирощенко беседу...

– Ирощенко был в наручниках? – перебил вопросом Брагин.

– Конечно, руки у него были скованы за спиной. Стал бы я связываться с этим бугаем, я что, разве не знаю, что он в армейской...

– Меня это не интересует, продолжай дальше, – одернул его Шаронов.

– Сначала разговор проходил спокойно, затем он повысил на меня голос. Я хотел его немного «успокоить», но вдруг его руки оказались свободными. Наручники почему-то болтались на его левой руке. Он мгновенно подскочил ко мне и, схватив обеими руками за шею, нанес удар головой мне в нос. Перед глазами у меня все поплыло... Потом он бил меня по лицу, боли я уже не чувствовал. Я свалился на пол и потерял сознание. Очнулся, чувствую, как этот гад что-то заливает мне в рот. Это оказалась водка.

– Которую, ты притащил с собой, – язвительно заметил Брагин.

Брылов понуро качнул головой.

– Рассказывай, что было дальше, – торопил Шаронов.

– А что дальше? Дальше – тьма. Ничего не помню. Очнулся в камере, куда меня видимо принесли, перепутав с Ирощенко, ведь он же сволочь этакая передел меня в свою тюремную робу.

– А где твои усы? – поинтересовался Брагин, – по-моему, ты приехал в изолятор с усами.

– А, правда, что стало с твоими усами: – спросил сослуживец Брылова, старший лейтенант Лацис.

– Не знаю...

– Зато я знаю, – опять съязвил Брагин, – ты отдал их Ирощенко.

– Как это отдал, ты, что такое городишь?! – возмутился Брылов.

– Я так понимаю, твою форму и служебное удостоверение преступник унес с собой, – покачав осуждающе головой, сказал Шаронов. – А знаете, друзья мои, здесь и к бабке ходить не надо – это подготовленный побег, иначе это происшествие по-другому не назовешь. Факты указывают на то, что внутри СИЗО действовал сообщник преступника. Кто провожал Ирощенко до машины?

– Капитан Ермолов, – Брагин указал пальцем на офицера-оперативника.

Ермолов стоял, ни жив, ни мертв, лицо его налилось краской. Он даже не знал, что сказать, но видимо сообразив, что ему инкриминируют пособничество в преступлении, стал оправдываться:

– Я выполнял указания ДПНСИ капитана Брагина.

– Капитан Брагин, а вы что скажете? – официальным тоном спросил майор Шаронов.

– А я выполнял распоряжения начальника СИЗО, – убедительно и твердо ответил Брагин, кивая на полковника Шилова.

– Получается замкнутый круг, – подытожил майор, – Алексей Дмитриевич, что будем делать? – обратился он к Шилову.

– В первую очередь нужно прошерстить¹¹ СИЗО и все окрестности, может быть, нам удастся обнаружить какие-нибудь следы беглеца, – растерянно ответил начальник тюрьмы.

– О чем вы говорите, товарищ полковник? Неужели вы не понимаете, что нам всем грозит служебное расследование. Как мы – офицеры КГБ здесь очутились? Ну, хорошо, допустим, грелись в сауне. Отдыхали после трудовой недели в близком кругу друзей. Вы представить себе не можете, как шустро оперативно-следственная группа выведет наружу ваш «притончик».

– Мой?! – резко среагировал Шилов, чувствуя в словах майора нагловатые нотки.

– Не цепляйтесь к словам. Сея сауна, находится на территории вашей тюрьмы – проговорил с сарказмом Шаронов, – наверняка в изоляторе найдутся завистливые «глаза и уши», и в ближайшее время вся необходимая информация станет достоянием следователей. Я считаю, нужно немедленно принять меры и поднять на ноги розыскные службы ИТУ. Пока этим делом не занялись в главном управлении, может вам удастся по горячим следам выйти на след преступников. Пригласите постороннее лицо, пусть снимут первые показания со всей смены. Срочно разошлите людей на вокзалы. Сообщите в ГАИ об угнанной «Волге» и пусть они перекроют все выездные дороги из города. Подумайте только, организовать такой дерзкий и хорошо обдуманный побег и прятать преступника в городе. Нет, он будет рваться из города. Поразительно, но Ирощенко даже знал о родственниках Брылова и о ключах от «Волги», которые лежали в кармане кителя нашего капитана.

Через час управление ИТУ гудело от собравшегося начальства и прочего персонала. Понеслись звонки в правоохранительные службы города. Хотя на улице сильно стемнело, но это не помешало развернуть полномасштабные поиски бежавшего преступника. В Новосибирске ввели положение – ПОИСК!

Перекрыли все основные магистрали, ведущие из города. Главный Ж. Д. вокзал, речной, автобусный, железнодорожные станции, были взяты под строгий контроль милиции и солдат внутренних войск. Проскочить преступнику сквозь кордоны сотрудников не представляло никакой возможности. Оперативники среди ночи наведывались к своим засекреченным агентам и распространяли фотографии беглеца. Ориентировки поступили во все отделы и службы.

«Волгу» обнаружили в двух кварталах от СИЗО. Розыскная собака след не взяла, видимо преступник обработал обувь специальным раствором.

¹¹ Прошерстить – Тщательно проверить

Глава 5 Под крышей лесника

Двухпалубный теплоход «Сибиряк» шел на умеренной скорости вниз по течению в сторону Томска. Наступила ночь. Яркая луна, отражаясь в воде, скользила по волнам рядом с судном, Пассажиры спали, кто лежа, кто сидя, приютившись на деревянных, отполированных до блеска скамьях. В дальнем углу трюмового пассажирского помещения, откинувшись на спинку скамьи, сидел мужчина, лет тридцати. Он часто прищуривался, делая вид, что дремлет, а на самом деле поглядывал из-под надвинутой на лоб шляпы на входную дверь. Мужчина спрятал правую руку под пиджаком, сжимая на всякий случай рукоятку пистолета «Макаров». Этим таинственным человеком был Сергей Ирощенко. Волнение после удачного побега немного улеглось, но ощущение преследования не оставляло его в покое. Ему казалось, что власти могли передать по радиации капитану теплохода, чтобы он осмотрел судно на наличие скрывающегося преступника. Сергей сейчас готов на все, лишь бы не оказаться снова в камере под номером три. Он был уверен, что пойдет на любое преступление, даже на убийство человека, если возникнет угроза ареста. Уже шесть часов теплоход находился в пути и еще осталось пройти столько же до того момента, когда он вступит на трап и сойдет на берег. Сергей размышлял о том, что черные полосы в его жизни, вероятно, скоро закончатся и наконец-то наступят светлые времена. Но многое зависело от того, как его примут и надежно ли укроют. Что его ждет, сколько времени пройдет, прежде чем он вернется в город к братьям Брагиным и Александру Воробьеву?

В памяти снова и снова всплывали события недавнего прошлого, когда он нашел общие точки соприкосновения с Брагиным и после доверительных разговоров, они сдружились. Это Сергей дал ему шанс наслаждаться жизнью. Разве Ирощенко хотелось умирать в тридцать два года. Жить хотелось всегда. Но, когда комитетчики устроили ему настоящий прессинг и Сергей почувствовал, что жить так больше невыносимо, он сдался. Да, он сдался, но не следователям и тюремщикам, измывавшимся над ним постоянно, а своей судьбе, с которой раньше не хотел мириться. Если верить людям, то им достаются разные судьбы, которые, кстати, приводят своих «носителей» на скамью подсудимых и, перечеркивая всяческую надежду, помогают властям расписаться на их жизнях смертельными приговорами. Но иногда они становятся милостивыми и помогают людям уйти от смертельной опасности. Видимо так, случилось и с Сергеем. С той поры, как он выслушал приговор, то поплыл по течению и не пытался сопротивляться. Все, что от него требовалось, он доверил адвокату, который гонял по инстанциям прошение о помиловании. Каждый раз, когда к нему приходили из спецчасти и приносили отказ, он держал себя в руках и никогда не показывал, что ему страшно. А страшно ему было от воспоминания, когда в детстве тетушка Ганна рассказывала, как ее мужа и родного дядю Сергея, в сорок первом году, так называемые энкэвэдисты, уничтожили выстрелом в затылок. Эта сцена запечатлелась в его памяти и неоднократно переплеталась с мыслями, что ему досталась именно такая судьба.

Иногда Сергей недоумевал, как же так?! После службы в армии судьба резко изменила курс его жизни и направила к черте, за которой кончается жизнь. «За что? – сверлила голову мысль, – ведь я никого не убил, я только ранил Ефремова, и за два дня волнений, я уверен, что ни у кого не отнял жизнь. Если только бил, да отдавал распоряжения... Впрочем, какое теперь это имеет значение, суду было без разницы, убивал я или только бил. Народные заседатели тоже вынесли свой обвинительный вердикт, и судья приговорил к смерти. Меня лишили права – жить. А Сергей снова вернул мне это право, всем рисковал, но вернул».

Ирощенко раз за разом мысленно возвращался ко вчерашнему вечеру и обдумывал каждую мелочь, лишь бы в его действиях не нашлась такая, которая в дальнейшем могла навредить Сергею Брагину.

Другой отчет времени в новой жизни Ирощенко начался с того момента, когда он обменялся ролями с капитаном КГБ. Как подсказал Брагин, Сергею не хватало усиков, бакенбард и формы капитана, а в остальном, внешне, они даже во многом были схожи. Брагин подстраивал удобный случай, чтобы совместить пятничный отдых и «встречу» с Брыловым. Именно Сергей подсказал Ирощенко идею, чтобы он «технически» спровоцировал капитана на «разборку». Все самые сложные вопросы легли на плечи Брагина, особенно момент, когда Ирощенко предстояло оказаться за воротами тюрьмы. Брагин даже хотел пойти на риск, подделать документы и вывести Ирощенко, предварительно переодев его в форму служащего. Но случись прокол, а от него никто из них не был застрахован, Сергею Брагину грозил суд, если бы они вместе с Ирощенко вовремя не скрылись из города. И надо же, подвернулась такая удача! Именно в тот вечер Брылову понадобилось срочно встретить на вокзале приезжающих родственников. Сразу же отпала нужда подготавливать операцию с выводом Сергея из изолятора. Этот момент они продумывали вместе основательно.

В тот решающий вечер в двух кварталах от изолятора, Сергея Ирощенко должен был ожидать в «Жигулях» Анатолий Брагин. Машину ему одолжил на день хороший знакомый. В гражданской одежде и с утвержденным маршрутом, Ирощенко должен сесть на теплоход «Сибиряк» и добраться до Михеевки, там его встретят и отведут в укромное место. Организации и на этот раз повезло, совпал день и время отплытия теплохода. Сложись все по-другому, Ирощенко пришлось бы прятать в городе, и наверняка, длительное время, пока не прекратился напряженный розыск бежавшего. Сергей Брагин рисковал, ведь он оставался в СИЗО в качестве ДПНСИ, и должен был принять на себя первый удар оперативно-следственных мероприятий по розыску Ирощенко.

И вот, началось: Сергей стоит перед сидящим за столом Брыловым. С нагловатым выражением лица и в полной уверенности в своем превосходстве, сначала он оскорбил его, затем стал запугивать. Времени для выслушивания бредней капитана, у Сергея не осталось, шпилькой для заколки волос он открыл замок в наручнике и снял его с правой руки. Ему пришлось по ночам целую неделю тренироваться в камере, чтобы научиться быстро, открывать замок. Во время беседы Брагин тайно передал ему наручники и шпильку.

Пока гэбэшник не на шутку распялся и пил принесенную с собой водку, Сергей внезапно оказался подле него и, схватив Брылова за грудки, с силой «натянул» его нос на свой лоб. Брылов ненадолго потерял сознание, и Сергей раздел его до трусов. Затем бил по лицу до такой степени, чтобы первое время не распознали. Сергей снял с себя робу и одел на офицера, затем сковал ему руки за спиной наручниками. Приготовленной заблаговременно самодельной бритвой сбрил усы на губе офицера. Достал накладные усики, переданные ему Брагиным, и аккуратно наклеил себе на верхнюю губу. Приклеил бакенбарды и натянул фуражку себе на голову. Взял бутылку водки, принесенную капитаном, и влил ему в рот. Остатками водки прополоскал свой рот и выплюнул на Брылова. Затем еще раз ударил его с силой по носу.

Сергей нажал кнопку звонка, расположенную под столешницей и сильнее натянул на лоб фуражку. Он разыграл из себя подвыпившего, скандального капитана, и дежурный офицер, созвонившись с ДПНСИ, без всякого промедления повел его на главный двор тюрьмы, где стояла «Волга». Видимо сходство Сергея с капитаном КГБ было настолько натуральным, что Ермолов даже на йоту не усомнился, что рядом с ним идет настоящий офицер.

Искать Анатолия долго не пришлось. Припарковав машину у обочины в двух кварталах от СИЗО, он ожидал Сергея. Увидев Ирощенко, Толя обрадовался, значит, все прошло хорошо. Выскочив из машины, навстречу Сергею, поторопил с переодеванием. Скинув с себя форму капитана, Ирощенко, быстро надел рубашку, костюм, ботинки и шляпу. Обсыпали все кругом специальной смесью, чтобы собаки не взяли след. И вот они уже несутся в машине к Чернышевской пристани. По дороге перебросились несколькими фразами, из которых Анатолий понял, что все прошло строго по плану, но о Сергее, к сожалению, он ничего не знает.

В последний момент перед посадкой на теплоход, Анатолий передал ему билет, набитую одеждой и едой сумку, а так же пистолет «Макаров» и предупредил, что эта штука только для экстренного случая. Пожав крепко друг другу руки, они расстались.

За иллюминаторами расцвело. Сергей решил подняться на верхнюю палубу и подышать свежим воздухом. За бортами и кормой слышались всплески воды. Из-под винтов с шумом вырывались мощные водяные валы и, перекатываясь со страшной силой, гнали одну за другой волны в обе стороны. Теплоход шел фарватером, прижимаясь к правому берегу, сторонясь колышущихся на воде бакенов. Сергей поежился от утренней прохлады и, подняв воротник пиджака, вглядывался в берега, поросшие кустарниками. Отдаленный берег с левой стороны выглядел пологим, но зато, на правом возвышались крутые, глинистые яры, местами заросшие огромными ивами и разными деревьями. Вдоль береговой линии распростерлись смешанные леса. Сергей устремил свой взгляд за горизонт и, глубоко вздохнув, подумал: «Какая все-таки огромная страна. Вот сидел в камере, и весь мир умещался на восьми квадратных метрах, а здесь такие просторы. Вот она – долгожданная свобода!».

На палубу из трюмного отсека выбрались мужчина и женщина с громоздкой поклажей, и разместились на скамейке. Вероятно, они заранее готовились к предстоящей высадке. Сергей ни с кем не вступал в разговор, и продолжал стоять в одиночестве до тех пор, пока не объявили по рупору о подходе к Михеевке. Он подошел ближе к носовой части, где уже находились пять человек, приготовившиеся к высадке. Теплоход сбавил ход и, подставляя правый бок под течение, медленно подошел к берегу. Завибрировала палуба – это в машинном отделении зашумел двигатель, стопоря движение теплохода. Судно, зашуршав по песку, наконец, уткнулось носом в мель. Вахтенный матрос, приподняв с крыши рубки трап, развернул его на сто восемьдесят градусов и аккуратно положил на берег.

Сергей сосредоточил внимание на проходах к носовой палубе. Никого из служащих теплохода, кроме вахтенного матроса, он не заметил. Стрельнув взглядом по штурманской рубке, увидел мужчину в кителе речника, видимо он стоял у штурвала и ждал, когда можно будет отчалить от берега. Сергей дождался, пока все пассажиры не ступят на трап, натянул глубже на лоб шляпу и, взяв сумку с вещами, направился следом. Проходя мимо матроса, приветливо кивнул. Сойдя на берег, он обогнул группу людей, приготовившихся к посадке на теплоход.

К Сергею подошла молодая женщина с симпатичным лицом, слегка полноватая, но хорошо сложенная.

– Вы Сергей?

Он приветливо кивнул и тихонько поздоровался.

– Меня дядя Миша послал встретить вас, – женщина протянула руку для знакомства, – зовите меня Наташей, можно по-простому, без отчества.

– Очень приятно, Наташа.

Сергей улыбнулся и посмотрел украдкой на остановившихся рядом с ними мужчину и женщину. Наталья поздоровалась с односельчанами и, заметив, как гость смутился, поспешила его успокоить:

– Сергей, вы не волнуйтесь, здесь все свои – это наша родня, правда, далекая, но родня. Вам бояться некого, вы же племянник дяди Миши, не правда ли? – Наталья заулыбалась, – идемте на заимку, там будет поспокойнее. Вы пиджак-то снимите, а то быстро спаритесь.

Не торопясь, они пошли по дороге вдоль деревни и, достигнув пруда, поднялись на косогор. В приоткрытых калитках изредка показывались ребятишки, любопытно провожая взглядом Наталью с незнакомым молодым мужчиной. Но слухи уже пробежались по Михеевке, и людям было интересно взглянуть, как выглядит племянник деда Михаила.

Пройдя мостик через речушку, они углубились в лес, и по мере того, как продвигались дальше по тропе, Сергея завораживала местная природа. Ему никогда не приходилось бывать

в сибирской тайге, он видел ее в фильмах и читал о ней в книжках, но больше всего слышал из Сашиных рассказов. Теперь же, тайга впечатлила его своим величием. Конечно, в юности он путешествовал по Карпатам, бывал в очень красивых горных местах. Там тоже росли ели. Но в сибирской тайге, кроме елей, он увидел и другие хвойные деревья: сосны и кедры.

Всю дорогу он любовался причудливой природой, особенно изумила картина поваленных старых деревьев, поросших зеленым мхом. Солнце, пробиваясь сквозь разлапистые ели и сосны, насыщало лес разноцветными красками, превращая его в сказочное зрелище. Заметно поднялось настроение, улыбка не сходила с губ Сергея. Наталья всю дорогу говорила, задавала ему разные вопросы. Рассказывала о тайге, о дяде Мише или о том, как они росли вместе с сестрой Катей. Наталью словно подменили, она сама себе удивлялась, такая скромная в общении и вдруг разговорилась. В какой-то миг она подумала, что вероятно соскучилась по внимательному собеседнику.

Сергей учтиво слушал, не перебивая, и наблюдал за словоохотливой проводницей. Непроизвольно вздохнул глубоко и задумался: «Неужели все кончилось, и весь кошмар остался позади. Не будет ранних подъемов, грохота открываемых кормушек, звона металлической посуды. Я больше не услышу скандальной ругани надзирателей, забуду об их вечных придирах. А самое главное, я перестану ждать последнего отказа о помиловке. Господи, неужели все позади. Верится и не верится... Как там Сергей? Только бы нелегкая обошла его стороной».

Ирощенко никогда не верил в Бога, иногда прислушивался к людям, поминающим Господа, но для него это казалось чем-то нереальным, мистическим. И вдруг он сосредоточился на мысли, что его побег без вмешательства Высших сил, невозможно было совершить. Уж невероятной казалась вся операция... Но, спустившись с небес на землю, Ирощенко вернулся мыслями к Сергею: «Если есть Бог на свете, то наверняка он в первую очередь помог Брагину, а потом уж мне...»

– Сергей, вы меня слышите? – оклик Натальи вывел Ирощенко из раздумий.

– Извините, Наташа, я немного задумался. Что вы спросили?

– Я говорю, мы уже на подходе к дому. Подождите здесь, я собаку в сарайке закрою, а то не ровен час, попортит вам костюмчик, – засмеявшись, Наталья ускорила шаг и зашла за плетень во владения дяди Миши. Покливав Корта, отдала команду и, закрыв собаку в сарайке, сказала Сергею, чтобы шел в дом.

Тем временем Михаил сидел за столом возле открытого кухонного окна и издали наблюдал за гостем. Пока Сергей шел от калитки до крыльца, лесник обратил внимание на его крупную фигуру, походку... Действительно, гостя выдавала, выработанная годами, военная выправка. У людей, служивших долгое время в армии, а особенно у офицеров, такого не отнимешь.

Еще во время войны, когда Михаила и других бойцов обучали снайперскому делу, они постигали науку, как отличить военного человека от гражданского лица. Затрагивались основные моменты: манеры поведения, каким голосом отзывался человек в экстренных ситуациях, как военный ведет себя на танцах. Собственные наблюдения Михаила тоже многого стоили: с годами он накопил опыт общения с людьми, пришла мудрость и умение обходить в жизни острые углы. Это он с виду казался дедушкой. Седые борода и усы еще больше придавали его облику старческий вид. Спокойный, не конфликтный, чего не скажешь о его молодости, когда он мог согнуть кого угодно в «бараний рог». Взглянет теперь на человека, поговорит о том, о сем, и становится ему понятно, что собой представляет собеседник: ловкач он, цену набивает или хочет войти в доверие. Бывали, конечно, в этом отношении промахи или вернее сказать его доверчивость к людям, которые, скрывая от Михаила правду, «водили его за нос». Взять, к примеру, родную дочь Екатерину, да разве он не видел по ее состоянию, не понимал, как ей тяжело было скрывать правду о своем муже. Знал он, что дочь по своему характеру

не приемлет лжи, иногда бывало, промолчит, а он не настаивал, потому что не хотел, чтобы она лгала. Михаил все подмечал и помалкивал, потому что понимал своих близких родственников и входил в их положение. Вот и теперь, чувствовал приближающуюся беду, такое с ним бывало и раньше, скорее всего интуиция подсказывала о грядущих, но пока еще необъяснимых событиях.

Сергей поднялся на крыльцо и, постучав по косяку, зашел в дом. Первым делом поздоровался, затем вытер ноги и сделал два шага к столу. Михаил встал с табуретки, оперся на костыль и протянул руку для знакомства

– Ну, здравствуй. Я дядя Миша, со мной можешь просто, без отчества, я уже привычен к такому обращению. А тебя как звать, величать?

– Сергей, по отцу Иванович, а для вас я просто Сережа, – немного смущаясь, произнес Ирощенко.

– Как добрался?

– Хорошо. Всю ночь продремал.

– Наталка, а ты что стоишь у порога, давай проходи, и помоги на стол собрать, что гостя держать голодным. Ишь, стоит лыбиться.

– Дядь, Миш, я не голоден, на тепलोходе перекусил. У меня вот тут кое-что есть.

Сергей присел на корточки и полез в сумку; достал колбасу, сыр и прочие продукты, приготовленные Анатолием.

– Вот и давайте все на стол выкладывайте, сейчас мы с вами закатим настоящий пир, я право уже давно ни с кем не сиживал за стопочкой.

– Ой, дядя Миша, хоть бы промолчал, неделю назад со сродным братом засиделись допоздна, пришлось ему здесь заночевать.

– Это с родней своей, а то с гостем. Чуешь разницу, Наталка.

– Чую-чую дядь Миш, сейчас накрою, – весело приговаривала молодая женщина. Сергей тоже решил помочь, ему было приятно подключиться к общей суете и хоть чем-то отблагодарить свою разговорчивую проводницу.

– Ну, ребята, о делах потом, а сейчас – за знакомство.

Михаил протянул наполненную водкой стопку. Со звоном встретились три посудинки. За едой и последующими наполнениями, полилась беседа, и завязалось знакомство. Сергей частенько поглядывал на раскрасневшуюся Наталью. Взгляды их иногда пресекались и оба, смущаясь, отводили глаза в сторону. Но вскоре за общением, они стали чувствовать себя раскрепощеннее и уже весело смеялись удачно произнесенной шутке Михаила.

Отобедав, Михаил тяжело поднялся с табурета и, опираясь на костыль, заковылял к входной двери.

– Пойдем Сережа на воздух, пусть Наталка приберет со стола, а мы пока с тобой посидим рядком, да поговорим ладком. Ты иди сейчас и открой сарайку, да резких движений не делай, пусть собака тебя обнюхает, она у меня не глупая, попусту на человека не бросится.

Сергей прошел до сарайки и повернул дверную вертушку. В открывшуюся дверь выскочила лайка. Она обошла незнакомца кругом, обнюхала его обувь и посмотрела на хозяина: «Что, мол, с ним делать?»

– Ну, Корт, привечай – это наш новый знакомый, он пока поживет с нами, привыкайте друг к другу.

Умный пес, поняв по интонации хозяина, что все хорошо, завилял хвостом и побежал по двору.

– Дядь Миш, что у вас с ногами? – спросил Сергей.

– Да радикулит проклятый, житья не дает, замучил совсем, вступило вот поясницу и в ногу отдает, аж отнимается.

– Если только дело в этом, то можно поправить.

- Ты что ж Сергей, лечить умеешь?
- Приходилось.
- И что, помогает, проходит боль?
- Есть одно средство, но придется потерпеть, а потом расслабляющий массаж вам сделаю, и так каждый вечер. Через неделю по тайге будете бегать как двадцатилетний парень.
- Ой, Сергей, твои б слова до Бога, мне уж давно пора свои владения обходить, а то районные охальники видимо прознали, что дед Михаил захворал, и всю дичь мне здесь изведут.
- Что, часто досаждают?
- Здесь-то, не особо. Это за болотами они частенько хозяйничают, а в своем заказнике я их гоняю.
- А за болотами, другой лесник? – поинтересовался Сергей.
- И там моя территория, только очень большая, за всем сразу не усмотришь, мне вот уже третий год лошадь не дают, я бы хоть до топей местность объезжал.
- Без коня совсем плохо, – посочувствовал Ирощенко.
- Была кобылка, да два года назад издохла.
- Они прошли к столу, смонтированному посреди двора, и сели на лавочки напротив друг друга. Вокруг площадки, образовав тень, разместились треугольником три великолепные сосны. Михаил достал кисет с табачной смесью и, взяв щепотку, втянув носом. Смачно и тихо несколько раз чихнул.
- Куришь?
- Нет, я больше спортом занимаюсь.
- Молодец, по тебе видно, грудь и руки – одни бугры. Ну, что Сергей, знаю я о твоих неприятностях, мне Саша из армии весточку прислал, чтобы я укрыл тебя. Что, все так плохо?
- Не скрою дядь Миш, тюремный срок грозит.
- Ты сам-то, откуда родом?
- С Западной Украины из Львова.
- Глядишь ты! Я во время войны служил во Втором Украинском. Бывал во Львове, наша дивизия тогда повернула на Венгрию, я там до конца войны задержался. А ты где служил?
- СКВО
- Переведи.
- Северо-Кавказский военный округ.
- А родители твои живы?
- Мама умерла, когда мне было два годика, а отец пропал еще перед войной, я его совсем не помню.
- Беда, – посочувствовал Михаил, – и резко сменил тему, – рассказывай, что хоть у тебя с командиром приключилось?
- Сергей рассказал Михаилу свою прошлую историю, произошедшую с майором.
- Правильно ты ему врезал, я бы точно так же поступил, неужели не нашлось толковых людей, кто бы эту заразу призвал к ответу.
- Нет, дядя Миша, ситуация была очень сложная, я под уголовную статью угодил, и от нее не отвертеться, тем более майор на меня уже давно озлобился.
- И сильно ты его побил?
- Калекой на всю жизнь оставил.
- Идиш ты... Ну, а с внуком моим, вам вместе довелось служить? Вроде как по званию, да по возрасту, вы не особо подходите друг другу.
- Хороший он парень, я его сразу приметил, а дальше... Разве возраст помеха, если общий язык нашли.
- И то верно, Саня парень что надо, хоть он редко ко мне приезжал, но я помню его за хорошие поступки, и порода в нем нашенская – Коростылевская.

Михаил помолчал немного, и что-то обдумав, снова заговорил:

– Ты знаешь, Сергей, мне кажется, дочь моя Екатерина скрывает от меня что-то. Я понимаю, что она бережет меня, не хочет волновать, но я потом горше смогу всю правду принять.

– Дядя Миша, а что она от вас скрывает?

– Чует мое сердце – с Саней что-то неладное приключилось. Уж мне ли не знать свою дочку, мужа своего все выгораживала и скрывала, что он сидел в тюрьме, да не единожды. В последний раз приехала наскоком, сама не своя, толком-то не объяснила, опять что-то скрывает. Я по глазам вижу, но виду не подаю, опять моя девонька страдает. Сергей, я человек открытый, но не глупый, и не привык, когда меня кто-то за нос водит. Дочь свою прошу, потому что знаю, если скрывает правду, значит, сильно ее припекло. Придет время, она выправится и поплачется мне, я ее хорошо знаю. А на счет людей, Сережа, мне за свою жизнь многого пришлось повидать, и во время войны, пока в разведке служил...

– Так вы в разведке служили? – Сергей перебил Михаила, – вот здорово! Дядь Миш, так мы с вами можно сказать коллеги.

– Как это?

– Я же тоже служил в армейской разведке. У вас какое звание было?

– Старшиной войну закончил.

– В свое время я был прапорщиком, – Сергей пока не стал называть своего последнего звания.

– А в каких войсках?

– В сухопутных, в мотострелковом подразделении.

– А я Сережа снайпером был, нас еще называли стрелками-винтовочниками.

– Почетная профессия во время войны.

– Да они все в чести, когда врага бьешь.

– Так-то оно так, но снайпером не всякий может стать, здесь призвание нужно, вот как у вас к примеру. Вы же охотник...

– И то верно. Ты что-то заметил во мне или догадался по профессии лесника?

– Во-первых – действительно в тайге живете, – улыбнулся Сергей, – во-вторых – прищуриваетесь частенько, как будто бы прицеливаетесь. А взгляд у вас цепкий, как репей.

– Ты смотри, какой наблюдательный, это у меня привычка такая – щуриться. А что ты еще заметил?

– Может это не так важно, но у вас на указательном пальце заскорузлая мозоль... А в остальном трудно судить, жизненного опыта у меня маловато, но одно скажу точно, смелости и отваги вам не занимать, да и молодым вы еще фору дадите.

– Что-то не пойму, о чем ты говоришь? – удивился Михаил.

– Мне Сашка рассказывал, как вы в Топильниках мужиков скрутили, да штабелями сложили.

– Точно Сережа! Было дело. А ты я вижу, правда моему внуку другом приходишься, кому попало, он не расскажет о той истории... – Михаил поморщился от боли в спине и заерзал на лавке, выискивая удобное положение, – а теперь Сергей, давай поговорим серьезно. У нас с тобой времени будет много, мы еще и не то вспомним. Скажи, ты хочешь, чтобы я тебе доверял?

– Да дядя Миша, определенно хочу.

– Тогда выкладывай все по порядку, и как на духу.

– Не понимаю...

– Так, Сергей, ставлю вопрос по-иному, ты хочешь, чтобы я помог тебе?

– Да.

– Тогда давай начистоту. Научись доверять людям. Что у вас с Сашей приключилось?

– Дядь Миш, – замылся Сергей, – это не только моя тайна, я ведь подведу Сашу и его мать.

– Ага! А для вас я выходит божий одуванчик или дите неразумное, и со мной можно вот так – играть в прятки. В конце концов, вы у меня попросили помощи, так почему же, извини за выражение – вы держите меня за дурака? По-твоему, так поступать – честно? А если сюда милиция наведается? Вы не подумали, что я должен буду им говорить или вы решили, что тайга большая, всех укроет. Милиция, если что случается, куда идет? Конечно ко мне. Кто тайгу, как свои пять пальцев знает. Нет, Сергей, коль я взялся укрывать тебя, ты бы хоть меня в известность поставил, опасная ли беда за тобой ходит.

Наталья не стала мешать их разговору и, дойдя до плетня, попрощалась с обоими, пообещав прийти на следующий день.

– Мне перед вами неудобно дядя Миша, если позволите, я заночую у вас, а завтра поеду дальше. Не обижайтесь на меня, но я, правда, не могу вам сказать большего.

Михаил почувствовал, что перегнул палку и попытался смягчить разговор:

– Сережа, не обижай старика. Зачем ты берешь так круто? Ты же понимаешь, что для меня значат дочь и внук. Кто, если не я, поможет им. Ну, что ты, как мальчонка обиделся, я вам всем добра желаю, и какой бы ни была твоя правда, я все равно ее приму. Поверь, в жизни со мной и не такими тайнами люди делились. Так, что случилось с Сашей?

– Посадили его дядя Миша, срок отбывает.

– О Господи! Я же чувствовал, что-то произошло. И за что?

– За драку, но его сто процентов подставили.

– Это как понимать?

– Драка была обоюдная, так сказать до первой крови, но Сашка оказался ловчее и избил соперника. В конечном счете, у потерпевшего имелся блат среди прокурорских и судебных органов. Таким образом, Сашка и пошел под суд главным виновником, а это значит, что в той драке его оставили крайним.

– Ой, беда-беда, – проговорил Михаил, – крутой больно норов у Сани. Говорил я ему, сдерживай гнев, обуздывай его. Парень-то он хороший, да вот одна у нас Коростылевых беда, не можем мы пройти мимо чужих несчастий, все ищем справедливости на белом свете. Сидели бы тихо, как мыши. Так нет же, лезем в самую гущу, – не унимался Михаил, – ладно Сережа, понимаю, что «кудахтаньем» делу не поможешь. Может Сашу раньше отпустят, сколько же дали ему?

– Пять лет.

– Пять лет за драку! Что-то многовато.

– За нанесение тяжких телесных повреждений.

– А я для чего его приемам обучал? Отмахнулся бы как-нибудь.

– Дядя Миша, ситуация была не подходящая, не отбейся Сашка, сам бы пострадал.

– Не доучил видно я его, – тяжело вздохнул Михаил, – как ты думаешь, меня пустят к нему на свидание?

Сергей напрягся от такого вопроса, он прекрасно понимал, если дядя Миша поедет к Саше, то обязательно узнает о бунте и прочих тайнах, которые от него скрывают. Моментально вспомнился разговор с Сергеем Брагиным, что возможно Сашка «освободится» раньше срока и потому обнадеживающе ответил:

– Есть хороший адвокат, он занимается судьбой Саши, думаю, ему удастся вытащить его раньше срока, в любом случае, дядя Миша, вам нужно будет все согласовать с Екатериной Михайловной.

– Хорошо Сережа, я поговорю с дочкой, а там решим...

За разговорами просидели до сумерек.

– Сережа, может баньку организуем, ты с дороги попаришься, и я бы присоединился со своей спиной.

– Что вы, дядь Миш, вам нельзя сейчас в парную. У вас же обострение, завтра совсем не подниметесь, я сейчас печку затоплю и полечу вас своим методом.

После того, как Сергей натаскал воду и затопил баню, он стал «колдовать» над спиной Михаила. Сначала Ирошенко зашел с обратной стороны лесника и, просунув руки ему под мышки, попросил обвиснуть и полностью расслабиться. Затем, не делая резких движений, Сергей начал тихо встряхивать тело Михаила. Поначалу он разохался, но постепенно боль отпустила. Сергей попросил Михаила лечь на ровную скамью и принялся осторожно массажировать позвоночник: разминая его пальцами, тихонько прокатывал кулачками вдоль хребта и, найдя самое чувствительно к боли место, стал умелыми движениями прощупывать позвонки. Михаил изредка постанывал, даже рычал, но помня предупреждения Сергея, терпел. Постепенно боль прошла, и к окончанию массажа, лесник почувствовал себя намного легче.

Спустя неделю, благодаря стараниям «лекаря» и комплексным упражнениям, правую ногу отпустило, а спина совершенно перестала болеть. Михаил важно расхаживал по двору без костыля, и прогуливался за пределы своей усадьбы. Почувствовав себя в отличной форме, Михаил предупредил Сергея, что скоро они отправятся в тайгу. Ирошенко искренне обрадовался такому предложению, он всегда помнил из рассказов Саши, как он с дедом ходил по тайге и болотистым местам.

Наталя все чаще навещала лесной дом, подыскивая разные причины: то корову подоить, то прибраться, то просто помочь по хозяйству. Казалось бы, теперь, когда она начала работать на почте, времени у нее не должно оставаться совсем, но после работы она умудрялась что-то сделать у себя в доме, а затем спешила на заимку. Сергей заметил, что с каждым приходом Наташа стала надевать более нарядную одежду, сменила прическу, и как-то внутренне преобразилась. Опытный глаз Михаила тоже заметил перемены в племяннице, и совсем был не против ее частых посещений.

Теперь в доме лесника не было так одиноко: ушли в прошлое уныние и томившее по вечерам однообразие.

Глава 6 Сбить со следа

После побега из СИЗО приговоренного к высшей мере наказания Ирощенко, в отношении некоторых офицеров внутренней службы назначили служебное расследование. На время предварительного разбирательства, начальника СИЗО и офицеров, дежуривших в одну смену в ту роковую ночь, руководство ИТУ решило отстранить от работы. Следователи прокуратуры не обошли своим «чутким» вниманием и офицеров-оперативников из 2 управления КГБ, так как капитан Брылов сильно пострадал и лишился служебного удостоверения.

Казалось бы, в связи с принятыми мерами по поимке особо опасного преступника, у него не останется не единого шанса нелегально задержаться на свободе, но прошли сутки, и обнаружить беглеца по горячим следам не удалось. На следующий день после происшествия оперативные работники и следователи основательно взялись за дежурную смену ШИЗО. Полковника Шилова, капитана Брагина и капитана Ермолова поместили в КПЗ¹². Начались изнурительные допросы. Шилова в этот же день выпустили под подписку о невыезде. Видимо помогли крепкие связи в управлении или напрашивался другой вывод: полковник умело вывернулся из ситуации, переложив всю вину на двух подчиненных.

Сергею Брагину, если честно, пришлось туго, когда прибывший из управления КГБ дознаватель заставил его дать полный отчет о своих действиях в тот роковой день. Ознакомившись с отчетом, дознаватель не усмотрел прямой вины Брагина в побеге заключенного, потому что инспектор выполнял требования начальника изолятора. Дознаватель предоставил возможность следователю прокуратуры, дальше заниматься Брагиным.

Что касалось прежних сношений с Ирощенко, то Брагин представил важные документы, составленные после допросов осужденного, не забыв указать цель своих визитов в блок «В». Ссылаясь на разрешение политотдела и начальника изолятора, Брагин доказывал следователю, что действовал в рамках закона и соответственно, не нарушал инструкций и приказов своих начальников. Подыскивая доводы, оправдывающие свое неучастие в преступлении, Брагин выложил на стол следователю множество документов, подтверждающих его оперативную деятельность. Кое-какие бумаги были изъяты следователем из письменного стола в личном кабинете Брагина. Весомым фактом невинности Брагина являлись протоколы допросов Ирощенко, завизированные в политотделе СИЗО. Следователь не усмотрел в них криминальной связи с преступником. Все документы по содержанию больше напоминали письменный доклад студента специального учебного заведения, каковым на тот момент и являлся Брагин, ведь он учился в юридическом институте. И к тому же, он не преминул напомнить следователю, что готовится к авторитетной, научной работе. Среди массы бумаг, обнаруженных у Брагина, были ни к чему не обязывающие опросы, допросы заключенных завербованных им же, но в целях секретности, их фамилии не разглашались. Подробные психологические портреты каких-то преступников разных сословий и главарей шаек мелькали перед глазами следователя. У него на столе лежала целая кипа документов, и кое-что из засекреченной информации о работе старшего инспектора оперчасти Брагина. Грамотно написанные рефераты, различные наблюдения, выдержки и факты. Все эти документы доказывали его профессиональную деятельность, подготовку к предстоящим экзаменам в юридическом институте и незаурядный талант вести оперативные действия в любых направлениях. Это настораживало следователя, и он не исключал роли Брагина, как организатора побега. Но в одно и то же время активная деятельность капитана Брагина вызывала у следователя симпатию и он, после ознакомления с подобными документами предположил, что они больше походили на беспорядочную научную диссертацию. Голова шла кругом от большого количества бумаг.

¹² КПЗ – камера предварительного заключения

После того, как Брагин пробыл в камере двое суток, и его вину в деле побега Ирощенко не доказали, следователь наложил временный арест на документацию и выпустили Сергея из КПЗ. Его временно отстранили от работы, и не разрешили покидать пределы города до полного выяснения обстоятельств.

На данном этапе расследования, Брагин снял с себя подозрения, как с соучастника побега, а дальше его задача состояла в том, чтобы умело перевести стрелки на капитана Ермолова и доказать его связь с уголовниками. В этот момент Сергей вспомнил случай, когда в середине семидесятых они с братом раскрыли притон, вот тогда всплыл некий «Леший», державший под контролем это развратное сборище. Сопоставляя информацию из разных источников, Брагин сделал для себя открытие – Леший входил в число людей, окружающих авторитетного уголовного Аркана.

Два дня Анатолий не отходил от здания на Коммунистической улице, где располагалась КПЗ. Судьба брата тревожила его чрезвычайно. Наконец, увидев Сергея, выходящего из ворот изолятора, он облегченно вздохнул. Брат предупредил, что весь разговор состоится позже, на квартире, и обнадеживающе подмигнув, сказал, что все идет неплохо. Уставшего от допросов, невыспавшегося и опечаленного, Анатолий повел Сергея на остановку. Пока ехали в автобусе до дома, всю дорогу молчали. Переступив порог квартиры, братья крепко обнялись и Сергей, не раздеваясь, плюхнулся на диван и спросил:

– Ну, как все прошло, проводил?

– У меня все хорошо, можешь не переживать, – Анатолий протянул брату телеграмму.

Сергей удивленно схватил бумагу и быстро прочел:

«Добрался хорошо. На работу устроился. Жду в гости».

Это означало только одно, Ирощенко доплыл спокойно, находится в надежном месте и ждет от братьев новостей.

– Когда получил?

– Вчера вечером, срочную послали.

– Фу-у, – облегченно выдохнул Сергей, – кажется, первая буря пронеслась, довольно ощутимо, пощекотав нам нервы. Спать хочу, душа отдыха требует. Хочешь, оставайся у меня, утром поговорим.

Сергей подошел к телефону и по памяти набрал номер.

– Здравствуйте, мне этот номер дал Александр Шаронов, можно его услышать?

Через минуты две Брагину ответили, и он поздоровался с майором КГБ.

– Здравствуй Александр. Узнал? Необходимо срочно встретиться, есть важные сведения.

Хорошо, я подъеду. Все, до завтра.

Положив трубку, Сергей объяснил:

– Завтра поеду на встречу с Шароновым, надо свой план дальше продвигать.

– Лишь бы он поверил, что ты не виновен.

– Надо сильно его заинтересовать.

– Ты уж постарайся, я не хочу, чтобы тебя упрятали.

– Я тоже не хочу, потому нужно навести хорошую тень на божий день.

– Не сомневаюсь, у тебя это здорово получается.

За все время, пока они встретились, Анатолий первый раз удостоил брата своей улыбкой.

– Не люблю я эту «контору», слишком много на себя берут, я несколько раз обращал внимание в СИЗО, когда они устраивали провокационные допросы с некоторыми политзэками, – устало произнес Сергей, – было бы не плохо слить эту компанию начальству.

– Серез, а может, не стоит, если до Шаронова дойдет, не сносить тебе головы.

– Поздно уже, информация ушла в комитет, но я не глупец, чтобы напрямую их сливать, на то существует техническая подстава.

На следующий день, перед тем, как встретиться, Сергей еще раз позвонил Шаронову и через полчаса они уже сидели на лавочке, расположенной на главной аллее Красного проспекта, недалеко от здания управления КГБ.

Сергей видел майора всего несколько раз во время встреч в сауне с девушками, и отношения между ними сложились вполне нормальные. Но после инцидента с побегом, майор стал вести себя более осторожно и заговорил с Брагиным официально, перейдя на строгий тон.

– Итак, Сергей Михайлович, слушаю вас внимательно, и заранее предупреждаю, если ваша информация очень полезная, я непременно обнародую ее в целях розыска и поимки преступников.

– Александр... – Брагин замялся.

– Да ладно, можете без отчества.

– Тогда давай отбросим официальный тон и опять перейдем на ты.

– Ладно, Брагин, валяй, – как бы нехотя согласился майор.

– Я безмерно заинтересован в поимке преступников. С легкой руки дознавателя, кстати, присланного из вашего учреждения, я числюсь в списке подозреваемых лиц, обвиняемых в подготовке и осуществлении побега Ирощенко.

– Давай по существу, и без предисловия.

– Добро, начну по порядку: не так давно ко мне поступила информация, что работник оперчасти нашего следственного изолятора имеет прямую связь с уголовными элементами вне стен тюрьмы.

– С вольными жуликами что ли связан?

– Вот именно. Я перепроверил сведения и убедился, что капитан Ермолов по указу авторитетного уголовника, действительно перевел одного осужденного из обычной камеры в транзитную, где его должны были убить. След привел меня к местному уголовнику по кличке «Леший».

– Не вижу связи между неосуществленным убийством и побегом.

– Подозреваемый Ермолов – вот связь.

– Слушаю дальше, – Шаронов согласно кивнул.

– Это они подготовили побег Ирощенко.

– Откуда у тебя такая информация?

– От моего осведомителя.

– Брагин, ты прекрасно понимаешь, что для следствия важна фамилия и показания твоего агента, а не косвенные улики причастности Ермолова к уголовному преступлению.

– Я готов свести своего человека со следователем, но с одним условием, все должно остаться строго в секрете, в противном случае мой агент откажется давать показания. Сам понимаешь, они разделаются с ним, если узнают, что он стукач.

– Разумеется, тайну мы сохраним, зачем же подставлять ценного осведомителя.

– Есть еще один свидетель, который покажет, что Ермолов, якобы в целях оперативной обстановки поместил осужденного в транзитную камеру.

– Кто такой, его фамилия?

– Это девушка. Она работает в спецчасти нашего изолятора и готова дать показания. Но на официальный запрос может ответить начальник спецчасти.

– Вот это уже лучше, люблю конкретность. Что еще скажешь?

– Из надежного источника до меня дошли сведения, что тот самый уголовник Леший укρύвает одного опасного преступника.

– О ком именно идет речь и почему ты не оповестил об этом уголовный розыск?

– Его фамилия мне не известна. А сообщить я не могу по одной простой причине, слишком узкий круг знает о побеге, я очень дорожу своими агентами.

– Какой прекрасный у тебя информатор. И какая все-таки фамилия у беглого преступника?

– Вот это и нужно узнать у Ермолова.

Шаронов удивленно взглянул на Брагина.

– Так, неплохо, – протянул майор, – кажется, я начинаю понимать, к чему ты клонишь. Ты хочешь сказать, если Ермолова хорошенько взять в оборот, то он все выложит. Неужели ты думаешь, что этот Леший укрывает именно Ирощенко, а не кого-то другого?

– Среди уголовников, а особенно у них в верхах, идут разговоры о каком-то дерзком и удачном побеге. За прошлую неделю по сводкам прошли два таких происшествия.

– Кто-то еще бежал?

– С пересыльного пункта в железнодорожном тупике из спецвагона на рывок пошел особо-опасный рецидивист. Его побег, как и у Ирощенко, прошел филигранно.

– Замешан офицерский персонал?

– Много неясностей, пытаюсь в этом разобраться. Однако нам важно узнать, не связаны ли оба побега с одним человеком, я имею в виду одного авторитетного вора... – Брагин сделал паузу, – об этом потом, давай лучше вернемся к разговору о Ермолове. Вот, Александр, – Брагин протянул майору свернутую вчетверо бумажку, – эта копия записки, обнаруженной у сержанта Звягинцева, надзирателя, и в ней говорится о некоем Воробьеве. Кстати, Ермолов, нарушая инструкции, перевел его в транзитную камеру, где Воробьева чуть было, не убили.

– Сергей, я не пойму, причем здесь этот Воробьев, если речь идет о побеге Ирощенко?

– Ермолов и Звягинцев помогают уголовникам обстрипывать в изоляторе грязные делишки – это и есть предполагаемая связь. Вор, о котором я упомянул, кровно заинтересован в гибели Воробьева, а он, кстати говоря, хорошо знал Ирощенко и мог встать обоим поперек дороги.

– И чего ты хочешь от меня?

– Выявить связь Ермолова с опасным преступником Аркадием Садовниковым.

– А это еще кто такой?

– Тот самый вор, о котором я только что сказал. В воровских кругах он знаменит, как законник, а по-иному вор в законе Аркан.

– Мне приходилось слышать о нем, но ведь есть официальная версия, что Аркан погиб во время последнего побега из колонии.

– Это специально запущенная дезинформация, чтобы увести оперов по ложному следу. Бежавший из-под стражи Ирощенко, был связан с вором, я располагаю фактами, добытыми мною в ходе расследования бунта в колонии.

Сергей специально завел разговор о Садовникове, так как он открыл охоту на Александра Воробьева, а комитетчик Шаронов имеет больше возможностей поймать и на веки закрыть в тюрьму вора-законника.

– Значит, ты думаешь, что Аркан с помощью Ермолова вытащил Ирощенко на свободу? – спросил Шаронов.

– Уверен.

– Твоей уверенности мало, нужны доказательства.

– Нужно допросить Ермолова и заставить его заговорить.

– Заставить?!

– В этом и заключается моя просьба, по-другому он не даст показания.

– Эх, Брагин, Брагин, задал ты мне задачу с неизвестным побегушником. Если б не Миша Брылов, послал бы я тебя к следователю прокуратуры. Но... В моих интересах заполучить любую информацию, хотя бы за что-то зацепиться. Мы сами отработаем эту версию. Пойми,

задета честь нашего друга, пострадал не только он, но и все, кто посещал сауну. Всю нашу группу наказали за этот инцидент.

– За что?! – искренне воскликнул Брагин, а про себя удивился совершенно другому обстоятельству, что его анонимка оперативно дошла до начальства Шаронова, а именно до полковника Шатуры.

– За что, спрашиваешь? Есть причины. К примеру, мой непосредственный начальник закатил такое скандалище, когда узнал, что у Брылова похитили удостоверение, а его самого избили до неузнаваемости. В довершение ко всему кто-то доложил начальнику отдела о наших посещениях сауны, хорошо еще девушки не всплыли.

– Я постарался закрыть эту тему, предупредив девушек и кое-кого их охраны изолятора.

– Вот за это спасибо, здесь ты вовремя управился.

– И какое наказание вы получили?

– Всю мою группу, кроме Брылова, временно перевели в другой отдел, направление его – борьба с экономическими преступлениями...

– А Брылов куда делся? – перебил собеседника Брагин.

– В комитете он больше не будет работать, – вздохнув тяжело, ответил Шаронов, – неприятно все это. Начальник в новом отделе суровый и очень принципиальный, если невзлюбит, можно смело ставить крест на карьере, а то и совсем вылететь со службы. Так что в самых ближайших планах у меня – это поимка организованной группы уголовников.

– Организованной? – заинтересованно переспросил Брагин.

– Конечно, ты разве не замечаешь, как просматривается деятельность соучастника побега, он точно служит во внутренней системе. Если судить по его действиям в тот вечер, офицер-перевертыш постоянно был в гуще событий. Но, необходимо узнать, кто он такой и изобличить в причастности к побегу Ирощенко, – Шаронов посмотрел на часы, давая понять Брагину, что ограничен во времени, и спросил, – а у тебя как дела обстоят?

– Признаюсь честно, скверно на душе, ведь меня тоже подозревают в соучастии преступления. Понимаешь, в один миг все может полететь к чертям: карьера, институт, годы стараний. Я обязательно должен доказать свою невиновность и посадить Ермолова... Александр, одним словом мне необходима твоя помощь. Поверь, я в долгу не останусь.

– Ладно, я тебя понял и хорошенько потружусь над твоей информацией.

– Еще одна просьба к тебе, если нападешь на след Лешего, сообщи, у меня к этому типу свой интерес возник.

– Какой, если не секрет?

– Урки не останут от Воробьева, я хочу предотвратить его убийство.

– Убийство?

– Он рассказал мне, как двое азиатов напали на него в камере с заточенными пиками, но Воробьев оказался не промах, спортом раньше занимался, потому отбил их от них.

– Нужно было сразу их задержать, тогда бы точно узнали, кто их подослал.

– Надеюсь, Александр, тебе известно, что делают с заключенными за доноительство. Воробьев решил сам разобраться, но не успел, напавших на него уже перевели в тюрьму закрытого типа, они сейчас далеко отсюда в Восточной Сибири.

– Ладно, Сергей, в этом деле сам разбирайся, у меня забот с Ирощенко хватает. Если я раздобуду свеженькие новости, касающиеся тебя, сообщу.

Они разошлись, не забыв пожать друг другу руки.

После побега Ирощенко, Александр Воробьев целую неделю оставался в неведении, чем закончилось дело. Он знал, что в любой день его отправят в лагерь и потому волновался за своих друзей: Ирощенко Сергея и братьев Брагиных. Перед тем как отправить Александра

на этап, Брагин – старший обещал устроить ему свидание с мамой, но теперь, по всей вероятности, увидится он с ней только в лагере.

В субботу после обеда отрылась дверца «кормушки» и по традиции самые «шустрые» арестанты подскочили к двери в ожидании каких-либо новостей или событий. Надзиратель назвал Воробьева и приказал выйти в коридор без вещей. Естественно, Александр удивился, что в выходной день его куда-то повели. Но все стало ясно, когда его завели в небольшой кабинет с обшарпанными стенами, где обычно проводят краткосрочные личные свидания. В комнате поджидали мама и Александр Петрович, ее новый супруг.

Екатерина встала со скамьи и, сделав навстречу сыну несколько торопливых шагов, обхватила его обеими руками и с нежностью прижала к груди. Пока ожидала прихода сына, мать постоянно сдерживала себя, чтобы не расплакаться, но, как только заключила его в объятиях, слезы хлынули из глаз.

Волнению Александра не было предела: не успел он успокоиться после встречи с матерью и крепкого рукопожатия «дяди Саши», как в комнату вошел Сергей Брагин. Приложив палец к губам, он дал понять, что все деловые разговоры запрещены. Брагин уселся на скамью напротив Воробьева. Глаза его излучали радость. Посидев немного, он широко улыбнулся и, встав со скамьи, негромко сказал:

– Вы здесь общайтесь, меня не ждите. Я пройдусь немного, мне еще кое с кем повидаться нужно.

Подмигнув по-дружески Александру, Сергей постучал в двери и вышел наружу. По его радостному виду Воробьев сразу же догадался, что с Ирощенко все в порядке.

Екатерина, очень соскучившись по сыну, села рядом и прижавшись, наклонила голову на крепкое плечо. Как только речь невзначай заходила о длительном сроке сына, слезы непроизвольно выступали на ее глазах. Александр Петрович, сидя напротив, бросал на нее участливый взгляд и, как только жена начинала плакать, нежно поглаживал ее по руке и ободряюще кивал.

– Дядя Саша, маму берегите, не давайте ей грустить, – просил Александр и, переключив разговор на мать, стал ее успокаивать, – мам, не переживай так, через год мое дело будут рассматривать в суде, появился шанс добиться снижения срока.

– Я знаю сынок, Сергей Михайлович мне говорил.

Александр удивленно вскинул брови и, поняв, о чем идет речь, молча, кивнул.

– Саша, сынок, я тебя очень прошу, ни во что больше не ввязывайся, держись от неприятностей подальше. Дед Миша передает тебе большой привет, ему уже известно, что ты попал в беду.

Александр опять удивленно поднял брови. Екатерина перешла на шепот:

– С приездом твоего друга, мы больше не могли скрывать от деда правду, так что он в курсе твоих неприятностей. Но только мы пощадили его и сказали, что сроку у тебя пять лет. Он по тебе очень скучает, хочется ему с тобой по тайге походить, а то ведь ноги стали часто болеть, здоровье-то уже не как прежде. Сыночка, дорогой, мы тебя очень любим, постарайся не нарушать режим, мы скоро приедем к тебе на личное свидание, – Екатерина не сдержалась и опять заплакала. Шутка ли, ведь десять лет разделяют ее с сыном. Александр обнял ее одной рукой за плечи, а другой стал утирать текущие по щекам слезы.

В дверь постучали, предупреждая, что свидание закончилось. Александр, чтобы не расстраивать мать, пообещал избегать неприятности, хотя определенно знал, что собственное благополучие зависит не только от него. Обняв маму и Александра Петровича, он проводил их до дверей, и после того как они вышли, одиноко присел на лавку. Через пять минут его забрал прапорщик и повел назад в камеру. Теперь Воробьев понял окончательно, что с Брагиным Сергеем, по всей вероятности, в тюрьме увидаться не удастся. Александр был благодарен Сер-

гею, ведь это он устроил ему личное свидание с мамой и даже умудрился, каким-то образом провести Александра Петровича.

В понедельник с утра Воробьева вызвали с больничной камеры с вещами на этап. Несколько осужденных с транзитной камеры тоже отправили в лагерь, расположенный в черте города.

Глава 7 Поединок

В июньский, солнечный день к административному корпусу учреждения ИТК-5, где содержат осужденных преступников, медленно приблизилась спецмашина с заключенными. Заскрежетали по роликам железные ворота, и водитель переместил автозак¹³ в превратную зону. Администрация и охрана лагеря строгого режима встречали вновь прибывших заключенных. Среди них были: Александр Воробьев, Владимир Волков и знаменитый карманник, и любитель поиграть в карты, Саша-Музыкант. Всех вместе заключенных насчитывалось полтора десятка человек.

Зона, как называли ее заключенные – «Пятерка», размещалась в окружении жилых домов. С одной стороны, располагался частный сектор, а с другой, построенные недавно пятиэтажные дома. Колония была разделена на две зоны: жилую, состоящую из шести двухэтажных зданий и двух деревянных бараков и производственную, с цехами, участками и административными корпусами.

Воробьеву сразу же вспомнилась «Двойка», когда к нему традиционно подошли отрядные шестерки и стали вымогать вещи. Здесь же, на «Пятерке», все выглядело иначе: в зоне со строгим режимом заключенные никогда не позволяли ни себе, ни другим заниматься магерством – это было совершеннейшее табу.

После тщательного обыска, партию заключенных привели в этапку или как иначе называет ее начальство – карантинка. Располагалась она в промышленной зоне. Разместили вновь прибывших заключенных в двухэтажном, небольшом здании, огороженным высоким забором из железных прутьев. Стали подходить и интересоваться разные заключенные, откуда, мол, пришли, в каком районе проживали на свободе и, называя различные клички, фамилии, спрашивали, не встречали ли таких-то в тюрьме?»

К забору подошли двое заключенных и, заведя разговор с Волковым, приветливо поздоровались с ним за руку. Отошли в сторонку и стали тихо о чем-то переговариваться.

Воробьев стоял возле забора и наблюдал за проходящими мимо незнакомыми заключенными. Внезапно откуда-то сбоку он услышал оклик. Огляделся вокруг, а вдруг это его позвали. Так и есть, заключенный обратился к нему.

– Землячок, здорово были! Нам бы Саньку Воробья увидеть, знаешь такого?

Трое мужчин зрелого возраста остановились по другую сторону забора. Лица суровые, острые взгляды так и буравят. В голосе чувствовалась серьезность, степенность, а не панибратство, присущее многим заключенным.

– Ну, я Воробей.

– Вот ты-то нам и нужен, – обрадовался один из подошедших. Александр сразу же прикинул в уме, что эти люди могли иметь отношение к его друзьям по «двойке» и напрямую спросил:

– Среди вас случаем, Коли Сибирского нет?

– Это я, – ответил крепкий на вид мужчина.

– А ты, значит, и есть тот самый Санька Воробей. А меня Захаром зовут, я отец Васи Симуты, – представился другой заключенный, он был одного возраста с Николаем Сибиряковым.

После его слов в душе Александра произошло смятение: он молча взглянул на Захара и, вспомнив Васю Симуту, заметил, что он определенно походил на своего отца. Лицо словно жаром обдало. Глаза слегка увлажнились. Александр непроизвольно дернулся вперед, но помешали решетки. Ему почему-то захотелось обнять этого незнакомца, после того, как

¹³ Автозак – Автофургон для перевозки заключенных

он назвался отцом погибшего Васи. Воробьев застеснялся выступивших слез и, отвернувшись от мужчин, вытер рукой увлажнившиеся глаза.

– Извини Захар, я немного расчувствовался. Мы с Васькой были корешами. Так уж случилось, я потерял настоящего друга. Соболезную тебе. Вы наверняка не знаете, но погиб он, защищая от офицера-Рекса¹⁴ своего кореша Лешку Сибирского, – Воробьев кивнул в сторону Николая. – Кстати, Коля, тебе привет большой от Лешки, мы с ним после суда увиделись. Чувствовал он, что дадут особый режим.

– Благодарю Санек. Ты с Лешкой на «Двойке» корешился?

– Да, мы были друзьями. Леха о тебе много рассказывал. Выйду в зону после распределения, поговорим с тобой...

– А что откладывать, пойдем с нами в «рабочку», чифирку попьем. Ты, поди, голодный с этапа, так мы тебя покормим.

Александр, недолго думая, согласно кивнул, затем глянул на запертую дверь в заборе и, пожав плечами, спросил.

– А кто меня отсюда выпустит?

Сибиряков ухмыльнулся и громко окликнул завхоза карантинки, торчавшего в окне комнаты на втором этаже.

Увидев, что зонавские авторитеты его зовут, завхоз скрылся из вида и через минуту с угодливой миной на лице, приблизился к мужикам.

– Слышь, что говорю, пацана отпусти до вечерней поверки, мы сами его приведем.

Завхоз для виду помялся и лукаво произнес:

– А вдруг менты раньше придут проверять, а его на месте нет.

– Слышь ты, понты не колоти. Держи вот, – Захар протянул завхозу большой кусок плиточного чая, завернутого в фольгированную бумагу.

– Мужики, может, Волоху с собой возьмем, что ему здесь торчать, – обратился Воробьев к Захару и Николаю.

Сибиряков кивнул в сторону Волкова, дав понять завхозу, что он тоже пойдет с ними.

Оказавшись за забором, Волков спросил:

– Мужики, можно как-то в жилую зону проскочить? Я прошвырнусь по отрядам, может, своих знакомых отыщу.

– А тебе кого надо?

– Васю Хрипатого или Ашота?

– Знаем мы их. Тебе в пятый отряд нужно идти, Хрипатый, скорее всего в бараке, а Ашот наверняка сейчас в рабочке. Валерон, – обратился Симутин к своему корешу, – зайдите во второй цех, может, там Ашота найдете, если что подходите к нам в кильдым.

Впятером направились по главной дороге, тянущейся вдоль производственной зоны от КПП до заводоуправления. Слева Александр заметил большие, красные ворота и подумал: «А-а, значит, здесь работает пожарным приятель Брагина – Мурашов».

Дойдя до конца дороги, уперлись в трехэтажное белое здание и повернули налево: по обеим сторонам располагались одноэтажные цеха. Через двести метров зашли в ворота производственного участка. В правом углу помещения располагалась небольшая бытовка для рабочих. Сразу же поставили на плитку кружку с водой, чтобы сварить чифирь.

– Санек, водку пока не предлагаем, потом выпьем... Хотя... – Симутин обратился с вопросом к Сибирякову, – как ты смотришь на то, чтобы помянуть моего сына Васю?

– А кто у нас сегодня ДПНК?

– Майор Рубан, – ответил Симутин.

¹⁴ Рекс – заключенные так называют офицера или солдата спецподразделения.

– Тогда давай по маленькой пропустим, смена у него ништяк, прапоры «Кузя» с «Крокодил» сегодня в промзоне дежурят, если нас кто-нибудь спалит, помогут отмазаться от кичмана.

– Колек, как ты их назвал, Кузя и Крокодил? – удивленно спросил Александр.

– Ну, да. А ты слышал о них?

– Нам в тюрьме говорили, что их уволили после бунта, а они вот где оказывается «приштырились». Выходит, перевели прапоров на «Пятерку».

Захар утвердительно кивнул и, выйдя из бытовки, направился вглубь участка, где изготавливали большие армейские термосы из нержавеющей стали. Через пять минут он вернулся с железной самодельной фляжкой, наполненной какой-то жидкостью.

– Санек, будь, как дома: бери в тумбочке колбаску, сало режь, лучок.

После того как накрыли небольшой столик и, разлив в прочифиренные кружки по сто граммов водки, Захар Симутин тихо и скорбно сказал:

– Давайте мужики помянем сына моего Василия. Хороший был пацан, да вот не углядел я за ним, сам с тюрьмы не вылезаю. Пусть земля ему будет пухом.

После того как помянули и закусили, Захар решил кое-что объяснить Александру.

– Санек, дело конечно прошлое, мы тут с Коляном немного «порамсили»¹⁵... Начну по порядку: два года назад, он сюда с «Восьмерки» пришел. Полтора года все у нас шло ништяк, но потом одна фигня приключилась. Был у нас с Коляном общий кентуха, полгода назад он освободился, и как полагается, должен был подогреть нас обоих и перекинуть через забор чай и водку. Получилась неразбериха: первый грев предназначался мне, но по ошибке принял его Колян. Когда я узнал, ясен пень, сразу взвинтился: «Как так, тебе значит есть грев, а мне – балду». Психанул я тогда и ушел от Коляна. А ведь до этого мы вместе решали зоновские дела. Но через несколько дней пришел еще один грев с воли, теперь уже Коляну, и он принес мою долю. Короче, я отказался, тогда меня крепко обида взяла. Колек тоже психанул на меня, и перестали мы разговаривать. Вот так и ходили полгода, дулись друг на друга. Хотя, если касалось общака, делали вид, что все ништяк и брались за общие дела, но потом снова «разводили лыжи» в разные стороны. Вчера Колян пришел ко мне и говорит: «Кентуха, хорош, грузиться, давай не будем свои обиды напоказ выставлять. Завтра в зону должен один пацан прийти, он с нашими сыновьями во время бунта ментов крошил, так нам бы вместе надо его встретить».

Александр выслушал Симутина и, улыбнувшись, подумал: «Вроде мужики взрослые, а обижаются, как дети. Да уж, тормознула их лагерная жизнь, не хочет отпускать, – Александр украдкой тяжело вздохнул, – мне тоже червонец мотать придется. Хотя, как обещал Сережка Брагин, может, раньше выйду».

Налили по второй сотке, и на этом решили завязать, а то ведь не остановишься, когда в хмельной раж войдешь. Будет намного безопаснее и помаленьку продолжить в следующий раз. Выпили за Лешку Сибирякова, чтобы ему на особом режиме отбывалось легче. Вот и пришла очередь Александра рассказать о бунте: с чего все началось, и чем закончилось, а то ведь истории, рассказанные посредниками, погоды не делали, хотелось все услышать из первых уст.

После подробного рассказа, Захар, закаленный в жизни и прошлых сроках, не стесняясь, вытер рукой наворачнувшиеся слезы и смачно выругался:

– Мусора поганые, а нам тут лапшу на уши вешали, типа беспредельщики зону на бунт подняли, из-за них мужики ни в чем неповинные пострадали. Когда меня в спецчасть вызвали, там вся зоновская кумчасть собралась, и давай мозги промывать, мол, сын твой попал под дурное влияние какого-то блатного, свою голову подставил под удар, и погиб. Гады менты, как будто я им поверил. А ведь Леха Дрон, действительно был парняга, хоть куда. Жалко вас всех,

¹⁵ Порамсить – в данном случае, поссорились.

пацаны, – тяжело вздохнул Симутин, – вроде и дело нужное сделали – бунт подняли, только ведь ничего не добились...

– Как это ничего, – возразил Воробьев, – знаете, сколько мы ментам требований выдвинули... И вообще, они долго не забудут этот бунт.

– Зато у эков память короткая. Кого не коснулось, тот вообще осуждает такие мятежи. Надо скопом этих тварей громить, как бывало в Гражданскую. Мне отец рассказывал, как мой дед комиссаров пачками расстреливал, за то, что они грабили и убивали тамбовских крестьян. Красные потом расстреляли моего деда.

– Мне Вася рассказывал об этом, – печально проговорил Александр, – как после твоего отца выслали малолеткой из-под Тамбова и по разным городам, да по детским домам шпыняли.

Захар, братуха! – воскликнул Сибиряков, – выходит, мой Лешка твоему Васе жизнью обязан... Нет, мужики, за это нужно еще выпить. Захар! – Николай обхватил рукой шею своего кореша и, притянув к себе, скорбно произнес, – теперь мы с тобой повязаны до конца жизни. Разве такое забудешь... А ты, Санек, молодец, все рассказал, ничего не утаил, теперь и мы с Захаром узнали всю подноготную о бунте.

После распределения Воробьев и Волков попали в седьмой отряд и даже в одну бригаду, сформированную из вновь прибывших осужденных. Выходили друзья на работу в деревообрабатывающий цех, рядом с которым располагался участок пиломармы. Сашу-Музыканта определили в пятый отряд.

Александра с первых дней закрутила совершенно новая лагерная жизнь. Наблюдая, он видел разницу между зоной общего режима и строгого. Если на «Двойке» заключенные имели статус первоходок, то на «Пятерке» отбывали более опытные «каторжане» уже не с одним отсиженным сроком за плечами. Это были совершенно разные люди с достаточными жизненными навыками, с уголовно-преступными привычками, приобретенными в ходе распутной жизни на воле. Здесь пребывали карманники, домушники, игровые шулеры, аферисты, а так же хозяйственники и подпольные цеховики или как изъяснялись закоренелые сидельцы: некоторые из этих бедолаг прошли «Крым и Нарым». Они-то, как раз нечета мужикам-первоходкам и зеленым юнцам с общего режима. А вот такие заключенные, как Волков, переведенные в пятую колонию с особого режима, в основной массе входили в привилегированную касту осужденных. «Полосатики», как называли их эки, быстро находили общий язык с авторитетными людьми зоны и, занимаясь налаживанием «дороги» на свободу посредством вольнонаемных сотрудников, получали помощь, а по-иному – грев. Пересылали родственникам со своих лимитных карточек деньги, ибо постороннему человеку, не вписанному в личное дело, запрещалось переводить денежные средства. Затем «гонцы» и «почтальоны» из числа вольнонаемных людей, или подкупленных работников администрации, ходили по адресам и, забирая деньги, проносили в зону. С таких денежных дел они имели установленный процент. Что касалось нарядов за выполненную работу, Александр был знаком с подобными сделками еще по «Двойке». Мастера и бригадиры по предварительному сговору с положняками¹⁶ списывали с какого-нибудь заключенного часть изготовленной продукции и затем деньги переводились на лимитную карточку другому осужденному.

Завхозы, поставленные администрацией, мутили воду с начальниками отрядов, то есть совершали с ними сделки в виде разрешения дополнительных посылок или передач, а так же свиданий с родственниками. На первый взгляд казалось, что в зоне тишь да гладь: мужики работают, блатные в зоне отсутствуют, актив не так свирепствует, как на общем режиме, хотя и «баллонов», так называли активистов, и здесь хватало.

¹⁶ Положник – авторитетный заключенный, отрицающий порядки администрации.

Александр иногда оказывался свидетелем, как кто-нибудь из заключенных, перебрав в приеме водки, затевал ссору, и чтобы задержать бузотера, активисты во главе с дежурными контролерами собирались толпой. Все до единого были вооружены ломиками, железными прутками или просто увесистыми палками. Конечно, они чрезмерно опасались, а вдруг кто-то встанет на защиту пьяного сотоварища и потому собирались на подобные мероприятия большой ватагой.

Политико-воспитательные работники, режимная часть и оперативники, на строгом режиме знали свое дело четко. У оперов так же, как и на общем режиме, имелись свои осведомители в отрядах, бригадах. Разобщенность заключенных – это было одним из направлений оперативной части. Александр сначала не мог понять, что в зоне происходит: то ли авторитетные заключенные держат все под контролем, то ли администрация со всех сил старается подмять их под себя. В подтверждение его мыслей последнее время участились случаи жестокого разбирательства заключенных с завхозами и активистами. Именно в связи с этим обстоятельством произошло роковое происшествие, когда «повязочники» взяли на себя слишком много власти и, пытаясь навязать неуютную серьезному авторитетному человеку волю, поплавились жизнями. Сергей по кличке «Ключок» проткнул самодельной заточкой двух активистов, отправив обоих в иной мир. Воробьев спустя время на информационном стенде прочел о приговоре суда и расстреле Ключкова. Подобные мероприятия настораживали осужденных, а кого-то и пугали. В очередной раз он увидел собственными глазами, как завхоза седьмого отряда Голдобина, выносили чуть живого на байковом одеяле, обильно пропитавшегося кровью. Все выяснилось чуть позже: завхоз оказался слишком хитро-мудрым «пескарем» и обманывал осужденных, выживая у них деньги за внеочередное личное свидание с родственниками. За подобные обманы его резали ножами дважды: в первый раз он выжил, а вот второй конфликт с обманутым заключенным закончился для него трагично – два удара он получил заточенным штырем в печень. Голдобин умер в Межобластной больнице для заключенных, так и не придя в сознание. Тем не менее, как бы ни было тревожно на «Пятерке», Александру данная колония пришлась по душе или, если быть точнее, сам контингент заключенных. Он быстро освоился и принял предложение Волкова, жить единой, дружной семьей или как иначе выражались заключенные: «ломать одну пайку хлеба».

Однако неприятности подкрались совершенно с другой стороны. Однажды Александр столкнулся нос к носу с двумя прапорщиками – «Крокодилом Генкой» и «Кузей», переведенных с «Двойки» после бунта. Они узнали Воробьева и, не забывая, как Дронов держал обоих в кулаке, втихоря от всей души постарались «накапать» на Александра начальству. Таким образом, за ним установили негласный оперативно-режимный надзор. Заместитель начальника колонии подполковник Кузнецов уже беседовал с Воробьевым, вызвав в свой кабинет сразу же после распределения заключенных по отрядам. Начальник режимной части заявил Воробьеву без обиняков, что за бунт в колонии, он создаст ему такой «уют», что мало не покажется.

Проблема Александра состояла еще и в другом, как одному из главных бунтовщиков, следователи из комитета госбезопасности пообещали устроить ему в зоне «счастливую» жизнь. Комитетчики, договорившись с управлением ИТУ, «вручили» Воробьеву карточку с красной полосой, то есть «СКП» – склонен к побегу. Где бы он ни находился, куда бы ни пошел, везде его преследовал надзор. Каждый день ему надлежало посещать вахту для отметки у ДПНК. Ночью контролеры в погонах могли в любое время проверить Воробьева, находится ли он на своем спальном месте. Работать в промышленной зоне в третью смену ему строго-настрого запретили. Если Александра задерживали поблизости у разделительной ограды перед первой запретной полосой, то немедленно тащили в изолятор.

«Солдатских причин», чтобы наказать Воробьева было предостаточно: заметят на территории отряда в тапочках – отнимают права приобретения продуктов в магазине на целый месяц. Не застегнул при начальстве верхнюю пуговицу на куртке – лишают премиальных.

Хотя Александр не курил, его все равно умудрялись наказать только за то, что находился рядом с курильщиками в неполюженном месте и, решение администрации следовало незамедлительно – запрет пользоваться очередным свиданием.

Что касалось работы на производстве, то здесь Воробьеву помогали знакомые. Необходимо справедливо заметить, что бригадир панически боялся, как бы его не отстранили от работы за прикрытие Воробьева, но составленные грамотно наряды давали Александру право не сидеть в изоляторе за отказ от работы. Конечно, он мог бы открыто заявить начальству, что не станет брать в руки кайло и горбатиться на деспотичное государство, как когда-то Алексей Дронов в этом смысле отстаивал свою правоту. Тогда лагерная администрация начнет «прессовать» его по иным признакам, не как тунеядца, а как сознательного отрицателя социалистического строя. Волков, имея большой жизненный опыт в делах подобного рода, ненавязчиво объяснял Александру мудрую политику, как не стоит ударяться лбами с местной властью, идя на острый конфликт.

– Санек, пусть лагерные мусора давят тебе на чувства и, называя дармоедом и лодырем, твердят: «кто не работает – тот не ест». Не ведись на такие штучки. Я понимаю, что у тебя свои принципы, но распылять здоровье в тюрьмах не стоит, ведь старшие вертухаи только будут рады, если ты загнешься от чахотки. Будь хитрее и делай вид, что тебя все устраивает, а сам продолжай гнуть свою линию. Пойми, в нашей зоне тоталитарное правление и опера с режимниками умеют подавлять у эков всякое свободолобие – это их система, выстроенная годами.

– То есть, ты предлагаешь мне, терпеть их беспредел.

– Нет, Сань, просто научиться обходить неприятности стороной.

– И ты научишь меня...

– Другому бы я сказал – жизнь научит, но тебе готов давать советы, а примешь ли ты их, это уже твое дело.

– И все-таки, Волоха, надо сопротивляться их беспределу.

– Согласен. Когда мы научимся давать мусорам отмашку, они поймут, что мы сила, но это будет не скоро. Не в этом государстве мы ищем справедливости. Ты сам видишь, как завалив одного, двух баллонов, бродяги уходят из жизни – их расстреливают, а результат такого внутреннего бунта – ноль! И еще Санек, когда мы начинаем спорить о ментовском беспределе, вспоминай о матери, ведь ты обещал ей, не делать глупостей.

Александр снисходительно улыбнулся и кивнул в ответ. После очередных, подобных разговоров, он немного успокаивался и брал себя в руки, не давая эмоциям выплескиваться через край. Но в связи со сложившимися обстоятельствами, он не давал себе расслабляться до конца. Администрация жестким прессингом напоминала ему ежедневно, что значит быть «у кума под колпаком». Сто солдатских причин сваливались на его голову и отражались в виде наказаний за тот или иной проступок, даже незначительный. Тем не менее, он продолжал сопротивляться и жить. Вникая в суть разговора с Волковым и, получая тайные письма от братьев Брагиных, Александр постепенно пересматривал свое отношение к лагерному начальству. Внемля советам друзей, он перестал «вставать на дыбы», и уже не грубил людям в погонах. Отвечал им внятно, прямо, но никогда перед ними не заискивал.

С авторитетными осужденными и мужиками Александр всегда вел себя по-компанейски, мог поддержать любой разговор и даже повести беседу в нужном для себя направлении. Зная его по рассказам о бунте и отношении к лагерной администрации, он снискал себе уважение у заключенных. К нему стали прислушиваться и даже обращаться за помощью. И тому был пример: однажды к Воробьеву обратился пожилой мужчина-заключенный и пожаловался на молодого парня, оскорбившего его. Александр, недолго думая, свел их для разбирательства и улаживания конфликта. В ходе разборки, оказалось, что молодой парень иногда подтрунивал над пожилым человеком за его угрюмость. Поддразнивая его разными словечками, не замечал,

что тот обижается. Накануне произошла ссора, чуть не закончившаяся дракой. Пожилой зэк, не выдержав язвительности молодого парня, сорвался и грубо ответил: «Волк поганый, совсем оборзел!». Парень, оскорбившись, взял пожилого за грудки и, придавив к стене, оцарапал ему кожу на щеке о штукатурку.

Выслушав обоих, Воробьев высказал свое мнение:

– Оба вы в какой-то мере неправы. Ты не обижайся на меня, – Александр обратился к пожилому зэку, – но у тебя нет чувства юмора. Ты ведешься на разные шутки, воспринимая их, как подковырки. И еще, хоть ты старше его, но это не дает тебе право оскорблять человека. Как ты считаешь, почему он тебя за грудки схватил?

– Ему не понравилось, как я его волком поганым назвал.

– Но, ты, же знаешь, нужно следить за языком, а особенно в зоне. Он считает себя уважаемым арестантом, потому и ответил так резко. Да, он моложе тебя...

– В том то и дело! – перебив Воробьева, возмутился пожилой зэк, – ровню, что ли нашел.

– А ты за базаром следи, – взбеленился парень.

Пожилой мужчина, видимо обиделся и, взглянув недобро на Воробьева, сделал движение, чтобы уйти.

– Мужики, стоп, стоп! Вы что от меня ждете? Чтобы я одного из вас пожалел, а другого поддержал. Если вы сами не хотите договориться между собой, разве я могу «разрулить» этот конфликт. Зачем ты обратился ко мне, если не хочешь вникнуть в суть. А теперь ты, Серега, – обратился Воробьев к парню, – ты же моложе его и намного сильнее, значит, чувствуешь, что можешь взять наглостью. Ты прешь по бездорожью, как танк и не различаешь, что перед тобой человек, старше тебя. Научись уважать людей...

– Саня, вот только не надо меня лечить, – перебил Воробьева Сергей, – мне по фиг, кто он, не надо на меня помой лить. Я за себя всегда постою.

– А если бы он взял в руки пиковину, а не пошел ко мне за помощью? – спросил Александр.

– За слова резать!

– Серега, а честь человека для тебя пустое? Я могу свернуть тебе шею, потому как не уступлю в силе, а он? Что делать старику? Если тебе по фиг мой совет, то я вынесу этот конфликт на разбор к авторитетам. Может, ты с ними согласишься, что не прав в этой ситуации. Ну, как, толкаем мое предложение дальше или пойдем, сварим кружку чифиря и замнем все для ясности.

Сергей моментально сообразил, что Воробьев встал на сторону старика и разборки в кругу братвы могут закончиться для него плачевно. Он протянул руку для заключения мира. Старик принял молчаливое примирение и хитро улыбнувшись, обратился к Александру:

– Кто-то грозился чифирком угостить, али мне послышалось...

Воробьев улыбнулся в ответ и ответил шуткой:

– Не деритесь воры, вас и так мало. Пойдемте, обмоем мировуху.

Подполковник Кузнецов крепко помнил Дронова и, хотя он отбыл в мир иной, все равно иногда всплывал в памяти. Кроме этого, трое заключенных, осужденных за бунт в колонии общего режима, попали на «Пятерку». Вдруг они краем уха слышали о прошлой связи Кузнецова с Дроновым. Потому эти зэки попали под прессинг администрации. Один содержится на данный момент в БУРе, другой получил тюремный режим и отправлен этапом к месту отбывания наказания, но третий, как бельмо на глазу, мешал Кузнецову пребывать в умиротворенном состоянии.

Жить бы спокойно Воробьеву, да отбывать свой срок, но мешал он Кузнецову. Не только ему, но и знакомому, с которым Кузнецов с некоторых пор имел тайные дела в производстве. Речь шла о Садовникове, тобишь Аркане, который при встрече дал кое-какие указания

подполковнику проявить пристальное внимание к Воробьеву. По линии режимной части его постоянно наказывали, а вот с оперативной точки зрения, как выражался начальник оперчасти колонии майор Цезарев: «Этого типа надо крепко взять за жабры или накрыть нашим колпаком». Встретившись вне планерки с Цезаревым, Кузнецов попросил его об одной услуге, чтобы оперативник подключил своих агентов и помог уличить Воробьева в каком-нибудь серьезном нарушении. Ссылаясь на участие заключенного в бунте и его непримиримое отношение к людям в погонах, Кузнецов естественно умалчивал, что основной причиной прессинга Воробьева, является просьба Садовникова. Цезарев пообещал помочь.

Однажды поздно ночью, когда смена контролеров пришла проверить Воробьева, то застала его спящим на чужой кровати. Александру пришлось лечь в другую постель, так как ночью в проходе Волкова шла азартная игра в карты с заключенными из других отрядов. Александр спал, как всегда, натянув на голову одеяло. Прапорщик бесцеремонно сдернул с него одеяло и посветил фонарем в лицо. Терпению Воробьева пришел конец. Мало того, что они ночью грохочут сапогами по полу, подобно стаду парнокопытных и вдобавок еще будят похамски. Он соскочил с постели и обложил контролеров непристойными словами. Его доставили в надзорную службу к ДПНК, приказавшего без разбирательства увести Воробьева в ШИЗО и закрыть до утра в «нолевке»¹⁷.

Наутро заявился Кузнецов и, открыв дверь камеры, с издевкой произнес:

– Ну, что шерсть бегониевая, покуролесил. За то, что спал не на своем спальном месте и за оскорбление контролеров, ты заработал пятнадцать суток, – Кузнецов с угрозой в голосе добавил, – если еще раз подобное повторится, они накатают на тебя заявление, и за мелкое хулиганство ты будешь привлечен к уголовной ответственности.

– Начальник, за языком следите, если вы не знаете значение словам, то не бросайтесь ими попусту...

– Ты что, щегол, жизни меня вздумал учить, – Кузнецов вперился хищным взглядом в осужденного.

После произнесенного оскорбления Александру в голову ударила кровь, хотелось ответить дерзостью наглому подполковнику, но вовремя вспомнил слова Дронова: «Никогда не давай мусорам повода затянуть себя в глубину провокации, пусть они выходят из себя, а ты смейся им в рожу и убивай спокойствием». Потому Воробьев внутренне собрался, глубоко вздохнул и как можно спокойнее, ответил:

– Хорошо гражданин начальник, сейчас сила на вашей стороне, но, по сути дела, вы не правы. Если б я не знал, кто вы и на что способны, то послал бы вас куда-нибудь подальше, – интригуяще ответил Александр.

– Ах ты... – Кузнецов еле сдержался, чтобы не перейти на личное оскорбление, но видимо что-то подозрительное моментом проскочило у него в голове, и он резко спросил, – ты знаешь меня? Что-то я тебя лично не припоминаю. Вас бунтовщиков в зоне было много, – хитрил подполковник, – в каком отряде ты был, с какими блатными водил дружбу?

– Какая вам разница. Для меня важно другое, вы свое офицерское слово нарушили, и честь свою смешали с грязью, дав на плацу обещание всем заключенным зоны. Надеюсь, не забыли, как дали Дронову слово офицера.

При упоминании Дронова, Кузнецов внутренне напрягся и, окинув Александра презрительным взглядом, со злостью прошипел:

– Ты еще мне будешь об этой мрази упоминать! Воробьев, хочешь оказаться самым несчастным в зоне? Ведь затрюмю. Понял меня!

– Вы меня на понял-то не берите, и я ваших угроз не боюсь. Эту грозу, да на ночь, – Александр ехидно улыбнулся.

¹⁷ Нолевка – камера предварительного заключения

– Дежурный, – закричал подполковник, – закрой его в карцер. Постановление на десять суток я выпишу позже.

– Пену сотрите с губ, гражданин начальник, а то я смотрю, у вас крыша начинает потихоньку на бок сползать – усмехаясь, сказал Александр и вышел за надзирателем из кабинета.

Поздно вечером, когда в изоляторе объявили отбой, дверь в карцер резко распахнулась. Александр машинально вскочил на ноги с бетонного приступка. В дверном проеме стоял человек под два метра ростом. При тусклом свете блеснули звездочки на погонах. Александр узнал его, это был заместитель командира охранной роты капитан Бражников, метко прозванный заключенными – «Шифоньером».

– Руки назад! – скомандовал капитан, – выходи и по коридору направо.

Бражников повел Воробьева в прогулочный дворик, расположенный на улице. Закрыв за собой дверь в дворик, капитан повернулся и, отложив резиновую дубинку к шершавой стене, издевательски произнес:

– Ты что же малец, начальство не уважаешь. Почки давно не опускали. Придется преподать тебе урок вежливости.

– Ты, что ли учитель? Ну-ну, попробуй, может, что и получится.

Александр отступил на два шага и внимательно следил за каждым движением офицера. Амбал метнулся к Воробьеву и, выкинув правую ногу вперед, сделал попытку ударить в пах. Но Александр, ребром ладони парировал удар. Капитана при этом развернуло. Воробьев со всей силы пнул противника под колено.

– Ах ты сученок! – взвыл от боли амбал и попытался достать Воробьева кулаком слева. Но Александр поднырнул под руку и смачно припечатал капитану кулаком в левый бок. Офицер охнул и, схватившись за ушибленное место, в растерянности отступил назад.

– Ты что, спортсмен или служил где-то? Ну, ничего, сейчас я тебя достану.

Амбал подскочил к стене и, схватив дубинку, ринулся на противника. Воробьев мгновенно отреагировал отработанным приемом: парировав левой рукой дубинку, с силой двинул ногой капитана в пах. Не давая амбалу опомниться, ударил кулаком в подбородок и, применив подсечку, свалил на землю.

Дубинка выскользнула из руки офицера и Воробьев, подняв ее, поднес к лицу ошеломленного Бражникова, с иронией в голосе, сказал:

– Дурак, чему тебя только в армии учили? Дать бы тебе по соплям, да срок получать за тебя не охота.

Отбросив дубинку в угол дворика, Александр подошел к двери, и крикнул:

– Старшой, води меня назад в камеру.

Прапорщик, увидев поднимающегося с земли капитана, изумленно раскрыл глаза и, недоуменно пожав плечами, безмолвно проводил Воробьева до двери карцера.

Когда дверь захлопнулась, Александр все еще был возбужден, но душа его ликовала. У него все получилось, он сдержался во время острого разговора с Кузнецовым, а теперь не дал избить себя этому Шифоньеру. Но, радость быстро сменилась тревогой, он прекрасно знал, что просто так, от него не отстанут, и был прав. Он отчетливо услышал, как по коридору забегали люди, как кто-то с дежурки вызывал по телефону дополнительный наряд контролеров. Александр приготовился обороняться, прижавшись спиной к торцевой стене. Послышался шум открываемого замка, дверь распахнулась настежь... И... Мощная струя воды, выпущенная из пожарного рукава, захлестнула Александра. Воспользовавшись замешательством заключенного, контролеры навалились на него скопом и надели спереди наручники. Били дубинками и кулаками по корпусу, по почкам, стараясь не наносить удары в лицо. Александр, скорчившись, лежал на мокром полу. Расслабившись, он не сопротивлялся, а только прикрывал голову руками.

Заслышав возню и крики в карцере, арестанты из соседних камер подняли шум, дружно поддерживая заключенного Воробьева. Контролеры уgomонились и, захлопнув двери, оставили лежать его на бетонном полу.

По изолятору разносились матерные возгласы:

– Твари позорные! Козлы вонючие!

Пожилый старшина, дежурный по ШИЗО, спокойно отвечал на оскорбления:

– Козел не козел, а сто пятьдесят получаю и вас охраняю.

На следующий день в ШИЗО заявился Кузнецов, сопровождаемый двумя прапорщиками, видимо вчерашний «урок» Воробьева кое-чему научил их. Они не решались встретиться с ним поодиночке.

– Ну, что Воробьев, допрыгался, капитан сейчас пишет на тебя заявление, и администрация колонии даст ход бумаге, и опять новый срок за избиение человека при исполнении.

– Не смеши начальник, такого дуболома, пожалуй, избыешь, я только оборонялся от его дубинки, а вот он неправомерно применил техническое средство. Я ведь могу обжаловать его заявление у прокурора по надзору или, в крайнем случае, написать встречное заявление о моем избиении. Смотри, что твои псы наделали, – Воробьев задрал полу куртки, показывая покрасневшие от ударов бока, веди меня в санчасть, будем побои снимать.

После подлости Кузнецова, с культурного обращения Александр перешел с ним на ты. Подполковник внимательно взглянул на Воробьева и с сарказмом произнес:

– Ишь, какой грамотный. Ну, ладно, будем считать, свое ты получил сполна. Но запомни, станешь применять недозволенные приемы, закуем в наручники.

– Да ладно начальник, не мети пургу, говори, чего хотел и веди назад в камеру.

Подполковник кивком приказал прапорщикам выйти из кабинета, и обратился к Воробьеву:

– Парень ты молодой, да вижу слишком шепутной. Ты бы не борзел сильно, а то ведь я другие меры приму. Со мной надо дружно жить, я на своем веку разных уркачей повидал, еще круче тебя были, и тех обламывал.

– Да, конечно, – произнес с сарказмом Александр, – я видел, как ты на общаке нас обламывал, прячась за спинами вояк. Ломай – это твое дело, только покорности от меня не дождешься, не на того нарвался.

– Воробьев, «Пятерка» это тебе не общак, а строгая зона, и за тобой никто не пойдет. Здесь сами себе головы, и твоя бравада и зазнайство, что ты бунтовал, никого не тронет, а если я, хоть краем уха услышу, что ты подбиваешь мужиков к неповиновению администрации колонии – жди неприятности. Запомни, у меня есть все полномочия: тебя, как опасного преступника, содержать в строгой изоляции от остальных заключенных. А теперь иди и думай, надеюсь, четырех месяцев ПКТ тебе будет достаточно, чтобы поумнел.

– Начальник, я считаю ниже своего достоинства просить у тебя снисхождения. Не дождешься! Возмущаться и оскорблять тебя, тоже не буду, мне лишний срок не нужен. Но, предупреждаю, время нас рассудит. И напоследок хочу напомнить: был один такой – майор Ефремов, ты помнишь, как он закончил свою жизнь.

– Угрожаешь?

– Нет, боже упаси, излагаю факты.

– Ну, Воробьев, ты меня достал! Заруби у себя на носу, я найду способ, как обломать тебя. Будешь ползать у меня в ногах, и просить пощады.

– Да не тешь ты себя несбыточными мечтами, дальше слов у тебя ничего не выйдет, а будешь прессовать меня, получишь ответку.

– Пугать меня вздумал, щенок! Пошел вон в камеру. Дежурный, – крикнул Кузнецов, – до перевода в ПКТ запири его в карцер.

– Не обольщайся, «Кузнец», что на тебя погоны подполковника навесили, – Александр напоследок решил немного подразнить офицера, – бывали случаи, когда генералов в рядовые разжаловали, а то и того хуже, садили на нары.

Кузнецов с опаской отнесся к словам заключенного, тем более «Кузнецом» называли его только люди, приближенные к авторитетным ворами. «Откуда ему известна моя кличка? Надо срочно что-то решать. Обращусь к Крутову, пусть они этого „жулана“ по-своему прижмут».

Глава 8 Смерть за смерть

Спустя время, после того, как Воробьева Александра посадили в ПКТ, Сергею Брагину пришло обстоятельное письмо из колонии строгого режима от агента. Он сообщал, что Кузнецов предпринимает против Воробьева репрессивные действия: его избили в изоляторе, грозились добавить срок и ко всему прочему, поместили в БУР.

«Достал этот Кузнец, пора его на место ставить» – решил Сергей. Открыв заветную папку, разложил перед собой компрометирующие документы и внимательно изучил. Один лист с очень важной информацией отложил в сторону, по мнению Сергея, его будет достаточно, чтобы у Кузнецова вспотело заднее место, когда он ознакомится с данными о своей кипучей деятельности. Брагин хорошо подготовился и изучил дела подпольных расхитителей государственного добра и, на какие рычаги надавить, тоже имел представление. Ирошенко знал многое о нелегальном предприятии Говорова и Кузнецова, и потому обстоятельно изложил все на бумаге. В принципе – это был с ног сшибающий компромат на подполковника, которого хоть сегодня можно пустить под пресс в отдел ОБХСС. Но Брагин был дальновидным человеком и, имея свою точку зрения на таких типов, как Кузнецов и Говоров, ждал удобного случая, чтобы напомнить им, кто они есть на самом деле. Завтра же подполковник получит конверт, содержащий взрывоопасную информацию и, ознакомившись, будет вынужден выпустить Воробьева из ПКТ. Сергей прекрасно знал, что постановление о водворении Александра было подписано начальником колонии, а так как Кузнецов трус, то на коленях будет умолять начальника, выпустить Воробьева в зону.

Сергей на днях встретился с Екатериной и передал ей коротенькую записку от сына, объяснив, что Александр какое-то время не сможет писать письма. Естественно, Екатерина забеспокоилась и засыпала Брагина вопросами,

– Сергей, Саше положено свидание, но почему он ничего об этом не пишет? Может, ты знаешь, что у него случилось? Почему ему не дают увидеться с родными?

– Катя, колония – это не изолятор, у тамошней администрации свои порядки. Но ты не расстраивайся, на днях я все улажу, и ты увидишься с Сашей. У меня есть хороший знакомый в управлении ИТУ, он поможет. Не беспокойся, эта схема действует.

Екатерина отнюдь не была слабой женщиной, но когда разговор заходил о сыне, глаза ее начинали поблескивать. Чувствовалось, что она не может сдерживать эмоции. Потому Сергей с трепетом и смущением наблюдал, как меняется ее настроение и как только она начинала переживать, ее лучистые, красивые глаза, становились влажными от слез. Они редко виделись, но уходя после каждой встречи, он испытывал волнение. Сергей чувствовал, что с ним происходят странные вещи, которые случались с ним в детстве, когда влюблялся в какую-нибудь девочку. Или в более поздний период, например в юности, когда вздыхал по девушке и ухаживал за ней.

Сдерживая волнение, он, молча, сам себя успокаивал: «Это нормально, когда красивые женщины смущают и волнуют нас. Катя... Просто она мне симпатична, – вздыхая украдкой, он продолжал мыслить, – к тому же она замужем, а это о многом говорит».

Попрощавшись с Екатериной, Сергей заспешил на квартиру к брату Анатолию, приехавшему ночью из Михеевки от Сергея Ирошенко. Вероятно, он привез много новостей. Брат, проснувшись от звонка, встретил его заспанным, но ополоснув лицо водой, поставил чайник на плиту и пригласил Сергея за стол.

– Ну, не тяни, рассказывай, как там Сергей.

– Все отлично. Они с дедом Михаилом нашли общий язык и почти не вылезают из тайги. Сережка побывал на дальней заимке, от которой был в полном восторге. Если коснется чего-то серьезного, никакая милиция не найдет к ней дорогу, добраться туда без проводника невоз-

можно. Серега рассказывал, что перед возвращением домой, оставил на едва заметной тропе, недалеко от избушки пару армейских «сюрпризов». Если кто-то захочет нахально вломиться в избушку, получит столько всего, что пропадет желание еще раз совать свой нос, куда не следует, – радостно, рассказывал Анатолий.

– Ты сказал Сергею, что Сашку скоро придется «освобождать» досрочно.

– Конечно, я объяснил ему, что урки совсем оборзели, пора их урезонить. Так же предупредил, что Сашку надо спасать. Братишка, Сереге не терпится приехать в город, сам понимаешь, его помощь здесь нужна.

– Передай ему, пусть немного потерпит, без особой нужды появляться в городе слишком опасно. Следствие по делу о побеге продолжается, и чтобы Серегу не обнаружили, нам нужно обезопасить его. Думаю, он не станет спорить по этому поводу.

– Скорее бы собраться всем вместе. Планов-то у нас полно, – тяжело вздохнув, мечтательно произнес Анатолий.

– Скоро, Толя, скоро. Вот вытащим Сашку и «Черная молния» кое-кому даст о себе знать.

Подполковник Кузнецов после работы, зайдя в свой подъезд, по привычке проверил почтовый ящик и обнаружил в нем запечатанный почтовый конверт без обратного адресата. Переполненный любопытством, вскрыл конверт и прочитал содержимое. По мере прочтения кровь сходила с лица. От внутреннего напряжения ноги и руки слегка задрожали. Качнуло в сторону. Кузнецов оперся о стену. От волнения перехватило горло. Ослабив галстук, расстегнул ворот рубашки. Еще раз, но уже медленнее прочел от начала до конца. В письме отражались по порядку поэтапные шаги его нелегальной деятельности, а точнее функционирование подпольного производства, начиная с самого его зарождения и заканчивая сегодняшним днем. Так же упоминалось, что кроме строительства дач и коттеджей, он занимается тайным производством мебели для кафе и ресторанов, налаженное совместно с директором предприятия Лисовым Михаилом Петровичем в промышленной зоне колонии строгого режима. В конце сокрушающего для него документа инкогнито приписал постскрипту:

«Таким компетентным органам, как ОБХСС и УГРО было бы интересно узнать, с какими преступными элементами Вы связаны в своем подпольном производстве. Всего вышеперечисленного Вы можете избежать, только в том случае, если Воробьев Александр будет выпущен из ПКТ, и в дальнейшем Вы оградите его от своего чрезмерного внимания. Надеемся на ваше понимание и в том числе, благоразумие. Срок исполнения – два дня. В противном случае Вас ждут крупные неприятности».

Забыв в горячке, что хотел обратиться к Крутову, Кузнецов, не откладывая, созвонился с начальников колонии Причаловым и договорился о неотлагательной встрече. Вернувшись в колонию, он спешно явился в кабинет начальника и стал сбивчиво объяснять о целесообразности выпуска Воробьева из ПКТ. Но из боязни не стал говорить про угрожающее письмо, а то Причалов, чего доброго, может прикрыть производство.

– Ты же сам настаивал, чтобы мы закрыли его. В чем дело, почему ты резко принял другое решение? – спросил Причалов.

– Борис Николаевич, просчитался я немного, вспылел, а нужно было Воробьева с оперативной точки зрения постепенно вести к другой части задуманного плана.

– Так нужно было согласовать свои действия с начальником оперчасти Цезаревым, а не ломать дров. Я ведь доверяю тебе, надеюсь на тебя.

– Николаич, я же тебе объяснял, что не хочу я подключать Цезаря. Лисов тоже просил, чтобы о нашем предприятии знало как можно меньше людей.

– Тогда сам решай проблемы. Что будешь делать дальше?

– Воробьева необходимо выпустить.

– Повторяю вопрос, с какой стати?

– Проследить за ним нужно, кое-какие люди в зоне за ним стоят, и они готовы подключиться для помощи, чтобы вытащить Воробьева из ПКТ.

– Замучаются вытаскивать. Назови фамилии этих людей.

– Надо его выпустить, тогда всю цепочку раскроем.

Кузнецов лукаво взглянул на начальника и, сунув руку под отворот кителя, достал конверт из внутреннего кармана.

– Николаич, зарплата подоспела,

– Что-то рано, вроде бы на той неделе была.

– Лисов премиальные выписал.

Причалов убрал конверт в сейф и, смягчившись, сказал:

– Сформулируй правильно постановление о смягчении наказания Воробьеву и отдашь мне на подпись. Пусть еще недельку посидит, и тогда выпустишь...

– Что ты, – перебил его Кузнецов, – здесь нужно ковать железо, пока горячо. Выпустим его завтра, а послезавтра уже будем знать всю цепочку.

Причалов согласно кивнул и махнул рукой, давая понять, что очень занят и времени для дальнейшего обсуждения нет.

Александра выпустили из изолятора на следующий день и уже к вечеру Брагины знали, что выиграли небольшое сражение за спокойствие и относительную свободу своего друга. Но впереди, если судить по надвигающейся грозе со стороны Садовникова – Аркана, Воробьева ждала коренная ломка. Но пока Кузнецов и Садовников готовились обрушить на него свой гнев, у Александра в жизни приключилось весьма радостное событие.

В один из погожих летних дней, Волков предупредил Воробьева, что в промзоне на углу столярного цеха будет осуществляться перекид. Со стороны свободы к забору должны подойти парни. После обеда трое знакомых Волкова заняли свои места у тыльной стены цеха. Александр присел на корточки на крыше, как раз над ними и закрыл свое лицо повязкой. Заключение, принимавшие перекид, чтобы не стать добычей надзорной службы и активистов, прятали свои лица под повязками. Иногда приходилось отбиваться от них, но подобные стычки, как правило, заканчивались изолятором. В окружении Волкова всегда были дерзкие парни, и они категорически отказывались отдавать полученный грёв и, чтобы не быть наказанными, принимали меры безопасности. Волков – сообразительный мужик и на рожон никогда не лез, но и отступать не привык, поэтому у него под рукой всегда была команда надежных получателей грёва.

Вдруг со стороны свободы, за невысоким забором, откуда не возьмись, появилась девушка со светло-русыми волосами. Она помахала рукой, предупреждая человека на крыше, чтобы заключенные были готовы принять грёв. Александр отчетливо разглядел ее фигуру и черты лица, она показалась ему очень симпатичной. С часовым угловой вышки заключили договоренность, чтобы во время перекида, он прогуливался по тропе нарядов и отошел, как можно дальше от вышки. Естественно Волков заплатил за его безучастие. Наконец раздался предупредительный свист, и полетели небольшие пакеты. Бросали четверо парней, да так далеко, что приходилось бегать вдоль цеха и собирать пакеты по всей территорией столярного цеха. Когда парни закончили бросать грёв, Воробьев осмотрелся вокруг и, убедившись, что все разбежались, громко обратился к девушке:

– Красавица, можешь подождать пять минут?

– Зачем? – ответила она вопросом на вопрос звонким, приятным голосом

– Я тебе пару строчек черкану.

Девушка согласно кивнула и отошла от забора.

Александр, пулей спустился с крыши, влетел в ворота цеха и, забежав в каптерку, принялся писать. Начертал пол-листа, предлагая девушке заочное знакомство, и в конце припи-

сал свой адрес. Сложил записку вчетверо и, сунув в кармашек самодельного фартука, сшитого в швейном цехе по заказу, с трепетом в груди проделал обратный путь. Александр свистнул и запустил сверток на свободу. К забору подскочили парни и, подняв пакет, передали девушке. На прощание она приветливо махнула рукой и направилась к девятиэтажному зданию, расположенному недалеко от зоны.

Прошло три дня. Александр, не особо веря, что девушка ему ответит, уже перестал думать о мимолетной встрече. Завхоз, раздавая письма, протянул Воробьеву два конверта: одно письмо было от мамы, а другое, непонятно от кого, в поле обратного адресата стоял прочерк. Но достав письмо, Александр мило улыбнулся. «Ответила все-таки. Подписалась Аленой, и адрес даже оставила! Ну, теперь не спугнуть бы ее какой-нибудь несуразицей» – и пошел в свой проход между шконками, писать ответ.

Буквально через два дня он снова получил письмо от Алены. Вот так началось их увлекательное заочное знакомство, сопровождающееся десятками писем.

Заметив, что Воробьев стал получать много писем, некоторые эки догадались, что у Александра появилась девушка. По этому поводу он получил несколько язвительных и недоверчивых замечаний от бригадников, к примеру: заочное знакомство недолговечно, а если ему суждено развиваться дальше, то женщины на свободе не в состоянии ждать своих мужчин, потому как природа берет свое. Но когда разгорелась дискуссия на эту тему, нашлось немало сторонников заочной дружбы. Волков поддержал Воробьева, отстаивая обоюдную точку зрения.

– Если кто-то из вас сомневается, что заочница – это бесполезное времяпровождение, тот и никогда не узнает настоящей, романтической любви.

Знакомые Волкова захихикали и с сарказмом заметили:

– Опять Волоху потянуло на житейскую философию.

Но, чтобы дослушать Волкова, некоторые соседи по койкам зашумели на мужиков, мешающих дальше развивать сокровенные мысли о любви.

– Любовь накрывает, как волна. Сердце рвет на части. Спасения нет и только нежные, и ласковые слова действуют, как бальзам на душу, излечивая этот недуг. Мы отдаем себя без остатка, так как верим, что заочница, поступает так же. Тоскуем, переживаем, а порой даже крышу срывает, но получая письма, радуемся и чувствуем себя счастливее всех на свете.

Трудно было не согласиться с его словами, а особенно тем, кто уже испытал в своей жизни подобное явление.

– Я как-то по молодости сидел в Краслаге, – продолжал Волков, – и заочно познакомился с одной женщиной, а жила она тогда в Томске. Запала она мне в душу, захотелось чего-то нового, светлого в жизни, а не серых тюремных будней. Я пообещал, что после освобождения завяжу с преступным прошлым и приеду к ней. Я по началу, как мыслил, так и поступал. Плюнул на все и к ней. Встречала она меня на вокзале. Эх, как же было романтично. Ветер играл с ее выющимися волосами, и задирал подол платья. Она высматривала меня среди людской толпы, держа в руках мою фотографию. Наконец, мы встретились, чутко приобнялись, правда, целоваться сразу постеснялись.

Среди слушающих эков послышалось хихиканье.

– А что, мужики, мы реально комплексовали, хотя в письмах уже давно награждали себя поцелуями. Короче, тормознулся я у нее на месяц, даже мыслишка возникла, остаться насовсем. Да видно не судьба, опять черт попутал, на толкучке по привычке занесло мою руку в чужой карман. За мной уже баллоны пасли, в общем накрыли с поличным и впаля мне тогда судья очередной срок.

– Вот видишь, чем закончилась твое заочное знакомство, баба сейчас с другим мужиком свою жизнь налаживает, а ты здесь паришься, – шутя, подковырнул его сосед по шконке Карпенков, которого, в отличие от Волкова, на свободе ждала жена.

– Не о том ты говоришь. Ты весь цимус в этой истории усек? – пытливо спросил Волков Карпова и, не ожидая ответа, как по напечатанному, заявил, – мужчине в его жизни отводится пять-шесть химических циклов. Если ты не полюбишь женщину в один из этих моментов, хотя бы заочно, захиреешь, и свою следующую возможность упустишь.

– Лишь бы этот момент не возник, кода ты в зоне сидишь, – смеясь, вставил один из зэков. Мужики поддержали его дружным смехом.

– Так что Санек, влюбляйся в женщин и никого не слушай, – обратился Волков к Воробьеву, – но готовься к душевным мукам, так как твоей заочницы рядом нет. А любовь, это дело хорошее, она очищает наши мозги от накопившейся трухи.

Конечно, Александр быстро усваивал такие уроки, потому как сердце подсказывало ему, что идет верным путем. Порой он места себе не находил от ожидания, но получив очередное письмо, радовался как ребенок. Сразу же садился отвечать. Да вот беда, заключенному на строгом режиме полагалось отправлять всего два письма в месяц. Маме в обязательном порядке, оставалось одно письмо Алене. Но существовал другой способ – это обращение через знакомых к вольнонаемным людям, нелегально отправляющим письма на свободу.

Из писем он узнал, что Алена живет с мамой в двухкомнатной квартире, учится в медицинском институте, пошла, так сказать по ее стопам. Девушка писала часто, много и красиво, легко подбирая нужные слова. По всему было заметно, что она скучала по общению с парнем. Только одно настораживало Александра: «Неужели на свободе такой красивой девушке трудно найти себе парня? Хотя для этого у нее могут быть свои причины».

После расставания с бывшей девушкой Наташей, прошло немало времени. Боль разлуки постепенно утихла, но всегда в голове крутился один и тот же вопрос: «Была ли у нас любовь?» С его стороны – пожалуй, да и после воспоминаний, он каждый раз убеждался, что до сих пор не мог ее забыть. Потому постоянно хотел и искал знакомства с девушкой, чтобы уйти с головой в заочное общение. Случай с Аленой стал тому подтверждением.

Александр иногда вспоминал Ларису, с которой случайно встретился на Тарбазе, но к ней в его сердце ничего похожего на любовь не шевельнулось. Наверняка он считал себя однолюбом, и к тому же сказывалось воспитание матери, показавшей на собственном примере, как должна любить женщина. Мама столько времени надеялась и ждала, когда ее муж одумается, покончит с разгульным прошлым, но оказалось, что она ошибалась и все ее старания оказались напрасными. Он поступил со своей семьей, как последний подонок и, променяв на бутылку «султыги», бросил в тяжелый момент. Мама для Александра была подобна путеводной звезде, направляющей его к осуществлению желания встретить девушку, схожую по характеру. Только не мог Александр пока понять, как такая видная и правильная в своих мыслях Алена, оказалась в день знакомства рядом с зоной у забора? «Придется спросить ее об этом при случае, – улыбнулся Александр, посылая Алене очередное письмо.

Вот так, неспешно, от письма к письму, их заочная дружба стала перерастать в более серьезные отношения.

Прошел месяц, после того как Воробьева выпустили из ПКТ. С самого начала он догадывался, что сподвигло Кузнецова на такой нежелательный шаг. Находясь на расстоянии от братьев Брагиных, он замечал их участие в своей жизни. Они помогали ему, чем только могли. Тайно делились новостями, информацией о положении дел, как своих, так и разбойной шайки аркана. Нелегально переправляли посылки с продуктами и одеждой, иногда через знакомых передавали деньги, в том числе и от мамы. На строгом режиме осужденному была положена одна передача и посылка в год, да и тех Александра лишили права получения. Две килограммовые бандероли в год погоды не делали: носки, нижнее белье, шарф, вот, пожалуй, и все, что могло войти в общий вес. Свиданий, кстати, он тоже был лишен. Но, как оказалось позже, это был решаемый вопрос.

В один из июльских дней к Воробьеву подошел завхоз и объявил, что его вызывают на КПП. Почему-то Александр подумал, что в Спецчасть пришел документ по поводу уголовного дела, посланного в Верховный суд для пересмотра. По прибытии на КПП, Воробьева без всяких проволок проводили в помещение для общего свидания, где располагались телефонные секции. Александр был весьма удивлен, когда увидел через стекло свою маму.

Екатерина очень обрадовалась встрече с сыном, пусть даже отводилось полчаса на переговоры по телефону. Она объяснила, что первый раз ее не пустили, сказали, что он лишен свидания. Неделю назад она встретила с их общим знакомым и поделилась своей печалью, но он успокоил ее и заверил, что в следующий выходной можно смело навестить сына. Александр сразу понял, что речь идет о Брагине.

– Сашенька, а когда тебе разрешат личное свидание, мне так хочется тебя обнять.

– Мама, наш знакомый наверно тебе рассказывал, что я не особо «вежливо» повел себя с администрацией, придется немного подождать, пока все уляжется.

– Сдерживай себя, я очень тебя прошу.

– Я постараюсь.

– Саша, я все хотела спросить, ты переписываешься с какой-нибудь девушкой?

– Ну... – ответил он намеком и улыбнулся.

– Правда?! У тебя кто-то есть?

– Ее Аленой зовут, хорошая девушка.

– А как вы познакомились?

Александр сделал знак рукой, показывая, что бросает что-то вперед. Он, конечно, имел в виду письмо, переброшенное через забор.

– Не совсем тебя поняла.

– Ладно, мам, не важно, главное, что мы с Аленой понимаем друг друга и любим писать письма.

– Сыночка, я рада за тебя.

Глаза Екатерины наполнились слезами.

– Мама, пожалуйста, не нужно плакать, мне самому нелегко.

– Хорошо сынок, я постараюсь.

Не успели они, как следует поговорить, а дежурный офицер объявил, что свидание закончено, но прежде, чем отключили телефоны, Александр успел сказать:

– Мам, ты прости меня за все.

Екатерина успела расслышать его фразу и молча, кивнула. Они стояли друг против друга, устремив взгляды через стекло. У обоих глаза блестели от слез. Пришло время расставаться, и никто из них не знал, когда снова предстоит встретиться. Жадно ловя взгляды, мать и сын часто оглядывались, пока оба не скрылись за дверью.

Ожидая решение Верховного суда, Воробьев сгорал от нетерпения, активно включиться в работу организации. Он понимал, что его друзья на свободе готовятся к осуществлению разных акций. Конечно, он переживал, что разлучен с ними и здесь – в зоне, ограничен в действиях. Но однажды, подвернулся случай и он внес свою лепту в общее дело.

Как-то внимание Александра привлекло поведение одного человека. С виду это был суховатый, невзрачный и неряшливый мужчина, а прославился он тем, что систематически употреблял «гомыру». Среди заключенных его так и кликали – «Гомырщиком». Доставая в зонах условиях нитрорастворитель, методом перегонки изготавливал своеобразный алкогольный напиток, что было строго запрещено режимом. За подобное нарушение он неоднократно попадал в ШИЗО. Шел слух, что он отбывает срок за изнасилование, не то своей дочери, не то малолетней девочки, но когда его конкретно спрашивали об уголовном деле, он постоянно

отмалчивался. Казалось бы, зачем этому Гомирщику на свободе женщина, для него бутылка водки дороже любой постельной сцены.

Александра заинтересовали слухи о Гомирщике и, собрав на него кое-какую информацию, переправил братьям Брагиным. Вскоре братья прислали ответ, удивив Воробьева объективными данными: за личиной тщедушного мужичка скрывался не только насильник, но и убийца девочки-подростка. История его уголовного преступления была настолько цинична и подла, что заставила Александра включить Гомирщика в разряд лиц, преследуемых организацией. Освободившись в очередной раз из колонии, Гомирщик познакомился с женщиной, которая приняла его и пустила к себе жить. Женщина воспитывала восьмилетнюю дочь, которой почему-то сразу не понравился новоиспеченный «папа», но спустя некоторое время девочка перестала относиться к нему настороженно и даже привыкла к отчиму. Она всегда его слушалась и не перечила. Мать, видя, как они нашли общий язык, была довольна гражданским мужем и благодарила судьбу, что ей встретился такой внимательный мужчина и положительный отец ее ребенку. Так как совместных детей они не планировали, свой брак не спешили регистрировать, и Гомирщик прожил у женщины около пяти лет, и еще бы жил, пока она не обнаружила страшную тайну. Отчим с восьми до двенадцати лет втайне сожительствовал со своей падчерицей. В первый раз все произошло как бы случайно: девочка простудилась и заболела, и он за ней ухаживал. Падчерица, ничего не подозревая, позволяла прикасаться к себе. Его возбуждало это прикосновение, особенно, когда он растирал ее тело лечебным раствором и, не сдержавшись, принялся покрывать тело девочки поцелуями. Сначала она сопротивлялась и боялась интимных проявлений отчима и, как свойственно провинившемуся ребенку, боялась признаться матери в домогательствах «папаши». Затем он запугал девочку и принудил удовлетворять свою похоть, заставляя ее ложиться с ним в постель. Конечно, связь с девочкой была довольно редкой, а не то бы его сожительница догадалась по поведению дочери, что здесь что-то не так. В конечном счете, мать застала его с дочерью в одной постели. Вот тогда девочка и призналась маме, что отчим уже несколько лет заставляет ее заниматься «этим», держа в постоянном страхе. Женщина собралась пойти в милицию, но Гомирщик правдами и неправдами уговорил ее принять свою историю. По глупости она поверила словам сожителя, который клялся и божился, что он просто лежал с девочкой и ничего плохого ей не делал. Что, мол, дочка, испугавшись наказания мамы, выдумала все, и наговорила на него. После разговора женщина не стала пока заявлять в милицию, а решила отвести дочь к гинекологу. Но вскоре с дочкой что-то произошло, ей становилось все хуже и хуже, девочка жаловалась на сильные боли в животе. Скорая помощь увезла девочку в больницу, где в реанимации через два дня она скончалась от отравления.

После вскрытия у следователя возникла версия: девочку отравил кто-то из близких людей. По подозрению в убийстве арестовали отчима и взяли под стражу. Во время плотных и грамотно проведенных допросов, Гомирщик сознался: ради того, чтобы скрыть свою интимную связь с падчерицей, он подлил ей в лимонад щелочь, а после таким же способом хотел расправиться с сожительницей, чтобы присвоить ее имущество.

Двенадцать лет строгого режима получил он за свое злодеяние. За подобные преступления в колонии к таким преступникам относились отрицательно, приравнивая их к статусу «опущенных». К ним «приклеивали» униженные и отвратительные клички, называя порой, «неотделанными петухами».

Прошло немного времени и вот, Александр через надежный источник получил от Брагиных четкие указания и небольшой пакетик с серо-коричневым порошком. Суть акции состояла в следующем: разрабатывая план по наказанию насильника и убийцы, братья решили, что «громко» устранять его не следует. Пусть он разделит участь убиенной им девочки. Порошком оказалась смесь галлюциногенных препаратов, растолченных частиц «священного как-

туса Пейотля» и красного мухомора. Воробьеву надлежало незаметно растворить препарат в гомыре, которую употреблял убийца.

Заключенные, работающие в одной бригаде с Гомырщиком, совершенно не обращали внимания на его попойки, даже администрация в последнее время не особо наказывала его за подобное нарушение. С его помощью цех по изготовлению мебели постоянно вытягивал план. Работал он на проклейке поролона к сидениям стульев в три смены, не выходя из производственной зоны. На участке, в своем закутке ел и спал. Порой, напившись гомыры, он конкретно сходил с ума: ползал среди стульев, начинал хрюкать, словно свинья или внезапно его разбирал безудержный, идиотский смех.

В один из дней июля бригада вышла работать во вторую смену. Дело шло к вечеру, на улице быстро темнело. Гомырщик, изрядно нахлебавшись в очередной раз своего пойла, устроил на участке обтяжки бесплатный концерт, с обезумевшими глазами он ползал по проходу, веселя заключенных. Затем он разразился идиотским смехом и, отборно покрывая всех и вся матами, пополз в закуток. Не добравшись до места, его стошнило прямо на собственную куртку и штаны.

В таком виде и застал его Воробьев. Гомырщик находился на своем рабочем месте и сидя на полу, чертил руками в воздухе круги. Его глаза были совершенно пусты и безумны. На Александра он не обратил ни малейшего внимания. Воробьев подошел к нему вплотную и на ухо тихо произнес:

– За столярным цехом стоит угловая вышка, ты должен туда пойти. Для тебя будет открыт проход на свободу. Часовому разрешено пропустить тебя. Поспеш! Время ограничено – всего пять минут, потом проход будет закрыт, и ты уже не попадешь на свободу.

Слова Воробьева подействовали на туманное сознание Гомырщика, как приказ. Он сорвался с места и, выскочив из цеха, пустился бежать к вышке с часовым. Очутившись рядом с запретной полосой, огляделся, но никакого прохода не увидел. Тогда он уцепился руками за прутья металлического забора, и полез наверх. Спрыгнув с забора, подступил к запретной полосе, огороженной первым рядом колючей проволоки. Часовой на вышке, схватив телефонную трубку, стал консультироваться у начальника караула:

– Какой-то тип перепрыгнул через железный забор и, по всей видимости, хочет пересечь запретную полосу. Мне что, стрелять в него?

Получив однозначный ответ, часовой направил дуло автомата надвигающего человека и громко крикнул:

– Стой или буду стрелять!

Казалось, человек в форме заключенного не слышал грозного предостережения и, ухватившись за колючую проволоку, полез наверх. Противно заголосила сирена. Со стороны центральной вахты по тропе нарядов устремились вооруженные солдаты.

Часовой сделал два предупредительных выстрела поверх головы нарушителя и тщательно прицелился. Как только беглец оказался посередине запретной полосы и приготовился пересечь еще одно препятствие, прозвучала очередь из автомата. Метнувшийся в свете фонарей заключенный, вдруг замер и рухнул на землю.

Когда к месту происшествия подбежал начальник караула с солдатами, все было кончено. При свете фонарей они увидели лежавшего вниз лицом человека. По земле расплзлось большое пятно крови. Караульная собака поначалу подняла лай, но обнюхав неподвижное тело, успокоилась и присела возле проводника. Картина была ужасная: голова неестественно откинута чуть в сторону, и соединяла ее с туловищем только окровавленная жила. Шея и грудь пострадавшего были сильно повреждены автоматной очередью. При виде окровавленного трупа, некоторых солдат стошнило. При осмотре одежды, в нагрудном кармане начальник караула обнаружил небольшой треугольный знак, которым отмечают объекты с напряжением тока опасного для жизни. Накрыв тело плащ-палаткой, начальник караула срочно доложил

по телефону обстановку. Вскоре прибыло начальство из охранной роты и ДПНК колонии с дежурным нарядом контролеров. После осмотра, вызвали начальство и сообщили о ночном инциденте дежурному по управлению. Возник вопрос, как перенести труп до вахты. Доставили носилки и два мешка. Начальник караула, оказавшись не брезгливым, как ни в чем не бывало, натянул мешки на мертвое тело и перевалил его на носилки,

Начальник оперчасти Цезарев, дежуривший на сутках, не видевший до этого подобных зрелищ, спросил командира охранной роты:

– Его что, собаки разорвали?

– Караульным солдатам выдают патроны, они оснащены пулями со смещенным центром тяжести. Получит беглец такую пилюлю, загнется наверняка.

Через некоторое время после проведенного следствия, у братьев Брагиных появилась возможность ознакомиться с актом экспертизы: *«Учитывая повышенную степень пристрастия умершего заключенного к спиртосодержащим напиткам, напрашивается соответствующий вывод: на почве чрезмерного употребления сомнительного в происхождении алкогольного напитка, осужденный „такой-то“, получил слуховые и зрительные галлюцинации, что и привело к неотвратимому роковому последствию, при попытке пересечь запретную полосу, он был застрелен часовым из автомата».*

Эта кара убийцам и насильникам детей была четвертой по счету. Тайная организация «Черная молния» продолжала действовать.

Глава 9 Побег рецидивиста

Сергея Брагина еще несколько раз вызывали на допросы, но уже в качестве свидетеля, а не подозреваемого. Полковника Шилова в связи с побегом Ирощенко, после расследования признали виновным в должностном преступлении и должны были привлечь к суду. Дело, расследуемое в прокуратуре, поплавав какое-то время от следователя к следователю, непонятным образом оказалось в руках хорошего знакомого Шилова, и вскоре вопрос о суровом наказании был закрыт. Тем не менее, с погон полковника все же была снята одна звездочка и его перевели на менее ответственную работу. Теперь Шилов временно занимает должность заместителя начальника СИЗО по хозяйству в следственном изоляторе, где прежде был начальником.

Естественно, Сергея Брагина такой исход дела не устроил, он рассчитывал на более жесткое наказание своего бывшего начальника. Тем не менее, прекрасно понимал, что в системе существует круговая порука, и Шилов так легко отделался. Начальник оперчасти СИЗО-1 вместе с Шиловым, немного расслабились, посчитав, что гроза миновала. Но, буквально через месяц после понижения полковника в звании, начальнику управления ИТУ Новосибирской области Мамонтову поступила анонимная докладная, в которой указывалось, что в изоляторе функционирует черная касса. Держателем ее является начальник оперчасти СИЗО Григорян. Деньги вливаются в основной массе после тщательных обысков поступающих в тюрьму арестантов, а так же камерных «шмонов», предоставления личных свиданий, неразрешенных во время следствия и многих других дел, запрещенных инструкциями. В управлении по приказу начальника в отношении Шилова и Григоряна началось служебное расследование.

Когда все «стрелки», касательно побега Ирощенко были переведены на капитана Ермолова, последний оказался в очень щекотливом положении. После того, как майор КГБ Шаронов получил информацию от Брагина, что Ермолов соприкасается с уголовниками, комитетчик обратился с просьбой к своему бывшему начальнику полковнику Шатуре. Тот поручил своему заместителю Кашапову «поработать» как следует с Ермоловым и к нему применили квалифицированные методы дознания. Шатура мог бы отказать в такой просьбе, но у него возник интерес к осужденному Ирощенко, который во время бунта в колонии помогал авторитетному лидеру Дронову. А, как известно, Дронов был на крючке не только в политуправлении но и в оперативном отделе КГБ по области. В ходе допросов капитан Ермолов сознался, что был завербован уголовными авторитетами, и довольно часто выполнял их поручения, естественно все происходило за материальное вознаграждение. Ермолов во многом сознался, а именно: как проносил арестантам запрещенные предметы, по разрешению начальника оперчасти устраивал личные свидания подследственных с родственниками в изоляторе. Наладил поставку арестантам наркотических средств. Ему даже приходилось приводить любовниц за крупное вознаграждение. Пожалуй, немаловажная информация поступила от Ермолова в том, что он способствовал побегу другого осужденного, сообщая уголовникам точное время и день его этапирования в колонию. Речь шла о некоем Рыжкове, который при поддержке своих дружков, благополучно бежал из-под стражи во время пересадки из автомашины в спецвагон. Но Ермолов категорически отказывался от своего участия в побеге Ирощенко. Чувствуя, что его хотят пустить главным обвиняемым в этом деле, всячески сопротивлялся; настаивал на том, что произошедшее событие является стечением обстоятельств, и он строго выполнял приказы начальника СИЗО и дежурного по изолятору. Тем не менее, не отрицал, что перевел осужденного Воробьева в транзитную камеру. Для чего? Ермолов не знал, его попросили уголовники, а за деньги он пошел на соучастие в преступлении, хотя клялся, что ничего не знал о готовящемся убийстве осужденного.

Вскоре следствие по делу Ермолова закончилось. Сменив положение о подписке о невыезде, его арестовали и до суда поместили в изолятор уже в качестве обвиняемого. Ермо-

лову инкриминировали получение взяток, пособничество опасным уголовным преступникам и естественно, после осуждения он не имел права служить в органах МВД и прочих подразделениях, связанных с оперативно-розыскной деятельностью.

Что касалось группы офицеров КГБ, посещаемых пятничные вечеринки, то начальство отнеслось к ним весьма благосклонно: в качестве наказания группу оперов действительно перевели в другой отдел. Кое-кому из них было поставлено на вид, но больше всего пострадал Михаил Брылов: за утерю мундира, служебного удостоверения и несоответствие со статусом офицера влиятельных органов, его разжаловали и перевели в другую структуру. В данной ситуации помочь ему товарищи не могли, их самих подвергли дисциплинарным взысканиям.

Следствие по таинственному исчезновению из изолятора Ирощенко продолжалось, но уже не так рьяно, как это бывает в делах подобного рода, и уголовное дело могло возыметь статус нераскрытого преступления. Сыщики надеялись на счастливый случай: может от тайных агентов они получают информацию о его местонахождении или кто-то непредвиденно встретит преступника и сообщит в милицию. А может в ходе оперативных мероприятий его случайно обнаружат в одном из притонов, или как часто случается, попадет на каком-нибудь преступлении.

Чтобы запутать следствие и пустить дознавателя по ложному следу, Брагин решил немного с ним поиграть. Сергей отправил в прокуратуру анонимное письмо, в котором сообщил о гражданине Лешакове, состоящего в крепкой связи с криминальными авторитетами, называемыми во внутренней системе – ворами в законе. И что самое важное, следователь получил информацию из компетентных органов от майора Шаронова, что гражданин Лешаков, в прошлом неоднократно судимый, действительно имеет прямое отношение к побегу преступника из мест лишения свободы. Брагин в свою очередь направил еще одну анонимку, в которой пояснял, что Лешаков приютил у себя преступника, но, к сожалению, фамилия его не указывалась. Был ли это Ирощенко, оставалось для дознавателя под вопросом. Инспекторы УГРО для проверки информации поспешили в квартиру Лешакова, где он был прописан. Допрос Лешего многое бы расставил по своим местам, но, к сожалению, найти его не удалось. Шло время. Ни розыскники, ни следователь положительного результата так и не получили, Лешаков в Новосибирске не появлялся, а без надлежащего основания объявлять его в розыск, не имело смысла.

Сергей Брагин не желал упускать возможность поквитаться с пресловутым вором, за которым тянулся шлейф опасных преступлений. Разобравшись в ситуации, он выдвинул основную версию, что именно Садовников мстит Воробьеву за неудачи в тайге после своего побега из Томской колонии. Лешаков – вот кто может привести Брагина к Аркану и не важно, что официально вор фигурирует в списке без вести пропавших. Для Сергея теперь не было секретом, что смерть Садовника – это обыкновенная фикция, поскольку информация из надежных источников указывала на то, что он «подпольно» управляет криминальным сообществом в области.

Теперь у Брагина дела пошли быстрее, ибо к розыску Лешего подключились «союзники», прокуратура и КГБ. Получив от майора Шаронова кое-какие сведения, Брагин приступил к поиску Лешакова и, чтобы не спугнуть более крупного фигуранта в деле Воробьева, начал кропотливо собирать информацию на людей, находящихся в окружении Садовникова. Во время собственного расследования ему вспомнился разговор с Шароновым, как подручный Аркана Лешаков помог беглому преступнику скрыться от преследовавших его инспекторов УГРО. Подобные умозаключения привели Брагина к необыкновенной истории, приключившейся почти одновременно с потрясающим побегом Сергея Ирощенко из следственного изолятора. Но Брагин определенно знал, что два побега, совершенно не касающиеся друг друга, явились стечением обстоятельств. А дело обстояло именно так... В трехстах метрах от железнодорожного вокзала Новосибирск-главный, рядом с водонапорной башней, имевшей старинный архитектурный вид, располагался пункт по пересылке заключенных. Со следствен-

ного изолятора прибыла очередная спецмашина. Арестантов под усиленным конвоем планировалось переместить в «Столыпинский вагон», приспособленный для этапирования людей по железной дороге. Именно в этом автозаке находился особо-опасный преступник, направленный по этапу в колонию особого режима. Конечным пунктом назначения для осужденного был поселок Раисино в Убинском районе. Спецмашину-фургон, заполненную заключенными, направили в тупик. Обычно автозак подъезжал вплотную к спецвагону, стоявшему на первом пути, но на этот раз по вине железнодорожников вагон оказался на третьей ветке. Пришлось экстренно вызвать дополнительное отделение солдат внутренних войск из находящейся недалеко казармы. Создав живой коридор, офицеры и солдаты стали по одному переправлять заключенных из машины в открытую дверь спецвагона. Трое охранников с караульными собаками, непрерывно лающими на осужденных, заняли места по обеим сторонам живого коридора. Подгоняемые громкими командами охранников, заключенные быстро перебежали из одного места в другое. В дверях автозака показался парень в полосатой робе. В руке он держал громоздкий вещевой мешок и, как только прозвучала команда офицера: «Четвертый пошел», заключенный spryгнул с подножки автозака и быстро побежал к вагону. Стрельнув глазами по сторонам, «Полосатик» моментом оценил обстановку. Поравнявшись с офицером караула, расположенного возле самой дверцы тамбура, заключенный внезапно приподнял увесистый мешок и, что есть силы, бросил в старшего лейтенанта Пономарева. Получив неожиданный удар, офицер потерял равновесие и повалился на спину. В тот же миг в нескольких местах прозвучали громкие хлопки, похожие на оружейные выстрелы и между автозаком и вагоном по земле поползли клубы плотного, белого дыма. Буквально следом прозвучали дополнительные хлопки, и охранники почувствовали, как удушливый, слезоточивый газ проникает в легкие и разъедает глаза. Но на этом «бомбардировка» не закончилась, под вагоном гроыхнуло два взрыва, произведенных шумовыми петардами. Среди людей поднялась паника. Собаки, неистово лающие на заключенных, заскулили, беспокойно закрутились на поводках и, поджав хвосты, прижались к ногам проводников-солдат.

Заключенный в полосатой робе стремительно прыгнул под вагонзак и, оказавшись между путями, в растерянности остановился. Видимость была нолевая, все вокруг заволокло дымом. Резко вдохнув зараженный газами воздух, «Полосатик» зашелся в удушающем кашле и не в состоянии разглядеть что-либо перед собой, припал на корточки. Вдруг рядом возник человек, на голову которого был одет противогаз. Он схватил «полосатика» за рукав куртки и потащил вдоль путей. Сомнений не было, это был спаситель «полосатика». Помощь пришла вовремя. Пробежав несколько десятков метров, беглецы пересекли очередную железнодорожную ветку и бросились вдоль стоящего грузового состава. За спиной они слышали громкие возгласы охранников и резкие команды проводников, спустивших собак с поводков. Прозвучали запоздалые, короткие автоматные очереди.

Беглец и его спаситель, нырнули под стоявший состав, и оказались на следующем пути, но в этот миг на «Полосатика» прыгнула крупная восточно-европейская овчарка. Вцепившись зубами в рукав куртки, она злобно рычала и остервенело мотала головой. Но, в хорошо подготовленном побеге учитывался и такой вариант. В правой руке беглец сжимал острозаточенный пруток железа. Со всего размаха он всадил стальное жало собаке в нижнюю челюсть, проткнув горло и шею. Только после этого овчарка разомкнула челюсти и громко завизжала от боли. Беглецы нырнули под стоящий на соседней ветке состав. На расстоянии, растянувшись по путям, преследовали солдаты-охранники с собаками на поводках. Парни спешили изо всех сил, но бежать по крупному гравияу, рассыпанного вдоль полотна, было нелегко. Они резко остановились. Впереди, грохоча колесами по рельсам и, быстро приближаясь, неслась дрезина. Машинист, просигналив гудком, сбавил ход. «Спаситель», ухватившись на поручни, запрыгнул на подножку и ловко поднялся на верхнюю площадку. «Полосатик» следовал за ним и, ухватившись за поручни обеими руками, сделал попытку вскочить на подножку. Машинист заме-

тил бежавших вдоль линии солдат и прибавил газу. Рука «Полосатика» соскользнула. Какое-то расстояние он бежал рядом с дрезиной, уцепившись за поручень. Еще миг и пальцы разомкнулись. Он умоляюще взглянул на напарника и, задышав от нехватки кислорода, прокричал:

– Помоги...

«Спаситель» спустился на пару ступенек ниже и, ухватив за запястье «Полосатика», стал втягивать на площадку. Но в этот миг, спущенная с поводка овчарка, поравнялась с дрезиной и успела ухватить беглеца за сапог. Чтобы высвободиться, «Полосатик» отчаянно задержал ногой. Соскользнувший сапог так и остался в пасти овчарки.

Старший лейтенант Пономарев одним из первых поравнялся с платформой. Дрезина быстро набирала скорость. Офицер на бегу поднял пистолет и на удачу, выстрелил по ногам преступников. Пуля прошла мимо. Прозвучал ответный выстрел и Пономарев почувствовал резкий удар в правое плечо. Выронив пистолет, он резко остановился и, упав на колени, с отчаяньем посмотрел вслед удаляющимся преступникам.

Крупная овчарка быстро настигла дрезину, и какое-то время бежала рядом. «Спаситель» смерил взглядом расстояние до отставших солдат, ухмыльнулся и, прицелившись в собаку, выстрелил два раза подряд. Громко взвизгнув, пес закувыркался по земле.

Дрезина сбавила ход и беглецы, прыгнув на ходу, устремились к локомотивному депо. Пробежав мимо цеха, они завернули за угол и бросились по путям к тупику. Достигнув кленовых кустов, парни выскочили на пригорок и очутились на асфальтированной дороге, ведущей в густонаселенный частный сектор «Бурлинки». Недалеко с работающим двигателем и открытыми дверцами, стоял «Москвич» зеленого цвета. Рядом с машиной находился водитель и, заметив приближающихся парней, торопливо замахал рукой.

– Давай, давай братва, шустрее.

Они прыгнули на заднее сидение, и водитель резко нажал на газ. Взвизгнули колеса, надрывно зарычал движок и, понимая пыль, «Москвич» устремился к частным домам.

Несколько минут спустя, собака по следу привела солдат к дороге. Оседавшая пыль подсказывала, что отсюда только, что скрылась машина.

Водитель, проворно ведя «Москвич» по знакомым улочкам, глянул на парней в зеркало заднего вида и радостно сказал:

– Жека, с досрочным освобождением.

– Благодарю братва. Ох, и натерпелся же я. Когда на дрезине повис, думал мне крышка, но парняга спас, – улыбнувшись, ответил «Полосатик» и благодарно похлопал рукой сидящего рядом пассажира.

– На, вот, переоденься быстренько, – ответил напарник и протянул гражданскую одежду.

– Пацаны, ни хрена вы устроили кордебалет, менты в натуре перетрухнули. Я сам, и то подумал, что вы вместо хлопушек, натуральные гранаты взорвали.

– Учебные, но зато такого шороху навели, – с восторгом ответил «Спаситель».

– Куда сейчас, братва? – спросил «Полосатик».

– Едем к Лешему на съемную хату, нас там ждут. Вечерним поездом свалишь в другую область. Билеты уже на руках. Поедешь в отдельном купе вместе с нашим пацаном, а то с твоей «физой» опасно светиться на людях, приметы, больно у тебя запоминающиеся. Немного утрясется с твоим рывком, вернешься в Новосиб. Подтянем тебя к серьезным делам. Хватит бакланством заниматься, пора за серьезные дела браться. Помни Жека, кому ты обязан свободой. За Лешим такие люди стоят...

– Варешку прикрой, – резко одернул водителя «Спаситель» – время придет, сам все узнает.

Жека хищно прищурился, ему не понравилось, как парень отреагировал на слова водителя. Такое выражение лица не ускользнуло от цепкого взгляда «Спасителя». В этот миг физиономия Жеки действительно выглядела зловеще, благодаря нескольким шрамам, тянувшимся

от бровей по щеке до нижней челюсти. Дело в том, что с некоторых пор, заключенные в тюрьме сменили Жеке кличку, если ранее он отзывался на Пархатого, то теперь он был «Меченным». После того, как судом было назначено суровое наказание и Рыжкову вменили статью, признав особо-опасным рецидивистом, до утверждения приговора он находился в трехместной камере, но потом его должны были перевести в подвал к особо-опасным. Будучи от природы наглым и дерзким, Рыжков крупно поссорился с сокамерником и в ходе перепалки схватил его за горло и, не рассчитав сил, передал ему гортанный хрящ. За своего товарища вступился другой заключенный и набросился на Рыжкова. Меченный схватил его за грудки, с силой оттолкнул от себя, но, вероятно, не рассчитал силы. Заключенный ударился затылком об железный угол шконки. От сильного удара у него лопнул череп. С тяжелой черепно-мозговой травмой его отправили в больницу. Рыжков при разбирательстве в оперчасти соврал, сказав, что парни передрались между собой и результат оказался на лицо: один погиб, а другой находится в коме. Опасаясь, что потерпевший придет в себя и даст против него показания, Рыжков послал на свободу записку своему давнему приятелю Лешему, попросив о помощи, ведь за убийство его могут приговорить к расстрелу. Вскоре Меченному посчастливилось, его внезапно отправили этапом в колонию.

Леший, зная, что Садовников кого попало не примет в свое окружение, однажды в разговоре предложил ему и Крутову, помочь Рыжкову.

– Леший, я твоего корешка не знаю и в глаза не видывал. Если ты считаешь, что он надежен и подходит нам, проверь его, – предложил Аркан.

– Как проверить? Аркань, ему вышак светит и к тому же он на особый режим идет. Я узнал, что во время бунта он месил ментов за милую душу. Может, подтянем его к себе, пригодится по любому.

– Ладно, есть у меня один должник, бывший военспец, Крым-Нарым прошел и в придачу Афган. Я прошу ему долг. Объяснишь ему ситуацию, он поможет раскидать этот рамс. А ты Серега, – обратился Аркан к Крутову, – помоги им в разработке побега.

Помогая Рыжкову, Садовников понимал, что надежнее кадра, чем человек, находящийся под «вышкой», трудно отыскать и потому пошел на риск, поручив своим людям высвободить Меченного по пути в зону. План был до крайности дерзок и в случае провала, Рыжкову, а так же его «спасителю» грозила смерть и не то что бы с отсрочкой, а прямо, не отходя от спецвагона.

Должник Садовникова хотя и имел специальную подготовку, но проконсультировался с бывшим служащим охранного подразделения, некогда конвоировавшего заключенных. Зная многие нюансы в работе, он дополнил ценными советами план побега. В ход решено было пустить шумовые петарды, дымовые шашки со слезоточивым газом и возможно, огнестрельное оружие, лучше всего пистолет. За определенную плату согласовали с железнодорожниками, чтобы первые два пути были заняты вагонами, а нужный состав поставили на третий путь. Подкупив машиниста дрезины – беспробудного пьяницу, согласовали с ним последующие действия. Перед отправкой в колонию Рыжков получил от инспектора оперчасти Ермолова инструкции, какие действия ему стоит проводить во время побега. Ермолов информировал Крутова, когда и во сколько отправят спецмашину в пункт пересылки осужденных. И вот, в назначенный день один человек остался в машине, остановив ее недалеко от Бурлинского переезда, а другой заранее подготовил взрывчатые вещества для поднятия переполоха среди конвоиров.

...Садовников, после того как узнал, что его план по устранению Воробьева в тюрьме провалился, разозлился не на шутку. Первым делом он обрушился с оскорблениями в адрес «Азиата-торпеды», который не смог довести задуманный план до конца. Но когда до него дошла новость, что был раскрыт завербованный инспектор оперчасти Ермолов, не разобравшись, Аркан переключился на Крутова и его близких подручных.

– Вы что, не могли вовремя расчихать ситуацию. Крутила, ты врубаешься, чего нам стоил этот опер и, какую информацию он нам сливал. Потерять такого агента-мента. Да я вам бошки снесу, если на децелу¹⁸ окажетесь виноваты. Блин, как вы могли Ермолова проморгать? В тюрьме осталась одна шелуха, они Ермолову в подметки не годятся...

– Арканя, что ты на нас бочку катишь! Мы-то здесь причем? – перебил его Крутов, – Ермолова крутая «контора» взяла в оборот. Говорят, на него побег Карзубого хотят повесить.

– И ты этой шняге¹⁹ веришь?

– Верь не верь, а опер именно под такой замес попал.

– Кстати, что слышать о Карзубом, где он сейчас может гаситься? – Садовников вопросительно уставился на Крутова.

– Тишина гробовая, никто ничего не слышал и не знает. Нужно время, чтобы разобраться в этой катавасии.

– Да, как только Леху Дрона грохнули мусора, вся наша цепочка во «Вторую зону» накрылась. Крутила, пробей Карзубого по надежным связям, где-нибудь среди братвы все равно на него вылезет информация. Ладно, об этом пока все, давай о хлебе насущном покумекаем. Мне подкинули подноготную о свеженьких цеховиках, фамилии, адреса, как и где воду мутят, займись ими и чтобы к концу месяца «доил» их по-полной. – Аркан переключился на Лешакова, – что с твоим корешком-Меченным, отсиживается?

– Пока в Камне-на-Оби, как только затихнет мусорской поиск, вернется в Новосиб.

– Леший, тут братва с «Первомайки» просит, чтобы мы двоих «отморозков» у себя пригтели, говорят эти Слон и Туз совсем безбашенные, под чем угодно подписаться могут. Проматай их на надежность и приобщи к делу, пусть подпольных цеховиков трясут.

– Таких кровью надо повязывать, чтобы была стопроцентная верочка²⁰, вдруг лишнего ментам напоют, когда им ласты свяжут – деловито высказался Леший.

– Я сам разберусь, что лучше, а что хуже, – огрызнулся Аркан, – помоги Гвоздю докончить дело до конца, чтобы о Воробье я больше не слышал. Поняли меня?! – Садовников грозно посмотрел на Лешего и Гвоздя.

– Надо нового мокрушника в «Пятую зону» засылать, только так с Воробьем поквитаемся, – ответил Лешаков.

– Ладно, я подключу своего чека в погонах, он подготовит почву и подстрахует «торпеду» если возникнет что-то непредвиденное при устранении Воробья. От моего имени отправьте Волчонку маляву, пусть маракует, как лучше обстряпать дело с нашим воробышком, – язвительно произнес Аркан.

– А если Волчонок заартачится, ведь братва сообщила нам, что он с Воробьем в зоне пайку²¹ ломает.

– Куда он денется. Пусть отрабатывает и помнит, что я жизнь ему спас, а не отдал на съедение вора, он перед ними косяк запарол. А ты, Серега, – обратился Садовников к Крутову, – проконтролируй этих раздолбаев и если на этот раз, хоть что-то сорвется, шкуры на ремни распушу. Я этими проколами сыт по горло и если у вас тямы²² не хватает, как какого-то Воробья прихлопнуть, то я найду вам другое применение – на скотном дворе будете быкам хвосты крутить.

¹⁸ Децел – малая толика, часть.

¹⁹ Шняга – неправда, вымысел.

²⁰ Верочка – уверенность

²¹ Ломать пайку – жить в одной семье, делиться последним

²² Тяма – мышление

Крутов покосился на Аркана, пытаясь понять, относится ли эта угроза к нему, но уловив подмигивание кореша, успокоился. Оставшись наедине, Садовников поделился с Крутовым тайным письмом, полученным от Кузнецова до востребования.

– Кузнец жалуется на каких-то бесов, они попугать его решили. А дело вот в чем: попытался он Воробья прессануть немного, вроде все как по маслу пошло, он даже в БУР его загасил и при помощи зоновских вертухаев мялку устроил. И что ты думаешь? Через неделю Кузнецу кто-то прислал стремную маляву.

Садовников пересказал содержание текста.

– Во, блин – что за борзый объявился? – удивился Крутов, – похоже нас это тоже коснулось.

– Подпрягайся к делу, разузнай, что за тварь пытается слить нас мусорам. Если дело дойдет до прокурорских следаков и они начнут Кузнец раскручивать, точняком выйдут на нашу компашку.

– Но легавые выйдут на Новикова, а не на тебя, – Крутов поспешил успокоить своего кореша.

– Подполковник мою физику срисовал. Я что, должен шкуру на лице каждый год перетягивать, или менять должность директора «Утильсырья» на профессию дворника, – скептически высказался Садовников.

– Арканя, он видел тебя один раз и то в темноте, когда мы ночью подсадили его в машину. Я думаю, Кузнец не разглядел тебя. А что касается наших общих дел, так мы решаем их через подставных лиц с применением подложных ксив. Да, что ни говори, а пассажир нарисовался интересный и еще Кузнец попугивает. Надо бы отыскать этого борзого и разобраться.

– Чем скорее, тем лучше. Серега, как ты думаешь, Кузнец хотят просто попугать из-за Воробья?

– Меня больше всего напрягает, как анонимщику попала подноготная о связях подполковника с нами?

– Кто-то под нас роет. Но в этом деле надо шустрее один вопрос закрыть – кончить Воробья, что-то часто он стал выскакивать на нашей дороге. Уберем его, два добрых дела провернем: Кузнецу поможем и, я буду спокоен, что за Костяна отомстил.

– Подожди Арканя, не надо спешить с Воробьем – он сейчас единственная ниточка, связывающая нас с анонимщиком. Убьем Воробья и не узнаем, кто все-таки Кузнец шантажирует и к нам подбирается.

– Крутила, это ты сейчас Воробья выгораживаешь или действительно считаешь, что за ним стоит кто-то круче нас?

– Просто я так подумал...

– Подумал, – подозрительно произнес Садовников, – тогда поторопи Гвоздя, пусть засылает «торпеду» в зону. Кончим Воробья, а там разберемся с другими. Если Волчонок до сих пор со мной, то поможет нам, а если нет...

Волкова сильно раздосадовал полученный от корешей Аркана подробный план по устранению Воробьева, ведь он должен встретить человека, который на днях придет этапом в зону.

«Вот зараза! Поставили меня перед выбором: Аркану помочь ли Сашке? Проверяют твари, крепко ли я к Аркану привязан. С одной стороны я должен Сашку предупредить... Ага, он такой кипиш поднимет, сразу же все испортит. Откроется имя „торпеды“, тогда Аркановские чемергесы точно меня обвинят. Надо как-то лавировать, что-то придумать, иначе до Сашки доберутся».

Садовников, не послушав Крутова, поторопил своих архаровцев, предельно сжимая срок подготовки убийства Воробьева. Волков не стал предупреждать своего друга о грозящей опас-

ности и решил самостоятельно принять контрмеры. Он обдумал два варианта, один из них взял себе на вооружение, а другой отправил Аркану. Садовников и Крутов остались довольны разработкой Волкова и дали «торпед» зеленый свет для убийства Воробьева.

Прошло полмесяца. Работая в первую смену, Александр Воробьев со своей бригадой ожидал вечернего съема, но в этот момент к нему подошел Волков и тихо предупредил:

– Санек, сегодня оставайся во вторую смену. Через час к пятому цеху подъедет грузовая машина. Подойдешь к эску водиле – это мой человек, он машины²³гоняет. Водила укажет тебе, где спрятан грив. Заберешь и жди съема с работы. Я сам не могу, буду занят в жилой зоне, сегодня в нашем проходе пойдет игра, каталы²⁴ соберутся. С бугром и нарядчиком я договорился, твою карточку перекинут во вторую смену.

«Надо, так надо», – подумал Александр и, попрощавшись с Волковым, остался в промышленной зоне.

Ночью, перед съемом с работы второй смены, когда все заключенные крепко спали, в секцию, где размещалось спальное место Александра Воробьева, в мягкой обуви на войлочной подошве, осторожно прокрался мужчина. Подойдя к нужной кровати, он наклонился над парнем, лежащим на спине. Воробьев крепко спал. Ночной визитер встряхнул правую руку и в его ладони оказался острый, трехгранный стилет. Левой рукой он крепко зажал спящему заключенному рот, и умело вонзил лезвие прямо в сердце. Тело дернулось и через мгновение успокоилось. Воробьев был мертв. Убийца вынул из тела стилет. На одеяле расплывалось большое кровавое пятно. Перевернув убитого лицом вниз и, стараясь не нарушать сон осужденных, «торпед» прокрался по проходу между кроватями и вышел из секции.

В просторном фойе должен был дежурить ночной дневальный из числа заключенных, но в тот момент на посту его не оказалось. Убийца спустился по лестнице на первый этаж и вышел на территорию корпуса. Пройдя к бане, он перепрыгнул невысокий забор и направился по внутренней тропе нарядов в промышленную зону.

В это время возле вахты столпились заключенные, ожидая съема с работы. Пройдя по карточке в жилую зону, Воробьев зашел в столовую и, забрав пайку хлеба, направился в свой барак. Тихо, чтобы не разбудить спящих, он прошел к своему спальному месту и, остановившись, оторопел. На его постели лежал человек.

В том же проходе на своей кровати спал Волков. «Странно, может Волоха кому-то разрешил отдохнуть на моей постели, ведь раньше такое случалось, когда к нему приходили поиграть в карты, а меня просили перелечь на другую шконку».

После того, как Воробьев доказал надзирателям, что способен постоять за себя, его уже не так тщательно и нагло проверяли по ночам. Завхоз подводил проверяющих к спальному месту и они, убедившись, что Воробьев на своем месте, уходили.

Александр, подойдя к Волкову, потормошил его за плечо. Владимир тут же проснулся и приподнялся в постели.

– Это кто? – спросил Воробьев.

Волков демонстративно протер глаза и, пожав плечами, спустил ноги на пол. Протянул руку и похлопал спящего по спине, но он продолжал спать как «убитый». Волков резко поднялся и, сдернув одеяло, схватил спящего за руку и резко повернул лицом вверх. Жуткая картина предстала перед глазами друзей: на постели расплзлось большое кровавое пятно. Открытые глаза парня безжизненно уставились в одну точку. Вся его грудь была перепачкана кровью. Рот застыл в ужасном оскале. Друзья догадались, что этот человек мертв.

²³ Гонять машину – заезжая в зону, вольный водитель, руководствуясь приказом, передает машину шоферу-заключенному

²⁴ Катала – игрок в карты

Волков шепотом посоветовал Воробьеву не поднимать шум и направился в каптерку к завхозу. Разбудив его, предупредил о происшествии и предложил вызвать контролеров.

Через пятнадцать минут Воробьев и Волков находились в надзорслужбе и давали первые объяснения по поводу ночного инцидента. У Воробьева имелась масса свидетелей, что он в это время был в промышленной зоне и совершенно не ведал о человеке забравшегося без разрешения в его постель.

Волков ничего существенного показать не смог, он, как и все заключенные в секции, крепко спал. Естественно он не видел и не слышал, как посторонний зашел в проход и, раздевшись, лег в постель Александра.

Воробьева и Волкова увели в изолятор и оставили до утра. Затем пришел дознаватель и, вняв с обоих показания, передал оперативникам колонии для дальнейшего расследования убийства.

В ходе оперативных мероприятий выяснилось, что погибшим оказался осужденный четвертого отряда. Как он оказался в другой локальной зоне, в чужом отряде и на кровати Воробьева, предстояло еще выяснить. Статья, по которой отбывал наказание потерпевший, оказалась идентичной, за двойное убийство. На свободе он вел аморальный образ жизни и не имел постоянного места жительства.

...Подполковник Кузнецов, получивший указания от Садовникова, накануне убийства встретил с этапа исполнителя-зэка и, переговорив, заверил, что со стороны различных служб к нему интереса не возникнет. Кузнецов в этом плане перестраховался и дал «зеленый свет» в устранении нежелательного элемента. В убийстве Воробьева он был заинтересован, как никто другой. После полученных угроз он был настроен решительно и плану, предложенному Садовниковым, даже обрадовался. Дело оставалось за исполнителем.

Утром, находясь с деловым визитом в управлении, подполковник случайно услышал, что в «Пятой» колонии произошло ЧП. Найден труп человека. Не откладывая, он первым делом поехал на работу и сразу же включился в «расследование», но провести его нужно грамотно, чтобы не возникло подозрения, что Кузнецов каким-то образом заинтересован в ликвидации Воробьева. Он высказал Цезареву свои соображения, что убийца, очевидно, пришел убивать именно Воробьева, а не того, кого пригвоздил. Кузнецов, заинтересованный в запутывании следствия, надоумил Цезарева, что отпускать Воробьева из ШИЗО нельзя, ведь убийца до сих пор не найден и, узнав, что убрал не того, кого нужно, попытается завершить дело. В отношении Волкова оперативники приняли другое решение: не получив от него убедительных объяснений, выпустили из изолятора в зону.

Начальник оперчасти Цезарев, разыскивая свидетелей ночного происшествия, предположил, что первым, кто мог хоть что-то видеть, должен оказаться ночной дежурный, которого на момент убийства на месте не оказалось.

В спальном секции, где случилось происшествие, контролеры провели обыск, перевернув верх дном постели и прикроватные тумбочки. Искали орудие убийства. Дело дошло и до допроса ночного дневального, который клялся и божился, что никто за время его дежурства мимо поста не проходил.

Майор Цезарев рассудил логично: «Если убийца не проходил мимо дежурного, значит, он находился в одной секции с остальными заключенными. Под подозрение попадают пятьдесят человек». Он не верил словам дежурного и, моргнув Кузнецову, чтобы поддержал его, принялся допрашивать осужденного. Если он виноват, то перекрестный допрос непременно даст результат и, запутавшись, заключенный вынужден будет дать правдивые показания. После изнурительного двух часового допроса, дежурный, окончательно упавший духом, сдался и решил признаться в своей вине.

– Еще раз повторяю вопрос, кто ночью прошел в спальную секцию? – настаивал Цезарев

– Вечером ко мне подошел один мужик, я его никогда не видел.

– Во что он был одет? – спросил Кузнецов.

– В робу эковскую, а на голове «пидорка».

– Чего? – недоуменно спросил Цезарев.

– Ой, извиняюсь, гражданин начальник, по-нашему значит – фуражка. Мужик спросил, дежурю ли я ночью и, между прочим, дал заварку чая. Мне лично было по фиг, зачем он спросил. На меня с неба свалилась дармовая заварка.

– Рассказывай дальше без высказывания своих впечатлений, – потребовал Цезарев.

– Ну, перед съемом с работы второй смены, этот мужик снова подошел ко мне. Он сказал, чтобы я сходил в туалет и пробыл там минут десять. Я ему объяснил, что дежурю, и не могу отойти. Тогда он протянул мне целую плитку чая. Я опешил, но, конечно же, согласился.

– Он объяснил, для каких целей пришел ночью в чужой отряд? – спросил Кузнецов.

– Хотел срочно повидать своего знакомого.

– Ты точно его раньше не видел?

– Нет, не видел.

– Запомнил его, может, приметы, какие были? – спросил Цезарев.

– Лампочка от ночника такая тусклая, я его плохо разглядел, – лукавя, оправдывался дежурный.

– Ну, ты и шкура, – злобно проговорил Кузнецов, – благодаря твоему разгильдяйству убит человек. Тебя убийца купил за одну плитку чая.

– Я же не знал...

– Где чай?

– Нету, гражданин начальник, уже выпили.

– Что ты нам лапшу на уши вешаешь, – взбеленился Цезарев, – небось, спрятал где-нибудь. В общем, так, пойдешь по делу, как соучастник.

Не соглашаясь, дежурный замотал головой и, опустив глаза в пол, замкнулся в себе. Не добившись ни слова, заключенного под конвоем отправили в надзорное помещение, а затем препроводили в изолятор.

Что бы снять с себя ответственность, Цезарев предложил начальнику колонии подать прошение в управление об этапировании Воробьева в другую область. Второе убийство в колонии недопустимо. Но следствие продолжалось и доказать, что покушение состоялось именно на Воробьева, пока не представляло возможным. Александра

продержали пять суток в ШИЗО и выпустили.

Кузнецов при встрече с Крутовым, словно взбесился, обвиняя команду Садовника в не состоянии проведения подобных дел. Но Крутов быстро осадил его и, поставив на место, поручил оставить Воробьева в зоне и склонить начальство к подобному решению.

Убийцу уже отправили на этап в другую колонию и необходимо время, чтобы во все разобраться, но открывалась другая опасность: если Воробьев догадается, что на него целенаправленно совершено покушение, то начнется шантаж Кузнецова с последующим раскрытием опасных фактов, что приведет Кузнецова и команду Садовникова к необратимым последствиям. Крутов пообещал подполковнику, что уладит этот вопрос с Аркадием, который для всеобщего спокойствия отсрочит исполнение приговора Воробьева.

Александр после выхода из изолятора не ожидал, что его ждет неприятный разговор с Волковым и все, что случилось за последнюю неделю, было частью задумки самого Владимира.

– Санек, мне нужно с тобой поделиться одной новостью, это касается недавнего убийства.

– Поймали мокрушника?!

– Нет. Я сожалею, что не сказал тебе сразу, но я не мог иначе...

– Волоха, не ходи вокруг да около, о чем ты сожалеешь?

– Все зашло слишком далеко. Понимаешь, Аркан одержим мстью, он не простил тебе, смерть своего кореша Костяна. Он в натуре маньяк! Я понял, что он не отступится и потому решил тебя обезопасить...

– Блин, Волоха, что за загадки? Говори яснее.

– После неудачных покушений на тебя, Аркан разозлился, теперь он еще больше заинтересован в твоей смерти. Убитый на твоей шконке «пассажир» – это моя задумка.

– Твоя?! Ты в своем уме!

– Я спасал тебя от смерти.

– Получается, ты знал мокрушника.

– Я согласовывал с ним все действия.

– Ничего не понимаю, а погибший вместо меня, кто он?

– Мне пришлось уговорить одного «черта»²⁵ за полулитру водки, чтобы ночью он лег спать на твою кровать. Санек, я ведь предупреждал, Аркан не оставит тебя в покое. Он попросил меня, чтобы я помог покончить с тобой.

– Ты все еще зависишь от него?

– Отчасти. Пойми, здесь другое важно, после неудачного покушения они снова подошлют мокрушника.

– Почему ты сразу не сказал мне о готовящемся убийстве.

– Чтобы ты кипиш поднял. А после в обход меня, они все рано тебя завалят.

– Пожалуй, ты прав. Что мне делать, ждать, когда эта «торпеда» окончательно завалит меня?

– Нет, его уже отправили на этап. Хуже того, Аркан не станет мне больше доверять, – Волков тяжело вздохнул, – теперь уже не узнаем, когда прилетит от него очередная подляна.

– Так ты говоришь, его на этап отправили, а когда?

– Да какая теперь разница. А что спросил то?

– Да так, есть одна задумка, перехватить этого козла в тюрьме и выпытать, кто меня заказал?

– Как это кто? Конечно, Аркан.

– Волоха, нам надо подвести Аркану смачную фигу под нос, чтобы он понял, наконец, сколько «торпед» не зашлет, мы все равно их вычислим.

– Для этого нужны связи среди ментов.

– Скажи, как ты связался с мокрушником, как он попал в нашу зону?

– Неделью назад он пришел спецэтапом и разыскал меня в рабочке. Сказал, что Аркан его послал и маляву от него показал.

– Теперь я, кажется, догадываюсь, кто еще кроме тебя контактировал с мокрушником. Без ментовской помощи его бы к нам в зону не пригнали.

– У тебя есть наметки?

– Подозреваю только на одного козла, который здесь, среди офицера имеет значительный вес.

– Я понял, кого ты имеешь в виду – это Кузнецов?

– Волоха, и хлебом не корми, я думаю, что Кузнец помогает Аркану. Я кое-что об этом знаю.

– Этот след тянется с «Двойки»?

– Точно. Ну, Аркан, ну и крыса поганая, у него что, духу не хватает открыто предъявить и спросить с меня. Только исподтишка норовит укунить побольнее, – разгневанно произнес Александр, – достал уже меня. Я не посмотрю, что он в законе, доберусь и собственными руками задавлю.

²⁵ Черт – Слабовольный, зависимый человек

– Вопрос, как дожить до того времени?

– Не переживай Волоха, я что-нибудь придумаю. А может, до него дурака дойдет, что месть – это не совсем верный путь, возврата уже не будет.

– Пустой номер, Сань, я просил его в маляве, призывал к справедливости, убеждал, что так не поступают. И тебя я не раз предупреждал – он мстительный. Не уважаю его больше. За годы он изменился, разменялся на филки. Его одно быдло окружает, и они чувствуют его власть над собой. Я не из этой породы, себя и тебя просто так сожрать не дам. Пусть попробует еще что-нибудь замутить, ответку получит.

– Ладно, Волоха, нам надо хорошенько подумать, что делать дальше. Кстати, благодарю тебя, уже два раза ты спасаешь меня от этого гада. Сдается мне, Аркан и тебе не простит такой осечки.

– Возможно, ты прав, – тяжело вздохнув, ответил Владимир.

Вот и настало время обратиться Воробьеву к Михаилу Мурашову, работающему в пожарной охране. Александр написал обстоятельное письмо братьям Брагиным и сообщил все подробности о не состоявшемся убийстве. Мурашов передал Сергею Брагину письмо и на словах добавил, что по всей вероятности Воробьева этапируют в другую колонию. Убийцу не нашли и угроза последующего покушения на Александра продолжает нервировать лагерное начальство.

Сергей и Анатолий тщательно проанализировали сложившуюся ситуацию, и пока она складывалась не в лучшую сторону для Александра. Братья понимали, если промедлить, то случится непоправимое – друга могут убить. Два покушения на Александра уже говорили сами за себя, третий раз может оказаться последним. Сообщение от Воробьева, тому доказательство, пора начинать действовать решительно и быстро. Поэтому братья пришли к выводу, что присутствие в городе Сергея Ирощенко обязательно.

– Толя, готовим план по срочному освобождению Сашки.

– Может, будет лучше, если его сейчас этапируют в другую зону.

– И дать Аркану шанс – расправиться с ним в пересыльной тюрьме. Мы не можем больше ждать, Сашку нужно вытаскивать из колонии.

– Разве я против, но как это сделать? После побега Ирощенко из тюрьмы во всех закрытых учреждениях приняты беспрецедентные меры по проверке документов, вся пропускная система вывернута наизнанку. Рывок через контрольные полосы тоже ненадежен, слишком большой риск оказаться застреленным. Какие еще варианты?

– Времени на подготовку серьезного побега практически нет. Нужно придумать что-нибудь банальное, о чем начальство колонии даже и не помышляет.

– Как обстояло дело с побегом Сергея Ирощенко?

– Что-то в этом роде. Я налажу надежную связь с Сашкой, чтобы держать его в курсе всех наших шагов по его освобождению. Есть одна неплохая затея, если выгорит, то Сашка скоро будет на свободе.

– Кто бы сомневался в твоих способностях, – ухмыльнулся брат и следом серьезно добавил, – лишь бы нас не опередили.

Глава 10 Двое под крылом смерти

Между тем, дело приняло непредвиденный оборот. Аркан, узнав, что вторая попытка устранить Воробьева провалилась, был вне себя от ярости. За провал Гвоздю и Лешему досталось по-полной. Садовников хоть и шуткой, но грозился отправить их в колхоз. Глядя на его физиономию, подручные не могли уловить в его угрозах доли шутки. Однако, имея скользкую натуру, Гвоздь мастерски перевел стрелки на Волкова, передавшего свой план по устранению Воробьева. Конечно, можно было отложить новое «мероприятие» на неопределенный срок, но объявившийся вновь Кузнецов не просил, а потребовал защиты. Дело в том, что анонимщик опять прислал письмо, предупредив последний раз, что за Воробьева подполковника живьем загонит в могилу.

– Слышь, Арканя, а почему они тянут и не сдают Кузнеця прокурорским? – спросил Крутов, – может, нет у них ничего, а все эти угрозы – дешевые понты.

– Но подноготная на Кузнеця у них имеется, значит, все-таки что-то есть. Мне кажется, они чего-то ждут. Я вот о чем подумал, если мы грохнем Воробья, то спровоцируем анонимщика на какие-нибудь действия, или он вплотную возьмется за Кузнеця, а может, как ты говорил, он нагоняет «вороний понт».

Крутов, знающий Воробьева не понаслышке, еще раз попытался отговорить Аркана от безумной идеи.

– Аркань, я бы на твоём месте плюнул на Воробья, придет еще наше время, мы его любому достанем.

– Ну, конечно, расплевался он тут... В печенке Воробей у меня сидит. Ни за что не спущу гаденьшу, удавлю, как собаку.

– Мне просто интересно, кто же за ним стоит? Неужели Карзубый? Как не бросай карту, все одно на Серегу падает. Только он мог угрожать Кузнецу. Так что, Арканя, как не крути, а Воробей нам нужен живым.

– О Карзубом я как-то не подумал. А знаешь, твоя мысль заслуживает внимания, – заулыбался Садовников, – может и правда подобраться к Воробью со стороны Карзубого. А если мы Воробья из зоны вытащим и после этого расколем.

– Как ты его вытащишь? – округлил глаза Крутов.

– Есть у меня одна задумка.

Садовников и Крутов еще долго сидели в комнате одни и обсуждали свежий план, как им грамотно расправиться с Воробьем, а заодно выйти на след Карзубого. Под конец разговора Крутов одобряюще кивнул, ему понравилась мысль Аркана. Хитро улыбнувшись, он радостно произнес:

– Ну, что, я собираю братву и вперед.

– Хоть на этот раз не облажайтесь.

– Будь спок, сработаем без помарок, мы же на воле, а не в зоне.

Поздно вечером, когда начало смеркаться, в частный сектор по улице 1905 года, к воротам дома номер одиннадцать, подкатила легковая машина «Жигули». Это был дом, в котором проживал Николай Воробьев. Высадив пассажиров, водитель машины проехал до перекрестка.

Гвоздь давал последние наставления Слону и Тузу, прозванных «громилами» за крупные телосложения. На тенистой от тополей, кленов и черемухи улице, было тихо. Вокруг не единой души. Гвоздь повел своих архаровцев во двор дома. Подождав немного в небольшом, прилегающем к дому огороде, они огляделись, прислушались и только потом вошли внутрь дома. Очутившись в небольшой кухне, всей компанией направились в большую комнату, расположенную слева. На диване спал мертвецки пьяный Николай Воробьев. Получив от Гвоздя сиг-

нал, бугаи вышли на улицу и быстро направились к калитке. Через минуту прибыл все тот же «Жигуль». Оглядываясь по сторонам, чтобы никто их не заметил, они открыли крышку багажника и вытащили скатанный в рулон ковер. Пока проносили свою ношу в сарай, расположенный рядом с домом, Гвоздь наблюдал за окружающей обстановкой. По соседству с домом все по-прежнему было тихо. Рядом через забор большой семьей жили цыгане, но и у них было все спокойно. Спрятавшись, кто где, компания уголовников стала кого-то поджидать.

Прошло полчаса. В сумеречной тишине скрипнула калитка. Во двор вошла молодая, стройная женщина и уверенно направилась в дом. Она вошла в комнату, где спал ее бывший муж и, увидев его спящим, осуждающе покачала головой. Екатерина Воробьева развернулась, чтобы выйти, как вдруг со спины ее кто-то сильно ударил по затылку. Теряя сознание, она вскрикнула и, опираясь на косяк, тихо сползла на пол. От крика пробудился Николай и, ничего не соображая, уставился на не прошеных гостей. Затем перевел пьяный взгляд на лежавшую в проходе женщину и узнал в ней бывшую жену Екатерину. Николай попытался встать с дивана, но мощный удар кулаком в челюсть уложил его на место.

– Так, орелики, быстро делаем, как было условлено, не забудьте надеть перчатки, – отдал распоряжение Гвоздь.

Бугаи подхватили потерявшую сознание женщину и понесли в сарайку. Через несколько минут оттуда вышел Слон с окровавленным топором в руках и направился обратно в дом. Он вложил в руки отключившегося Николая рукоятку топора и придавил его пальцы, чтобы остались отпечатки. Топор отбросил в угол кухни, затем в дверном проходе поставил табурет, заранее приложив к нему руки Николая, будто он сам поставил его на место. Вдвоем с Тузом взгрозили на табурет Воробьева и накинули на его шею петлю из веревки. Над дверью в стене торчал массивный гвоздь, на нем и закрепили второй конец веревки. Подвесив, таким образом, не пришедшего в себя Николая, убийцы выбили у него из-под ног табурет и, дождавшись, пока он не прекратит дергаться в петле, вышли во двор. Гвоздь поторапливал напарников, стоя на атаке возле открытой калитки.

Туз со Слоном вытащили из сарая бесчувственную, окровавленную женщину и, завернув в старый ковер, здесь же в огороде, облили бензином и подожгли. Затем подхватили большой сверток, завернутый в одеяло и быстро, выскочили на улицу. Тишина... На другой стороне дороги, в доме напротив, кто-то хлопнул форточкой. Несколько секунд ждали, когда машина подъедет к воротам. Бугаи уложили большой сверток в багажник. «Жигуль», резво рванул с места и, выскочив на улицу Вокзальную, понесся в сторону Бурлинки.

Недалеко от железнодорожного переезда, бугаи подобрали Крутова, и вместе направились к выезду из города. Доехав до главной развилки, машина помчалась в сторону дачного поселка «Сосновка», где уголовники временно расположились в одном из домов.

На пульт Железнодорожного РОВД поступил звонок от жительницы, проживающей в частном секторе по улице 1905 года. Взволнованный женский голос сообщил, что во дворе дома номер одиннадцать возник пожар.

– Гражданочка, а милиция здесь причем, вызывайте пожарную команду, – ответил дежурный.

– Но там, в доме человек повесился, – с тревогой произнесла женщина.

– Кто его обнаружил? Как Ваша фамилия?

– Приезжайте скорее: улица 1905 года, дом одиннадцать, – ответила женщина и повесила трубку.

На вызов к месту происшествия срочно выехала оперативная группа, в состав которой входили: следователь, эксперт, проводник с собакой, два работника милиции в гражданской одежде и дежуривший на сутках, молодой инспектор УГРО Валерий Морозов. После службы в армии он пошел работать в милицию и, окончив учебные курсы, получил звание младшего

лейтенанта. Не так давно Валерий был зачислен в группу оперативных работников при райотделе.

Морозов знал, куда направляется группа, ведь это был адрес его близкого друга Саши Воробьева. Трясаясь в «УАЗе», Валерий недоумевал: «Что там могло произойти? Сашка сидит в тюрьме, тетя Катя уже давно не живет с дядей Колей».

Прибыв на место, милиционеры первым делом вывели со двора любопытных соседей. Весь забор в огороде облепила цыганская ребятня. Залив водой угасающее пламя, милиционеры с трудом развернули тлеющий ковер и увидели полусгоревший человеческий труп. Со стороны соседей раздались ужасающие возгласы. Оперативникам пришлось согнать с забора любопытных ребятишек, чтобы не мешали расследованию. Вокруг распространялся невыносимый запах паленого мяса, действующий на людей тошнотворно. По форме тела и сохранившимся остаткам платья, можно было смело судить – это был труп женщины. Туловище и лицо обгорели до неузнаваемости.

Действительно, как сообщила по телефону гражданка, в доме был обнаружен висевший на веревке хозяин. Морозов узнал его сразу – это был Сашин отец, Николай Воробьев. А вот обгоревшая женщина... Валерий призадумался: «Наверное, сожительница дяди Коли или, заглянувшая к нему с вокзала какая-нибудь алкоголичка».

В ходе осмотра комнат в доме, специалисты обнаружили топор, валявшийся в углу кухни. На нем просматривались бурые пятна, возможно, это была кровь. Топор, как вещественное доказательство, приобщили к делу. Эксперт возился с табуретом и прочей мебелью, обследуя на предмет отпечатков пальцев. Следователь опрашивал живущих по соседству людей и при свете ночного фонарика делал короткие записи в блокноте. Соседи недоумевали, гибель Николая стала для них полной неожиданностью, а что касалось сгоревшего женского трупа, мнения были различные: Николай привечал у себя разных представительниц слабого пола, начиная от знакомых, не брезгующих опохмелиться за чужой счет и заканчивая женщин легкого поведения. На вопрос, контактировал ли Воробьев со своей бывшей женой, соседи отвечали однозначно: она уже давно не появлялась в этом доме.

Морозову, пока единственному из милиционеров, пришла в голову тревожная мысль. Зная хорошо, как выглядит Екатерина Михайловна, он с трепетом разглядывал обгоревший труп. Разве можно сейчас найти какое либо сходство и, потому версия, что погибла именно она, отошла на задний план. «Кошмар! Возможно, эксперты идентифицируют труп, и не дай бог это будет Екатерина Михайловна. Ох, хоть бы не она...» – мрачно подумал Морозов.

Валерий был знаком со многими жителями улицы, ведь они с Сашей Воробьевым, будучи мальчишками, знали в этом районе каждую подворотню. В первую очередь Морозов направился к собутыльнику погибшего Николая. Митяй – близкий дружок Воробьева, жил через три дома в двухэтажном, деревянном здании. Услышав от Валерия о гибели приятеля, он погоревал и поделился, как сегодня на пару с погибшим пили водку и ближе к обеду Митяй ушел. Как добрался до собственной квартиры, естественно не помнил. Слушая Митяя, Морозов заметил, что Николай не рассказывал дружку о Екатерине Михайловне, а тем более угрожал в ее адрес смертью.

Валерий вернулся к месту происшествия и внимательно осмотрел территорию, прилегающую к дому. Он посмотрел на окна дома, расположенного на противоположной стороне улицы, в некоторых из них горел свет. Колыхнулась занавеска, и Морозов, сообразив, что из данных окон хорошо видна входная калитка, направился на квартиру к бабе Лине. Его встретила пожилая женщина и, поздоровавшись, приветливо спросила:

– Валерик, что в гости не заглядываешь? Ох, как давно я тебя не видела. Не сидится тебе дома в такую темень, потерял, что ли кого?

– Баб Лин, здравствуйте. У меня теперь служба, иногда сутками дежурю. Вы случайно никого сегодня не видели около дома дяди Коли Воробьева?

– Как же, видела, Митяй у него с утра ошивался, – но заметив задумчивый взгляд Валеры, спросила, – что случилось, ты кого-то потерял?

– Дядя Коля Воробьев повесился.

– Да ты что! Он что, совсем от пьянки с ума спятил. А я смотрю люди толпятся, милиция приехала. Думала, Николай чего натворил. Ох, Коля-Коля, я так и говорила, что нормальной смертью не помрет, либо от пьянки сгорит, либо под трамвай попадет. А здесь вон чего удумал – повеситься. А когда, сегодня что ли?

– Да, сегодня. Баб Лин, а вы никого не видели возле дома Воробьевых, может, кроме Митяя еще кто-нибудь приходил?

– Да нет, никого не заметила. Хотя, подожди, машина подъезжала, остановилась возле его ворот.

– На обочине или прямо у ворот?

– Кажется, задом уперлась в ворота.

– Во сколько это было?

– Не знаю, не смотрела на часы, но уже темно было, я подумала, может к Николаю кто приехал, она еще фарами посветила.

– А что за машина была, цвет не заметили?

– Так темно ж было, но кажется, светлая, маленькая такая.

– Легковая.

– Я не разбираюсь, может и легковая.

Морозов поблагодарил старушку и направился пешком в райотдел, не дожидаясь возвращения остальных сотрудников группы. Все равно сегодня придется еще долго сидеть и согласовывать с операми поступившие новые данные о ночном происшествии.

Обеспокоенный долгим отсутствием жены, Симагин Александр Петрович поздно вечером пошел встречать ее с работы. Но Екатерины в библиотеке не оказалось. Вернувшись в квартиру, он прождал ее всю ночь. Смутная тревога закрадывалась в сердце, но Александр все время пытался отогнать дурные мысли, успокаивая себя, что Катя заночевала у кого-нибудь из знакомых и в любом случае придет домой. Едваждавшись утра, он пошел к ней на работу, но дверь в библиотеку оказалась закрытой. Тогда он позвонил начальству, но и там сказали, что не видели Воробьеву со вчерашнего дня. Шальная мысль проскочила в голове: «Может, к Николаю пошла и у него заночевала». Но, вспомнив, как на самом деле обстояли дела между бывшими супругами, Симагин категорически отказался от такого вывода. Выход оставался один и Александр напрямик пошел в милицию. Из дежурной части его направили к следователю, который в деликатной форме попытался объяснить суть ночного, трагического происшествия. По версии следователя, на тот момент пока единственной, пьяный Николай Воробьев нанес своей бывшей жене удар топором по голове и, практически открыто сжег ее тело во дворе собственного дома, а затем повесился в доме. Следователь предложил Симагину съездить в патологоанатомический центр, чтобы опознать тело сгоревшей женщины. Страшная новость ввергла Александра Петровича в шок, он не принял этот вариант за основу и, чтобы окончательно развеять свои сомнения, согласился проехать в морг.

Морозов несколько раз встречался с Александром Петровичем у него на квартире, когда приходил к тете Кате, справиться о Саше. Валерий взялся сопровождать Симагина в морг. Всю дорогу он успокаивал тренера, стараясь хоть как-то подготовить к неприятному моменту предстоящего опознания.

В морге их принял врач-патологоанатом Сергей Дмитриевич и проводил в специальную комнату для опознания женского трупа. Когда он отвернул край простыни, Александр Петрович увидел обезображенное пламенем тело и воскликнул:

– Ужас, разве можно здесь что-то разглядеть! Боже мой, все лицо обгорело! Нет-нет, это не она... Но когда ему показали фрагменты обгоревшей одежды и сумочки, с которой Екатерина ходила на работу, он горестно воскликнул:

– Пойдите! Это же ее платье! И сумочка ее, там должен быть паспорт. Катя, Катюша, родная моя, да как же это так, – Александр еще ближе подошел к обгоревшему труп. Морозов перехватил за руку возбужденного Симагина, пытаясь силой сдержать, затем вывел его в коридор и, усадив на стул, спросил:

– Александр Петрович, вспомните, пожалуйста, может быть, у тети Кати были какие-то особые приметы?

– Да нет, ничего особенного я не замечал. А вот туфельки белые, я покупал их на ее день рождения. Платье тоже знакомое...

Слезы застилали глаза. Он до сих пор не мог прийти в себя от ужасной картины. Не хотелось верить, что перед ним лежало изуродованное тело родной Екатерины.

– Валера, ведь это же неправда? Ты можешь мне, хотя что-то объяснить.

– Крепитесь, Александр Петрович, – сочувственно произнес Морозов, – по версии следователя, ее бывший муж в бесконтрольном, пьяном состоянии, нанес смертельный удар топором по голове, затем, завернув в ковер, облил бензином и поджег в огороде.

– Я уже слышал этот бред. Валера, не мог Николай так поступить, он хоть и пил, но не сгорал от мстительности, это я точно говорю. Он сам при мне просил у Кати прощение и полностью взял на себя вину в их разрыве. Валера, как Екатерина могла оказаться в его доме поздно вечером?

– Мы сейчас работаем над этим, но пока существует главная версия, что ее убил Николай Воробьев. Александр Петрович, вы не замечали в последнее время или может, тетя Катя рассказывала вам о своих подозрениях, тревогах? Если не Воробьев совершил это преступление, то кто?

– У нее не было врагов, в последнее время все шло хорошо, исключая конечно неприятность с Сашей, ведь он отбывает срок, но в отношении Николая, я еще раз повторяю, не мог он убить Катю.

– Почему вы так думаете, Александр Петрович, ведь он долгое время не просыхал от пьянки. Мало ли, какие мысли могут возникнуть у пьяного человека, это вполне допустимое предположение. После того, как он это сотворил, наступил провал в сознании и, боясь за последствие, он покончил жизнь самоубийством. Осмотр места происшествия и улики подсказывают, что такое мог натворить только Воробьев.

– Какие улики?

– На рукоятке топора, которым удали по голове женщину есть отпечатки пальцев Воробьева.

– Я не верю этому! Милиции просто не хочется искать настоящего убийцу, – резко произнес Симагин, но увидев, как лицо Морозова изменилось, смягчился, – Валера, не обижайся, но ты должен меня понять. Погибла моя любимая жена.

Александр Петрович поднялся и, слегка пошатываясь, прошел по коридору и очутился на улице. Неутешное горе захлестнуло его разум, он не мог и не хотел смириться, что самая любимая и незабвенная Екатерина больше не взглянет ему в глаза, не погладит по голове, делая это традиционно, перед тем, как уходила на работу. Она больше не поцелует его. Александр пошел прочь от мрачного одноэтажного здания.

Тем временем Садовников, наблюдая, как совместный с Крутовым план сработал, и милиция пошла по направленному следу, срочно отправил записку Волкову. Он успокоил кореша, объяснив, что его вины в неудавшемся убийстве нет. Просил сообщить Воробью о гибели родителей, что виновен в этой неприятной истории напившийся до «чертиков» Воро-

бьев – старший. Аркан так же настаивал, чтобы Волков уговорил Воробьева и «подстегнул» к побегу из зоны. Братва готова помочь ему и встретит на воле как полагается. Пусть Воробей считает, что с этого момента он прощен и теперь его место среди братвы, окружающей воровского авторитета.

Волков, прочтя записку, отбросил всяческие сомнения, что Аркан продолжает на него давить и если он откажется, то Садовников найдет способ, как рассчитаться с обоими друзьями, ведь теперь ни для кого не было секретом, что они с Воробьевым поддерживают дружеские отношения.

Трагическая новость о смерти родителей Воробьева, ввергла Волкова в шок. Он даже представить себе не мог, как сообщит другу о страшном известии. Естественно, Александр начнет задавать вопросы: кто предупредил, почему до сих пор он якшается с Садовниковым и идет на поводу у его прихвостней. «Санек, Санек, что за напасть на тебя свалилась? То от Аркана нет спасения, то от родного пахана беда прилетела, – горестно подумал Волков, – как же тебе все это пережить? Тут еще эта мразь не отстает, крепко же он меня захомотал. Все думает, что я по гроб жизни ему обязан за давнюю помощь. Дружбой прикрывается, изворачивается, беспредел творит. Подставляет мою голову, а сам в сторону. Упырь! Ну, нет, ублюдок, Сашку я вам на съедение не отдам, подавитесь твари. На этот раз расшибусь, но замучу встречную подляну, век меня помнить будете», – со злостью размышлял Волков, не желая больше помогать Аркану и его шестеркам.

Но и на этот раз Садовников и Крутов не до оценили способности Воробьева. Откуда им было знать, что между Александром и братьями Брагиными налажена надежная и оперативная связь. Через осужденного Карпухина – дневального заводоуправления, удавалось делать экстренные звонки, как на свободу, так и в обратном направлении. Естественно разговоры проходили быстро, объективно и к тому же имели шифровку, чтобы при прослушивании на местном коммутаторе не догадались, что звонят заключенные.

Пока Садовников собирался написать Волкову, да записка шла к адресату, Сергей Брагин уже получил роковое известие от Симагина – мужа Екатерины. Как только Сергей узнал о происшествии, передал через Мурашова срочное сообщение Воробьеву, озвучив основную версию следователя в смерти родителей. Брагин просил крепиться, держаться изо всех сил и не натворить глупостей. Очень скоро он добудет полную и объективную информацию о происшедшем и незамедлительно вышлет Александру.

Воробьев не хотел принимать чудовищную новость, во что угодно он мог поверить, но не в смерть родной матери. Неопределенность давила на сознание еще больше, хотелось скорее услышать, что произошла нелепая ошибка. Он с замиранием сердца проходил мимо здания пожарной охраны, в надежде увидеть Мурашова и получить от него хоть какую-нибудь весточку с воли. Но тщетно. Тогда он пошел к заводоуправлению, чтобы найти своего земляка Карпухина, может, ему позвонили и сказали, что произошла ошибка. Все было безрезультатно. Сидя на корточках возле цеха, он не замечал, как знакомые люди здоровались с ним. Мысли были заняты о маме. Самое главное сейчас для него, пожалуй, оказаться там – на воле, чтобы разобраться в этой неразберихе. В данной ситуации, Александр не мог ничего исправить. Нужно было время, терпение, но этого как раз, у него не хватало.

Снявшись вечером с работы, он побрел с бригадниками в столовую. Но кушать совершенно не хотелось. Увидев перед входом в локальный сектор собравшуюся толпу заключенных, он понял, что активист не хочет открывать калитку и ждет, когда соберется больше народа. В сердцах он крикнул:

– Падаль! Ты что над людьми издеваешься? Открывай...

Активист равнодушно продолжал созерцать на толпу с вышки и не обращал внимания на крики. Воробьев еще больше разозлился и, подойдя к железной лестнице, взялся за поручни и крикнул:

– Я тебя скину оттуда, если не откроешь...

Не успел он закончить фразу, как почувствовал, что кто-то ухватил его за ворот и потащил из толпы. Александр вывернулся и хотел двинуть хама кулаком, но увидев перед собой капитана-Шифоньера, изумленно застыл в позе.

– Воробьев, опять здесь смуту наводишь, а ну, шагай на вахту, – приказал офицер.

– Нечего издеваться над людьми, – отпарировал Александр, – мы с работы идем голодные, а он...

– Рот закрой и следуй вперед.

Погасив в себе всплеск злости, Воробьев пошел в надзорслужбу в сопровождении Бражникова. Ни один из заключенных не поддержал его в тот момент, видимо страх перед наказанием был сильнее протеста.

На Воробьева составили рапорт и сопроводили в изолятор до окончательного решения начальника колонии. Сидя в одиночке, он сгорал от безысходности. Сейчас вся надежда была на оперативность друзей, только они могли ему помочь. «Как отец мог сотворить такое с мамой, у него что, совсем «крышу» от пьянки сорвало. Мама, дорогая моя! Что же теперь будет? Нет, я не верю в это... Он ходил взад-вперед, отмеряя шагами маленькую камеру и, думал, думал, думал...

Вдруг дверь открылась и показавшийся в проеме надзиратель, приказал:

– Воробьев, иди за мной.

Его завели в служебный кабинет. За столом сидел незнакомый подполковник, а рядом стоял начальник оперативной части Цезарев.

«Сволочи, влепят сейчас пятнадцать суток», – подумал Александр, но вслух равнодушно произнес:

– Где подписать? Только не тяните, ведите назад в камеру.

– Воробьев, не нужно ничего подписывать, я здесь по другому делу, – ответил подполковник, начальник спецчасти колонии, – я прошу тебя крепиться. Пришел официальный документ из управления, твои родители...

– Я уже знаю...

– Знаешь?! Откуда? – перебил его Цезарев.

– Сорока на хвосте принесла, – мрачно ответил Александр, – гражданин начальник, неужели это правда?

– Да. Твои родители погибли.

– Меня отпустят на похороны? – спросил он с мольбой в голосе.

– К сожалению, администрация колонии не имеет таких полномочий, решение принимает управление.

– Они разрешат?

Цезарев замотал головой, а подполковник официально заявил:

– Управление против.

– Ну, почему?! Отпустите хотя бы на час под конвоем. Слово даю, не сбегу.

– Воробьев, тебе сказали – нет! – Резко ответил Цезарев, – это не детский сад. У тебя постановлений в деле уйма и характеристика ужасная. Кто же тебя отпустит. Ты успокойся, возьми себя в руки. Единственно, что я для тебя могу сделать, это выпустить в зону и не наказывать за эксцесс возле столовой. Пойми, не мы принимаем решение, отпустить тебя или нет.

Для Александра такое объяснение было исчерпывающим, он согласно кивнул и, заложив руки за спину, повернулся к двери.

– Прапорщик, – громко позвал Цезарев, – выпусти его.

Ужасная новость уже разнеслась по всей зоне, не оставляя равнодушными заключенных и даже администрацию колонии. Такое пережить очень тяжело, все это понимали и сочувствовали Воробьеву, но помочь ничем не могли. Александр, молча, принимал соболезнования и старался уединиться, ему сейчас меньше всего хотелось общаться с людьми, мысли о гибели мамы не давали покоя.

Придя в отряд, он поздоровался с Волковым и на его предложение уединиться в каптерке, ответил молчаливым кивком. Владимир утешал друга:

– Саш, я тебе соболезную. Только что с воли мне сообщили о трагедии.

– Кто тебе сообщил?

– Пацаны пригнали маляву.

– Случаем, это не люди Аркана? – немного язвительно спросил Воробьев.

– Нет, – соврал Волков, чтобы не травмировать дальше друга, – у меня достаточно знакомых.

– Волоха, может, первый раз в жизни я не знаю, что мне делать. Как вырваться хотя бы на час, чтобы похоронить маму... Начальник спецчасти зачитал мне отказ управления. Ну, почему вся эта поганая, мусорская система так относится к людям? У меня горе и не один из этих подонков не хочет войти в мое положение. Трусливые гады, все кивают наверх, мол, только в управе могут решить этот вопрос. Если б ты знал, как я ненавижу всю эту никчемную власть. У них только на словах звучит забота о человеке, а на самом деле – это лживые и ожиревшие от беспредела скоты, не способные к состраданию и обыкновенной человеческой помощи.

Чтобы отвлечь друга от горестных мыслей, Волков решил сменить тему разговора:

– Это я-то не знаю. Да я давно на себе прочувствовал эту власть, когда еще в детдоме находился. Ведь моя фамилия по отцу – Книс. У меня немецкие корни. В детстве я всегда ощущал на себе злобные, советские взгляды, особенно в день победы.

– А почему ты сейчас Волков?

– Когда потерял паспорт, то решил взять фамилию матери, но и в ней было намешано разной крови: польской, латышской, украинской.

– И что, с русской фамилией легче стало жить?

– Внешне, да, но в душе не очень, у меня ведь некоторых родственников перед войной расстреляли, а кое-кого в Казахстан сослали, только за то, что они немецкой национальности.

– А мой дед рассказывал, как в нашей деревне НКВДэшники перед войной аресты провели, из сорока человек вернулись только одиннадцать.

– А нас – немцев, сотнями, тысячами утюжили. Комсюки боялись, как бы обрусевшие немцы духовно к гитлеризму не потянулись. Поганая советская система людям совсем мозги засрала. Я на уральской пересылке встретил пожилого каторжанина, так он мне много чего о войне нарасказывал: советы перед войной насильно захватили Прибалтику, Западную Украину, а всем лапшу на уши до сих пор вешают, что они по собственной воле вступили в Советский союз. Я в эту чушь теперь не верю. Пропаганда – это сила и впихивают ее в бошки молодым, а им политика по боку. Историю надо изучать не только по учебникам. Так что, твоя ненависть к власти мне понятна, здесь я тебя по-полной поддерживаю. У меня своя, справедливая злость к совку.

– К чему?

– Совку. Ты разве не слышал? Говорят, прибалты так называют Красную армию и тех, кто помогал захватывать их земли, одним словом – советские оккупанты.

– Значит, ты тоже к этой власти не ровно дышишь?

– А кто, по-твоему, еще? – удивился Волков

– Леха Дрон, Вася Симута и Лешка Сибирский. Я тебе о них рассказывал, их предков советская власть тоже поимела.

– Я рад, что ты советы ненавидишь. Мне эта власть тоже, как заноза в жопе. Здесь об этом и поговорить не с кем, чуть что, в политчасть сдадут, а там и по политической уши на затылке завяжут.

Волков облегченно вздохнул, чувствуя, что отвлек друга от мрачных мыслей.

– Волоха, мы ведь с тобой друзья. Знаешь, что меня волнует?

Волков вопросительно взглянул на Воробья и пожал плечами.

– Скажи, ты что-то должен Аркану?

– Скорее всего, это чувство долга, мы ведь были друзьями.

– Были? А зачем ты сейчас ему помогаешь?

– Ты имеешь в виду покушение на тебя. Но ведь я сделал все, чтобы спасти тебя.

– Волоха... Я могу тебе доверять?

– Санек, давай я объясню тебе кое-какие вещи. Недавно у меня был выбор: или ты, или Аркан. Ты сам понял, кого я выбрал. Почему? Да потому что в тюрьме ты не раздумывал и помог мне. Ты ведь сделал это от души. Так как я должен поступать с тобой? Пусть кое-кто считает меня конченным, прогнившим. Да, я перестал доверять многим людям, но о человеке я сужу не только по словам, а больше по поступкам. Я считаю, что в душе всегда должен оставаться человеком, несмотря на обстоятельства.

– Человеком, говоришь... А того парня, которого ты подставил вместо меня. Неужели ты считаешь, что поступил справедливо, – не кривя душой, – заметил Александр.

– Ах, да, я же не сказал тебе, кто он был и почему я решил подставить именно его. Он был конченным «отморозком».

– Что же он сделал?

– На воле он был алкашом, опустившийся ниже плинтуса. Гасился в теплотрассах, шатался по вокзалам, собирал еду с помоек. Одним словом был «Бичом»²⁶. А сущность его заключается в том, что он натворил. Живя на мусорной свалке, он что-то не поделил со своими «собратями». Разругался с ними напрочь. Ночью поджег шалаш, где спали бедолаги. В итоге: многие обгорели, а двое зажарились заживо. Поверь, Санек, в зоне я не смог найти другого, более подходящего на роль «жмурика»²⁷.

– Да уж, нечего сказать, до чего же люди бывают жестокими, – вздохнул тяжело Александр и вернулся к прежнему разговору, – Волоха, я хорошо знаю своего отца. Понимаешь, он не смог бы пойти на такое убийство. Пусть он пил, дрался, но убить маму – ни за что!

– У тебя есть другие соображения?

– Я вспомнил недавний разговор с одним человеком, мы обсуждали кровную месть. К примеру, как мафия на Сицилии вырезает семейство, вплоть до последнего ребенка-мальчика. Как-то в разговоре ты подтвердил мои догадки о мести Аркана...

– Постой, постой... Ты думаешь, что Аркан убил твою мать? А как же твой отец?

– Подожди, не гони. Я высказал свое предположение. Раз ты считаешь, что Аркан мстительный, у меня и возникли такие мысли.

– А что, на Аркана это похоже. Но пойти на такое... Надо быть полным «отморозком».

– Еще раз повторяю, отец любил мою маму, пусть в прошлом, но это не он убил ее.

– Но он повесился.

– Над этим сейчас работают мои друзья. Идет следствие и не только в отделе. Отца могли и повесить. Если он был мертвецки пьян, то, как смог удавиться? Все это – сплошной кошмар.

²⁶ – Бич – (Бывший Интеллигентный Человек); без определенного места жительства, неработающий

²⁷ Жмурик – умерший

– Так, так, так, – догадавшись, зачастил Волков, – если считать эту версию основной, то следующей жертвой после твоих родителей, должен стать дед Михаил. Или... – Волков сгустил брови и тревожно взглянул на Воробьева.

– Аленка?! – догадался Александр.

Кивнув, Волков подтвердил опасения друга.

– Вдруг Аркан узнает о твоих заочных отношениях с Аленкой. Представляешь, что они могут с ней сотворить. И о себе ты тоже подумай, два покушения – это тебе не хрен собачий.

Воробьев уже не слушал Волкова, мысли устремились к девушке. Обдумывая разные варианты, он спросил:

– Что посоветуешь, Волоха?

– Пока вижу только один выход – бежать и на воле попытаться во всем разобраться. Если виноват Аркан, то... Сам понимаешь, иначе он тебя достанет или убьет деда Михаила.

Волков не стал говорить Александру об Аркановском письме, но в голове уже зрел план, относительно побега. Кроме того Александру необходима была чья-то помощь со свободы.

– Ты говорил, на воле у тебя есть хорошие знакомые, готовые помочь, – поинтересовался Волков.

– Я не говорил такого. Но на всякий случай, один человек не откажет мне в помощи, – это муж моей мамы... – Александр осекся на последнем слове, мысленно возвращаясь к трагической смерти матери. А еще он хорошо запомнил предостережение Сергея Брагина, и потому не стал посвящать Волкова в свои тайны.

– Сань, срочно напиши Аленке письмо, я отправлю. Что хочешь, выдумывай, но попроси на время уехать из Новосибирска. Только не тяни с письмом, время дорого. Сам знаешь, Аркан взялся за тебя круто, не дай боже он и с Аленкой подляну сострогает. Теперь и мне измена катит, что смерть твоих родителей – это его замутка.

– Если подтвердится, что это его козни, найду и задавлю собаку, – с ненавистью произнес Александр.

– Одному на воле не след к Аркану соваться, он окружил себя не только отморозками, но и не глупыми людьми. В первую очередь надо твоего деда уберечь, а то и до него доберутся.

– Не беспокойся, дед в таком месте находится, там его трудно достать.

– Не надо Аркана и его шакалов считать тупыми, тебя-то они нашли.

– Хорошо, я предупрежу деда.

– Санек, я сейчас пойду, мне нужно с одним человечком увидаться, это касается твоего побега. Да, да, не смотри на меня так, я уже готовлюсь. Дай знать своим людям на воле, придет время, мы с ними все согласуем, чтобы накладки не получилось.

Оставшись один, Александр, написал несколько писем: одно адресовал своим друзьям – братьям Брагиным и Сергею Ирошенко, предупреждая об опасности, грозящей деду Михаилу. Так же сообщил о своих подозрениях по поводу мести Аркана и просил братьев по возможности проверить эту версию. Сообщил им о переписке с девушкой и об опасении, что в данной ситуации она может оказаться заложницей. Второе письмо написал Аленке, сообщив о человеке, которому она может доверять.

Глава 11 По следу банды

Садовников с Крутовым не переставали думать, каким образом таинственный тип, пришедший Кузнецову письмо с угрозами, мог узнать об их связях с подполковником. Вероятнее всего, как предполагал Крутов, этот след тянется с взбунтовавшейся зоны, где раньше работал бывший начальник режима. Ирощенко, мог быть этим типом, но кто-то помог совершить ему побег и по соображениям Крутова, этот кто-то и шантажировал Кузнецова. Знать, кто он такой, мог только Воробьев. На этот счет Аркан высказал свои предположения:

– Допускаю, Воробью подфартило, и в тюрьме он сорвался с ножа, но второй раз...

– Верно Арканя, – поддержал его Крутов – как пить дать, ему кто-то помогает. Может Волчонок на два фронта пашет, они ведь теперь с Воробьем кенты?

– Попробуем выманить Воробья из зоны, как не крути, он все равно расколется, отдадим его Тузу и Слону, они выдавят из него все дерьмо. Сейчас для нас главное, чтобы анонимщик дальше не пошел и, менты не взяли Кузнецца за жабры. Так что Крут, напрягай Волчонка, пусть рогом шевелит. Воробей должен сдернуть с зоны и чем быстрее, тем лучше для нас. Возьми все дела под свой контроль, а то эти бесы совсем нюх потеряли, пора их стегануть, как следует.

Садовникова не очень удивлял тот факт, что его помощники в последнее время потеряли бдительность. Ведь прошло немало времени, с тех пор, как он привлек бывших сидельцев к серьезным делам. Урокам конспирации он их обучил. Пока они чувствовали, что ходят по краю пропасти, то слушались, исполняли все, как он велел. Но прошло время и все стало меняться. У местных уркаганов притупилось чувство самосохранения, они напрочь забыли об осторожности, а кое-кто начал гордиться, что стал круче и умнее милиции и прочих правоохранительных органов. Крутов – человек осторожный, просчитает все наперед и с «кондачка» на рожон не полезет. А вот о Лешакове и Гвоздеве такого не скажешь, они стали, смело появляться то в одном ресторане, то в другом. С женщинами пьянствуют, а во время кутежа могут чего-нибудь сболтнуть. Появилась излишняя самоуверенность, что они стали недостижимы для уголовного розыска. Садовников неоднократно предупреждал о грозящей опасности: если когда-нибудь их накроют с поличным, все получат сполна. Потому как за годы было наворочено столько опасных дел, что копни УГРО глубже, кое-кто может рассчитывать на высшую меру. Потому Аркан решил снова зажать своих помощников в кулаке и не давать им излишней самостоятельности.

Расширяя поле деятельности, Садовников включил в свой план устранение Кузнецова. Зачем уголовному авторитету нужен посредник в производственной цепочке? Когда он сам может стать деловым партнером по тайным сделкам между управлением ИТУ и основными заказчиками в строительстве домов и коттеджей, а так же в изготовливании и сбыте изделий ширпотреба. Но очередное обсуждение с Крутовым о предстоящих изменениях в ближайшем будущем, перестроило планы Садовникова.

– Аркань, зачем нам убивать Кузнецца? Мы его другим способом «схаваем».

– Если знаешь, подскажи такой способ.

– Закончим с Воробьем и анонимщиком, чтобы они не путались у нас под ногами, примемся за Кузнецца. Мы перекупим его участие и в концовке подберемся к Говорову.

– Толково мыслишь, глядишь, и Говорова спихнем, – хитро заулыбался Садовников.

– Деньги решают многое, но главное в этом деле – цена «сделки», – подмигнув, весело закончил Крутов.

Получив от Воробьева письмо и, руководствуясь его советом, Сергей Брагин в первую очередь решил поговорить с Морозовым. Встретились два оперативных работника на нейтральной территории. Сергей представился близким знакомым семьи Воробьевых и предложил

общаться между собой по-простому. Морозов поначалу держался скованно и настороженно, не собираясь делиться данными по делу Воробьевых. Но в ходе беседы Брагин убедил Валерия, что действует строго в интересах Александра. Еще не совсем понимая, чем Брагин может помочь следствию, Морозов неохотно шел на контакт, но узнав, что Сергей в каком-то роде является его коллегой и проводит независимое расследование, все же решил поделиться своими соображениями.

– Дядя Коля не мог убить свою бывшую жену.

– Почему так думаешь?

– Я с детства знаю Воробьевых и хоть дядя Коля злоупотреблял алкоголем, но на такое он не способен.

– Валера, это не аргумент, важны факты.

– Хорошо, вот факты... Версия следователя, что муж убил свою бывшую жену и покончил с собой, никак не вписывается в логическую цепочку событий. Заключение экспертизы не соответствует действительности: кровь, обнаруженная на топоре, не принадлежит сожженному в огороде человеку. Хотя череп погибшей женщины действительно был пробит острым предметом, и орудием убийства эксперты считают топор.

– Если этот труп не принадлежит Екатерине, то кто же погибшая женщина? И откуда взялась кровь на топоре?

– Я не знаю. Вся надежда на экспертизу. Если группы крови не сойдутся, то выходит – это не тетя Катя.

– Валера, а тебе не кажется, что тот, кто убил женщину, просто уводит следствие в другую сторону. А Николая могли убить.

– Но зачем? Чем таким важным располагал дядя Коля, чтобы его убили. Кому это нужно?

– Вот это правильный вопрос. Я думаю, два убийства мог совершить тот человек, который скрывает еще какое-то преступление и наша с тобой задача – докопаться до этого обстоятельства.

– Соседка видела, как ночью к воротам подъезжала какая-то машина, скорее всего, легковая. Еще она заметила, что машина прижалась задней частью к воротам.

– Может, просто водитель разворачивался.

– Может, и так. Сергей, тебе что-нибудь известно о Саше? Я давно не получал от него вестей, все время тетя Катя о нем сообщала, а теперь... – Морозов тяжело вздохнул, – как он переживет эту трагедию. Не дай бог надумает что-то.

– Саша жив, здоров. Крепится, но очень переживает. Ждет от меня весточки. Если погибшая окажется не Екатериной Воробьевой, то у нас появится шанс.

– Тебе не кажется, что история с убийством довольно запутана?

– Нет, не кажется. Я почему-то уверен, что за этим стоит определенный преступник.

– И кто же он?

– Пока не знаю, но постараюсь разобраться и, если мои предположения подтвердятся, я раскрою имя этого негодяя.

Оперативники разошлись, пообещав взаимно, делиться информацией по делу смерти Воробьевых.

Сергей Брагин – одаренный человек, способный найти выход из разных ситуаций. Пополняя свою картотеку разными личностями и, имея массу знакомых, ему ничего не стоило добыть нужную информацию. Он хорошо запомнил разговор с Александром и понимал, что так называемый вор в законе, может выбрать любой выгодный для него вариант, чтобы добиться смерти деда Михаила и его внука. Эта версия крепко заняла свое место и, братьям Брагиным нужно было первыми докопаться до правды, не дожидаясь, когда случится беда с Александром и оперативники со следователем провернут это дело быстрее.

Сергей продолжал работать в СИЗО, занимая должность старшего инспектора оперчасти. Новый начальник изолятора, поставленный управлением, разобравшись в ситуации, не стал кардинально менять команду оперативников, а взял их под собственный контроль. Вскоре он убедился, что Брагин отлично исполняет свои обязанности и быть может, по окончании института, будет полезен для дальнейшей работы в СИЗО.

Сергей, сославшись на подготовку к сессии, взял небольшой административный отпуск, чтобы попытаться распутать сложное преступление. Получив информацию от Морозова о таинственной машине и, скрупулезно разрабатывая свою версию, Сергей обратился в ГАИ. И вот – первая удача. В песчаном карьере была найдена легковая машина с выгоревшим салоном. Накануне прошел сильный дождь, не дав машине сгореть до основания. Эта был «Жигуль – Ваз 2101», светло-бежевого цвета. Машину доставили на стоянку в ГАИ до выяснения обстоятельств. По кузовным номерам работники установили, что легковушка числилась в угоне, и нашелся ее хозяин, ранее заявивший о краже машины.

Брагин получил доступ к машине и после тщательного осмотра обнаружил в багажнике под ковриком, не тронутым огнем, два бурых пятна. Сделав пару разных мазков, направил Морозову для дальнейшей экспертизы.

Анатолий Брагин тоже включился в расследование. Надежной зацепкой, как считали братья, могло стать наблюдение за Кузнецовым, в процессе которого, непременно выявится связь с уголовниками. Но слежка могла ничего не дать и к тому же, требовала уйму времени, которого у братьев не хватало. Для оперативности они прибегли к другому способу: через своего знакомого, Сергей передал Александру в колонию записку, попросив узнать у Волкова, кто из «гонцов» нелегально доставляет письма на свободу определенным уголовникам. Зная о дружеском расположении Воробьева к Волкову, можно было надеяться, что последний не откажет в такой просьбе. Именно так и случилось. Гонцом оказался вольнонаемный мастер производственного цеха, выполнявший за вознаграждение те или иные поручения строго ограниченных людей. Волков как раз написал записку Садовникову и передал «почтальону».

Анатолий посетил административный корпус колонии и по поддельному документу представился проверяющим производственно-хозяйственной деятельности закрытого учреждения. Просматривая карточки и фотографии вольнонаемных сотрудников, по фамилии нашел нужного человека и запомнил его лицо. После обеда позаимствовал у хорошего знакомого машину и к вечеру ждал «почтальона» у ворот колонии. Затем Анатолий последовал за ним к дому, где всю ночь прождал во дворе под окнами квартиры.

Подобные послания по договоренности, имели срочность, потому гонец утром отправился по уже знакомому адресу, чтобы передать письмо лично в руки. Двухэтажный дом располагался в Кировском районе на «Расточке» и, как выяснилось позже, на первом этаже была квартира, в которой торговали самогоном и техническим спиртом. Именно там находился подручный Садовникова, Гвоздев, проживая у своей сожительницы.

Новым «объектом» слежки оказался высокий, худощавый, сутулый парень с короткой стрижкой на голове. На его правую руку, покоящуюся на повязке, был наложен гипс. Выйдя из дома, он остановил легковую машину и поехал в другой район города. Анатолий последовал за ним. Водитель личного «такси», приехав в «Нахаловку» высадил парня на Владимировской улице, недалеко от магазина №11. Анатолий не стал привлекать к себе внимание и остановил машину на выезде из проулка. Затем зашел в небольшой деревянный магазинчик, расположенный по соседству с домом, где скрылся парень. Из окна магазина хорошо была видна калитка, и Анатолий заметил одну особенность: иногда во двор заходили неопрятно одетые мужики и парни. Увидев одного из них с бутылкой в руке, Анатолий догадался, что они покупали в доме подпольную самогонку.

Прикинув в уме, что к чему, он тоже решил воспользоваться подвернувшимся случаем. Взьерошив на голове волосы, Анатолий обмазал лицо пылью. Для правдоподобности пришлось

замарать рубашку и запачкать брюки грязью, вот теперь можно идти и покупать «султыгу». Вошел в коридорчик, по обе стороны которого размещались две двери и, выбрав левую, пнул по ней два раза. На стук вышел молодой мужчина лет тридцати пяти и недовольно спросил:

– Что надо?

– Мне бы это, опохмелиться, – Анатолий протянул дрожащей рукой деньги.

– Ты что, блин, новенький, пойло напротив – наглова то ответил парень и захлопнул дверь перед его носом.

Спустя час Анатолий уже находился у Сергея на квартире и подробно рассказывал о результатах своей слежки.

– Так, значит, сегодня этот тип должен передать письмо дальше по цепочке, – подытожил Сергей, – теперь моя очередь проследить за ним. Обрисуй его поподробнее, как выглядит, какая походка. Ты отдохни здесь, а потом покажись дома, а то тебя родные наверняка потеряли.

– Да нет, я предупредил Лену, что дежурю.

– Я возьму твою машину, вечером встретимся. Дай бог, чтобы мы вышли на след этого пресловутого Аркана.

Сергей занял свой пост возле магазина №11, рядом с домом, где находился засвеченный «объект». Долго ждать не пришлось, за сутулым парнем с загипсованной рукой, прибыл «Москвич» зеленого цвета. Посадив его, водитель машины направился по Владимировой, а затем свернул на улицу Дуси Ковальчук. Автомобиль скатился с пологого спуска и оказался за Бурлинским переездом в частном секторе. Улочки располагались в хаотическом порядке. Держась на приличном расстоянии, Брагин продолжал следовать за машиной, но вскоре потерял ее из виду. Пришлось остановить машину и дальше идти пешком. Сергей заволновался, «Москвич» будто испарился. Обследовав две улицы, он не обнаружил легковушки. Пришлось вернуться к своей машине и заново заняться поиском. Проходя мимо одного дома, расположенного за высоким забором, Сергей обратил внимание на приоткрытую калитку. В глубине двора стоял злополучный «Москвич». За забором слышались мужские голоса. Какой-то парень подошел к калитке и, высунув голову, оглядел улицу по сторонам. Сергей едва успел отойти и отвернуться, как ему вслед кто-то крикнул:

– Эй, мужик, ты кого здесь ищешь?

– Это Бурлинский переезд? – Спросил Сергей, запомнив название улицы и расположение домов по порядку.

– Да. А тебе кого надо?

– Я по объявлению, прочитал на вокзале, в двадцать четвертом доме временно сдается комната.

– А-а, это дальше, – парень махнул рукой в сторону, где располагался дом и закрыл калитку.

«Фу, ты черт, угораздило меня нарваться именно на них. Однако, пронесло, кажется, этот парень поверил мне. Итак, номер дома двенадцать. Кто же здесь проживает? Нужно срочно проверить дом по городской базе адресов».

По ходу тайной деятельности у Сергея было несколько удостоверений, в этот день он взял с собой «корочки» майора внутренней службы. Зайдя в здание городской справки, показал удостоверение и попросил, чтобы срочно отыскивали по картотеке, кто проживает по данному адресу. Через несколько минут он получил справку о владельце дома.

Не откладывая, Брагин позвонил в Железнодорожный райотдел милиции, где работал его давний знакомый и обратился с просьбой, пробить по базе данных одного гражданина. Позвонив через два часа, Сергей получил ответ: *Симутин Захар Алексеевич 1927г. рождения, прописан по адресу Бурлинский переезд, дом двенадцать. В настоящее время осужден судом Железнодорожного района по уголовной статье и отбывает срок наказания в ИТУ-5 строгого режима города Новосибирска.*

«Стоп! Это же колония, где находится Сашка Воробьев. Ах! – обрадовался Сергей, – Симутин, это же тот авторитетный человек в зоне, у которого сын погиб во время бунта. Значит, Симутин и Аркановские уркаганы каким-то образом связаны между собой, раз околачиваются в его доме. Почему Аркановские? Да потому, что Волков оправил свою записку именно Аркану! Выходит, я на верном пути и Садовников в любое время может появиться по этому адресу. Хотя он не настолько глуп, чтобы воспользоваться этим домом для проживания, скорее всего, в нем собираются его подручные. Да, похоже „вор в законе“ не станет светиться перед всеми подряд, ведь его фотографии еще не сняты со стенда „Их разыскивает милиция“».

Глава 12 Факты – упрямая вещь

Однажды к симпатичной, белокурой девушке, по имени Алена, подошел молодой мужчина среднего роста, с пышной копной волнистых, каштановых волос и с шикарными усами. Девушка только что вышла из дома и направилась в гости к своей подруге. Назвавшись Михаилом, он предложил ей пройти в соседний сквер и поговорить об их общем знакомом – Александре Воробьеве. Заинтересованная Алена, указала на лавочку, приглашая мужчину присесть.

– Алена, вероятно, вы уже получили письмо от Саши, в нем он предупредил, что к вам обратится один человек...

– Так вы и есть тот человек? – перебила девушка собеседника.

Анатолий кивнул и задал откровенный вопрос:

– Вы доверяете Саше?

– Что за вопрос, естественно.

– Понимаете, Алена, Саша не мог в письме раскрыть суть своей просьбы. Вы только не пугайтесь...

– Я поняла из содержимого письма, что у Саши какие-то неприятности, – опять перебила Алена, – может, вы мне объясните, чего мне ожидать. Как я поняла, разговор у нас с вами будет конфиденциальный. Саша указал, чтобы я доверилась вам.

– Ему угрожает опасность.

– От кого она исходит? – девушка удивленно посмотрела на собеседника.

– От матерых уголовников. Они не могут забыть ему один случай, когда их интересы пересеклись. Если откровенно, Саша заступился за своего друга и в коллективной потасовке побил одного парня, за что оказался на скамье подсудимых. Случай давний, но в определенных кругах нашумевший. Именно по этому факту 1976 году, чтобы Александра упечь за решетку, были подкуплены судьи и прокурор.

– Саша не писал мне об этом случае. Конечно, я спрашивала его, за что угодил за решетку, но он деликатно отмолчался. Правда, я не настаивала...

– Совсем недавно, открылся еще один тревожный эпизод из Сашиной жизни, это случилось за год до его ареста. С родным дедом, он обходил лесничество, и они случайно встретились с вооруженными бандитами, бежавшими из мест заключения. Деду и Саше удалось бежать, но один из бандитов утонул в болоте, а другой, к сожалению, остался жив и теперь преследует Сашу.

– Невероятно! А как же милиция? Неужели нельзя Саше помочь.

– Есть обстоятельства, при которых нельзя обращаться за помощью в милицию.

– Не понимаю.

– Алена, у Александра на днях случилось большое горе, его родители погибли.

– Что?! – вскричала пораженная девушка, – как погибли?

– Очень запутанная история. Идет следствие, но, к сожалению, пока безрезультатно. Существует основная версия, что отец Саши, напившись, убил свою жену и покончил жизнь самоубийством.

– Какой ужас!

– Но, по нашему мнению, то есть друзей Саши, эта версия не главная. Мы ведем свое расследование, и есть неплохие результаты, мама Саши, возможно жива, чего не скажешь об его отце, он действительно умер.

– Почему... Почему он не сообщил мне о своем горе? Неужели я не имею права об этом знать. Мы с Сашей всегда были откровенны...

– Алена, не думайте о нем плохо. Поймите, ему сейчас нелегко.

– Михаил, мы любим друг друга и мне небезразлична его жизнь. Кстати, а что с Сашиной мамой, вы говорите, она может быть жива. Не понимаю вас.

– Как утверждает следователь, труп Воробьевой был сожжен до неузнаваемости, но есть другие предположения, противоречащие основной версии.

– Господи, почему все так сложно?! А Саша, что он думает об этом?

– Вы сами понимаете, Александр сейчас в таком положении, что не может расследовать убийство своих родителей, поэтому мы – близкие друзья помогаем ему. А милиция... Что она может сделать в данной ситуации? Есть преступник, совершивший убийство и по нашему мнению он связан с покушениями на Сашу Воробьева.

Алена была шокирована откровением Михаила. В голове не укладывалось, как много всего свалилось на ее парня, а она, выходит, осталась в стороне. От обиды, жалости, на ее глазах выступили слезы. Она была настолько поражена и расстроена, что казалось, не было смысла продолжать разговор.

– Что же теперь делать? – выдавила она с горечью.

Протянув платочек, Михаил заботливо прикоснулся к ее руке.

– Алена, успокойтесь. Чтобы предотвратить покушение на Сашу, нам необходимо обезопасить его окружение. Дед Михаил, вы... Понимаете, о чем я говорю.

Девушка, молча, замотала головой. Михаил протянул ей конверт и попросил ознакомиться с его содержимым. Алена быстро разорвала конверт и, достав лист, пробежалась глазами по строкам, затем она еще раз прочла, но уже медленнее.

– Санечка, дорогой мой... Значит, эти бандиты и меня могут...

– Нет, Алена, мы этого не допустим и сделаем все, чтобы помочь вам с Сашей.

Алена замотала головой и судорожно произнесла:

– Я должна пойти в милицию.

– И все испортите. Саша погибнет. У нас есть план, как все это исправить. Вы должны хотя бы на время уехать из Новосибирска.

– Сейчас?! Но я не могу. После всего, что узнала, я не хочу бросать Сашу. Михаил, я буду слушать вас и делать все, что скажете, но только не заставляйте меня уезжать.

– Поймите, если вас схватят уголовники, у нас будут связаны руки, мы не сможем действовать свободно.

– Я это поняла из Сашиного письма.

– Алена, вы живете вдвоем с мамой?

– Да.

– А отец?

– Папа ушел от нас, когда мне было пять лет.

– А кем работает ваша мама?

– Старшей медсестрой в оперблоке, в хирургическом отделении.

– Вы бы могли что-нибудь придумать и уехать из города.

– Я сейчас на каникулах, осенью у меня начинаются занятия, я учусь на врача в медицинском институте на четвертом курсе.

– Отличная профессия, у вас хороший выбор.

– Спасибо, – девушка судорожно вздохнула и продолжила, – я могу уехать только на две недели к бабушке, тем более у нас с мамой уже состоялся разговор. Только я не хочу бросать сейчас Сашу, ведь ему грозит опасность.

– Алена, милая, ему будет намного легче, если вы окажетесь в безопасности. Только никому не говорите о своем отъезде и попросите об этом маму.

– Как ее об этом попросить?

– У вас до Саши, был парень, вы дружили, с кемнибудь?

– Да, конечно, мы расстались. А зачем вам это?

– Вот и скажите маме, что парень не отстает от вас, постоянно преследует, и вы не хотите, чтобы он знал, куда вы уехали.

– Хорошо, я поговорю с мамой. Михаил, вы можете передать Саше письмо, я напишу прямо сейчас. Пожалуйста, я вас очень прошу.

У девушки на глазах заблестели слезы.

– Конечно, Алена, я обязательно передам письмо. Прошу вас, никому не говорите о нашем разговоре и как можно скорее уезжайте. Мы постараемся, чтобы Александр был в безопасности и скоро встретился с вами.

– Так я могу в ближайшее время с ним увидеться?! – обрадовалась девушка.

– Думаю, да. Главное, не переживайте, все будет хорошо, – успокаивал он Алену.

Михаил подождал, пока Алена допишет письмо и еще раз попросил, чтобы она не говорила ничего своим подругам. Он указал ей адрес почтового отделения и посоветовал завести индивидуальный почтовый ящик, чтобы получать письма до востребования. Попрощавшись с Аленой, он пообещал по возможности держать в курсе событий и поспешил на встречу со своим братом. Этим мужчиной оказался Анатолий Брагин, изменивший свой облик посредством парика и накладных усов.

Сергей Брагин не хотел брать во внимание основную версию следователя, что убийцей Екатерины был ее бывший муж. Придерживаясь новых данных по делу, Сергей решил побывать на месте преступления и, имея опыт в таких делах, попытаться найти хоть какие-нибудь улики. Аккуратно отклеив бумажную ленточку, которой была опечатана калитка, прошел во двор. Осмотрел весь огороδικ, вплоть до туалета, расположенного у противоположного забора. Покопался в земле, где был подожжен труп женщины, но ничего примечательного не обнаружил. В дом он не смог попасть, так как дверь была заперта на замок, а ставни на окнах закрыты изнутри. Обойдя вокруг дома и, не заметив ничего интересного, подошел к сараю, в котором, по словам Морозова, Николай расправился с Екатериной.

Сергей тяжело вздохнул и, остановившись, снял фуражку, чтобы добрым словом помянуть близкого ему человека. Он ни с кем не делился, что Екатерина с самой первой встречи очень ему понравилась. До того, как он женился и после развода с женой, ему не приходилось встречать подобных женщин. И дело, пожалуй, было не только в безукоризненной внешности Екатерины, а в ее душе, в глазах, в манере вести разговор и держать себя, как подобает образованной и галантной женщине. Он не мог забыть ее прекрасных глаз, излучающих доброту и счастье. Ее печальный взгляд, отражающий безысходность и отчаяние, когда она присутствовала на судебном процессе по делу Саши. В одно и то же время Сергей понимал, что эта прекрасная женщина принадлежит другому мужчине, но порой ничего не мог с собой поделать, она никак не выходила из головы. «Ох, если бы раньше я имел только один шанс, стать ее мужчиной. Я бы не упустил такого случая», – Сергей тяжело вздохнул, ловя себя на мысли, что подумал о Кате в прошедшем времени. Он полностью разделял горе Саши и даже не мог представить, что ее бывший муж мог так поступить с этой солнечной женщиной. Да, действительно, Сергей горевал в тайне ото всех, а носить в себе боль и не поделиться ни с кем, так тяжело. Наверно сейчас на этом месте он готов мысленно признаться ей в любви. Да, он действительно любит Катю! Не в прошлом, а именно в настоящем времени и поэтому не хочет верить в ее смерть.

Не так давно, когда они изредка встречались по делу, у него постоянно возникало чувство, что его любовь останется безответной. Он переживал по этому поводу. Но, если судить по мужественному характеру, то он мог держать себя в руках, а при надобности приглушить чувства, не давая им захлестнуть себя, как это случается со многими влюбленными мужчинами.

Открыв скрипучую дверь, он вошел в темный сарай. На земле просматривалась лужица свернувшейся крови, уже высохшей и почерневшей от времени. Слева – дощатая углярка. Прямо, располагалась дровница. И больше ничего, что могло привлечь его внимание. Он еще раз посветил фонариком в угол поленицы и заметил скомканную бумажку. Пробравшись по раскинутым дровам, он подобрал бумагу и вышел на свет. Разгладив ее, удивился – это была справка об освобождении заключенного из мест лишения свободы. Зэки называют ее по-иному – «портянкой», потому как она довольно длинная. В уголовной среде встречаются индивидуумы, отбывшие срок раз десять и имевшие массу разных статей, которые вписываются в такую справку. При этом, обязательно указывается: каким судом и на какой срок владелец данного документа был осужден или откуда освобождался из мест заключения.

Справка, когда-то принадлежала женщине: Коноваловой Анастасии Дмитриевне, 1938 года рождения, дважды судимой. Последний раз освободилась из женской колонии №9, село Раздольное, Новосибирской области. В нижнем левом углу под печатью, располагалась ее фотокарточка. На Сергея с фото смотрела вполне симпатичная женщина, средних лет, со светлыми волосами и прямым, строгим взглядом. «Как эта справка очутилась здесь? Может быть, к Николаю заглядывали знакомые женщины из числа бывших зэчек? Кому-то эта справка стала без надобности и от нее избавились, бросив в угол сарайки».

Опыт и интуиция подсказывали Сергею, не выбрасывать документ, а свернуть и положить в карман. Рассуждая логически о статусе владелицы данного документа, Брагин отправился к железнодорожному вокзалу, где обычно девицы такого рода промышляют круглые сутки.

Он зашел в комнату милиции. Предъявил удостоверение майора и, показав справку, спросил старшину:

– Эту гражданочку в районе вокзала не видели?

– А вы, собственно, товарищ майор, из какого ведомства будете? Смотрю форма на вас не наша.

– О Конторе Глубокого Бурения слышал?

– Товарищ майор, извиняюсь, по долгу службы должен бдительность проявлять, – оправдывался старшина перед офицером.

– Ну, так видел ты эту дамочку?

– А что, обокрала кого? – не отвечая на вопрос, спросил дежурный.

– Ага, типа того, – с оттенком сарказма ответил Сергей, – нашим органам от УГРО поступило сообщение, что вот эта женщина на вокзале смошенничала, обманув одного проезжего гражданина, а он оказался служащим из серьезной «конторы». Ну, так ты ее видел?

– Ну-ка, ну-ка, товарищ майор, подождите, я сейчас.

Старшина подошел к камере, где содержались задержанные на вокзале проститутки и граждане в состоянии алкогольного опьянения.

– Эй, Гаврилова, ну-ка подойди сюда. Вот смотри, знаешь эту лярву?

Он показал ей справку с фотографией. Гаврилова, подбоченившись, брезгливо бросила:

– Я своих, мусор поганый, не продаю.

– Дура ты неумытая, я ж не прошу тебя сдавать ее, а спрашиваю, видела ли ты эту особу?

– Да пошел ты! Тебе надо, ты и ищи.

Слегка подвыпившая женщина села на свое место. Сергей подошел к открытой двери и попросил ее подойти к решетке. Гаврилова, увидев майора в не милицейском, а военном кителе, послушно встала с лавки.

– Хочешь выйти отсюда? – Сергей приложил палец к губам. Она согласно кивнула.

– Старшина, открой камеру. В виду оперативной обстановки я хочу с ней побеседовать. Здесь есть отдельная комната, чтобы я мог с ней остаться наедине?

Старшина выпустил Гаврилову, затем, открыв ключом дверь в соседнюю комнату, впустил майора вместе с задержанной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.